

ББК 63.3(2)2
З 63

Научный редактор – д-р ист. наук, проф. А.З. Винников

Рецензенты – д-р ист. наук Р.В. Терпиловский
канд. ист. наук А.М. Обломский

З 63

Зиньковская И.В. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. –
Воронеж: Воронежский университет, 2000. 152 с., ил.

ISBN 5-9273-0001-4

Книга посвящена реконструированию этнокультурной истории населения лесостепного Днепро-Донского междуречья с рубежа II-III вв. н.э. по VIII в. н.э. по материалам погребальных комплексов с кремациями пяти археологических культур: киевской, черняховской, колочинской, пеньковской, волынцевской, связанных с этногенезом и ранней историей славян и предшествующих в этом регионе хорошо изученным славянским древностям Подонья и Днепровского Левобережья конца I тыс. н.э.

Для историков, археологов, этнографов.

ISBN 5-9273-0001-4

© И.В. Зиньковская, 2000
© Воронежский университет, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
<i>Глава I</i>	
История исследования погребальных памятников второй-третьей четверти I тыс. н.э. в лесостепном Днепро - Донском междуречье и историография вопроса	7
<i>Глава II</i>	
Классификация и типология погребений по обряду кремации второй-третьей четверти I тыс.н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья	
Формирование выборки	31
Формализация и статистические методы обработки данных	39
Морфологический анализ погребений с кремациями	48
<i>Глава III</i>	
Этнокультурная история населения лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй-третьей четверти I тыс.н.э. (опыт реконструкции по материалам погребальных комплексов с кремациями)	69
Основные тенденции социального развития населения лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй-третьей четверти I тыс.н.э.	69
Керамика из погребений с кремациями как этнокультурный индикатор	81
Этнокультурные процессы в лесостепном Днепро-Донском междуречье во второй-третьей четверти I тыс.н.э.	89
Заключение	105
Список литературы	108
Список сокращений	123

ВВЕДЕНИЕ

Лесостепное Днепро-Донское междуречье - это район, где славяне вступали в контакты и имели тесные связи с балтскими, сарматскими, германскими группировками в римское время и тюрками, болгарами, аланами в раннем средневековье (Славяне Юго-Восточной Европы, 1990, С.322-334). Сложность и неоднозначность этнических процессов, происходивших на рассматриваемой территории, обуславливались разносторонней направленностью культурных и экономических связей проживавшего здесь населения с Прибалтийским регионом, Северным Причерноморьем и Поднестровьем во второй четверти I тыс.н.э. и с Подунавьем, Поволжьем и Северным Кавказом в третьей четверти - конце I тыс.н.э., а также военно-политическими катаклизмами эпохи "великого переселения народов", в значительной мере, нарушавшими плавность эволюционного исторического развития населения.

Рассматриваемый нами регион в конце II-III в.н.э. был затронут миграционным потоком готов, продвигавшихся к Северному Причерноморью (Буданова, 1990, С.74-82), а в конце IV в. волной вторжения кочевников из Средней Азии - гуннов (Седов, 1994, С.287). Военные действия между готами-ангами и гуннами на рубеже IV-V вв., описанные Иорданом (Свод древнейших письменных известий о славянах (I-VI вв.), 1994, С.115) также происходили, по-видимому, в Днепровском Левобережье (Приходнюк, 1992, С.174-175).

Серьезные изменения в структуре заселенности региона в третьей четверти I тыс.н.э. были вызваны движением в западном направлении болгар, затронувшим южные лесостепные районы и увлекшим какую-то часть местного населения (Щеглова, 1990, С.179), а также экспансией Хазарского каганата в VIII в.н.э., вследствие которой Северский Донец и Лесостепное Подонье оказываются занятыми алано-болгарскими группировками (Плетнева, 1989, С.268-283, Михеев, 1985).

Краткость и неопределенность письменных свидетельств, затрагивающих Днепро-Донское междуречье (Свод древнейших письменных известий о славянах (I-VI вв.), 1994, С.109,201), специфика бурного периода "переселения народов" и широкая распространенность обряда кремации в Европе вместе с конвергентностью многих археологически фиксируемых проявлений обряда (в погребальных устройствах, способах обращения с останками кремации) - вот те главные причины, вызвавшие полемику по вопросам этнической и хронологической атрибуции отдельных археологических памятников, содержащих остатки погребений с кремациями, а также археологических культур, одной из подсистем которых был обряд трупосожжения.

Несмотря на большие достижения археологии в изучении древностей второй-третьей четверти I тыс.н.э. указанного региона (работы Е.А. Го-

рюнова, О.В. Сухобокова, О.М. Приходнюка, А.М. Обломского, Э.А. Сымоновича и др.), многие вопросы по этнокультурной характеристике погребальных памятников с кремациями остаются нерешенными и в настоящее время, что вызывает необходимость их комплексного изучения. По-прежнему актуальными и дискуссионными являются проблемы этноисторических реконструкций. В этногенетических исследованиях по данным археологических источников особое значение имеют диахронические исследования не отдельных элементов культуры, а ее целостных систем. Временная и структурная устойчивость таких подсистем рассматривается как одно из условий этногенетических процессов (Бромлей, 1983, С.44-82; Арутюнов, 1989, С.17-41). Такой структурой в археологической культуре выступает погребальный обряд, и в частности, обряд кремации, наблюдения за характером трансформации которого на протяжении III-VIII вв.н.э. в регионе служат основой при разработке обозначенных проблем.

Рассматриваемая нами *территория* охватывает лесостепную часть междуречья Днепра и Дона и соответствует современным Курской, Воронежской, Белгородской областям России, Киевской, Сумской, Черкасской, Черниговской, Полтавской, Харьковской областям Украины. Применительно ко второй четверти I тыс.н.э. территориальные рамки исследования расширяются к югу, захватывая северные районы пограничья степи с лесостепью (Компанийцевский, Новоселовский, Писаревский и другие могильники), а также к западу и востоку, чтобы из поля зрения нашей работы не выпали погребальные памятники Правобережья Днепра (Казаровичи, Новые Безрадицы) и Левобережья Дона (Чертовичское-III) (рис.1).

Задачи исследования:

1. Представить максимально полную сводку археологических материалов, полученных в ходе полевых исследований с начала XX в. по 90-е гг. XX в., провести выборку погребальных комплексов с кремациями пяти археологических культур.

2. Разработать принципы построения общей классификации погребений с трупосожжениями, проанализировать типы погребений с останками кремаций.

3. Уточнить относительную и попытаться воссоздать абсолютную хронологию погребальных памятников второй-третьей четверти I тыс.н.э. рассматриваемого региона с опорой на разработки других исследователей (М.Б. Шукин, Е.А. Гороховский, А.М. Обломский, А.К. Амброз, Е.А. Горюнов).

4. Провести анализ социо- и этноинформативных признаков погребальных комплексов с кремациями и определить основные тенденции этнокультурного и социального развития населения лесостепного Днепр-Донского междуречья по данным эволюции погребального обряда,

наземных погребальных сооружений, а также анализа количественных показателей погребального инвентаря.

Методы исследования избраны в соответствии с целью и задачами работы, а также конкретным состоянием источника. Анализ разнообразных по своей морфологической структуре комплексов кремаций пяти археологических культур возможен лишь на основе создания общей классификации с последующим анализом типологических спектров. В данном случае такого рода классификация построена на основе анализа археологической структуры погребения, соотносимой со структурой обряда кремации как исторической реальности. Общая классификация погребений с трупосожжениями позволила выделить типологические спектры погребений археологических культур и провести их внутренний и внешний анализ на уровне морфологической структуры погребения, результаты которого положены в основу этногенетических реконструкций. При обработке большого массива данных использованы формализованно-статистические методы.

Реконструкция конкретных культурно-исторических и этнических процессов в лесостепном Днепро-Донском междуречье во второй-третьей четверти I тыс.н.э. выполнена на основе сравнительно-исторического метода, позволяющего выявить пути формирования отдельных этнических образований.

В качестве источников привлекались материалы археологических комплексов с останками кремаций (могильники, места кремации, погребения) киевской, черняховской, колочинской, пеньковской, волынцевской культур, использованы опубликованные и архивные материалы - дневники и отчеты, хранящиеся в ИА РАН, ИА НАНУ, ИИМК РАН, Курском музее археологии, а также археологические коллекции из фондов ИИМК РАН, ИА НАНУ, Воронежского краеведческого музея, Археологического музея ВГУ, Курского исторического музея и Курского музея археологии.

Классификационная выборка для реализации программы исследования составляет 34 могильников пяти археологических культур и представлена примерно 500 индивидуальными комплексами с сожжениями.

Археологические комплексы с кремациями, на наш взгляд, могут являться самостоятельным источником для формирования представления об этнокультурных процессах в лесостепном Днепро-Донском междуречье во второй-третьей четверти I тыс.н.э. В качестве дополнительных мы привлекали в работе данные этнографии, лингвистики, письменных источников (Свод древнейших письменных известий о славянах (I-VI), 1994, "Повесть временных лет").

**ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ
ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ-ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н.Э.
В ЛЕСОСТЕПНОМ ДНЕПРО - ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ И
ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА**

Изучение памятников римского времени в лесостепном Днепро-Донском междуречье началось в начале XX в. с раскопок Д.Я. Самоквасовым могильников у с.Ходки Киевской губернии в 1907 году и с.Шмырево Курской губернии в 1909 году, известных в настоящее время как памятники черняховского и киевского типов (Самоквасов, 1915, С.3-5; Сымонович, Кравченко, 1983, С. 65).

Введение в научный оборот памятников киевской культуры произошло позднее, в середине XX в., когда В.Н.Даниленко исследовал 30 погребений в могильниках Бортничи и Новые Безрадичи в Среднем Поднепровье (Даниленко, 1976, С.68-69). В 60-70-е г.г. археологическое изучение киевских могильников было продолжено Е.В.Максимовым и Р.С. Орловым, раскопавшими 15 погребений у с.Казаровичи в Киевской области (Максимов, Орлов, 1974, С.11-21), а также Е.А.Горюновым, завершившим раскопки могильника у с.Шмырево (Горюнов, 1978, С.17-19).

В 80-90-е гг. были получены сведения о захоронениях киевской культуры на территории водораздела Днепра и Дона (реки Псел, Оскол, Сев.Донец) и р. Воронеж. В 1980 году М.Б.Щукин исследовал 6 погребений с трупосожжениями у хутора Кулига Белгородской области и предложил трактовать памятники подобного рода как поминальники (Щукин, 1990, С.111-133). Этой же точки зрения придерживались и участники экспедиции Курского краеведческого музея при открытии в 1986 году погребения - поминального комплекса у с.Гочево Курской области (Тихомиров, Щеглова, 1987, С.94-95). В 1984-87 гг. А.М.Обломским были раскопаны 16 погребений у с.Приоскольское и с.Шишино Белгородской области (Обломский, 1991, С.199-215). В 1993 году у с.Чертовичское Воронежской области были открыты 12 погребений и место кремации умерших (Медведев, 1993, С.24-26; 1993а, С.20-29). К настоящему времени в регионе на 9 памятниках открыто 80 погребений с трупосожжениями киевской культуры (рис. I).

Первые сравнительно широкие полевые работы археологов, положившие начало систематическим поискам и раскопкам черняховских древностей на рассматриваемой территории были проведены в 20-е гг. XX в. Так, Н.Е.Макаренко в 1926 году обнаружил и исследо-

вал могильник у с.Гурбинцы Черниговской области (Махно, 1960, С.62). В эти же годы в Полтавской области у с.Кантемировка М.Я.Рудинский раскопал подкурганное захоронения с черняховским инвентарем, в дальнейшем при проверочных работах Е.В.Махно обнаружила здесь грунтовый могильник с десятью захоронениями по обряду трупосожжения и трупоположения (Махно, 1952, С.231-241). В 30-е гг. И.Н.Луцкевичем и другими краеведами в Харьковской области были открыты "поля погребений", в том числе могильник у с.Пересечное (Луцкевич, 1948, С.165). В 1954-55 гг. Д.Т.Березовец и В.П.Петров раскопали 20 погребений на могильнике Лохвица Полтавской области (Березовец, Петров, 1960, С.84-99). Ряд одиночных погребений в Киевской области - Виненцы, Денисы, Барышевка, Цибли был обнаружен А.П.Савчуком (Сікорський, Савчук, 1971, С.140-147). Большое значение для изучения черняховской культуры имели в 60-70-е гг. раскопки могильников Е.В.Махно: Компанийцы в Полтавской области (Махно, 1971, С.87-95; 1980, С.135), Успенка и Сумы-1 в Сумской области (Махно, 1977, С.334-335; 1976, С.214-218, Махно, 1967, С.28-34), Переяслав-Хмельницкий (Гончаров, Махно, 1957, С.127-144), Соснова в Киевской области (Махно, Сикорский, Бузян, 1980, С.135-136), Новоселовка и Писаревка в Полтавской области (Махно, Рутковская, 1967, С.216-222).

В эти же годы изучением черняховских погребений занимаются: в Черниговской области, у с.Малая Девица и с.Клецы - Э.А.Сымонович (Сымонович, 1964, С.11), в Черкасской области у с.Жовнин - Л.М. Рутковская (Рутковская, 1970, С.275-276), в Полтавской области у с.Вовчик - В.В. Кропоткин (Кропоткин, 1968, С.5-15).

В 80-е гг. благодаря работам Е.Н.Петренко, Ю.В.Буйнова у с.Родной Край Харьковской области (Петренко, 1991, С.10-26; 1981, С.303), А.М. Обломского у с.Головино Белгородской области (Обломский, 1991, С.150), А.Н.Некрасовой около города Сумы и с.Боромля Сумской области (Некрасова, 1990, С.64-69) была получена дополнительная информация о погребальном обряде и планировке черняховских некрополей. В результате полевых исследований было выявлено 58 могильников черняховской культуры, из них 24 содержали 208 погребений по обряду трупосожжения (рис. 1).

Погребальные памятники колочинской культуры впервые были открыты в начале XX в. у с.Артюховка Сумской области и охарактеризованы Н.Е. Макаренко (Макаренко, 1907, С.50-54). Крупномасштабные их исследования были проведены в 1964-65 гг. курским краеведом Ю.А.Липкингом, раскопавшим могильники у с.Лебяжье, ст. Клюква, х. Княжий. Им обнаружено 135 погребений (Липкинг, 1974, С.141-143; 1965, С.3-25; 1964, С.20-21). В 1970-71 гг. Э.А. Сы-

монович открыл 12 погребений у с.Авдеево (Сымонович, 1974, С.153-158). В 1979-80 гг. Е.А.Горюновым проводятся работы на могильнике у с.Картамышево, в результате которых получены сведения о 43 погребениях, 8 жертвенных ям и 9 погребальных сооружений (Горюнов, 1979, С.18-36; 1980а, С.3-16; 1980б, С.50-51; 1981, С.48).

На шести могильниках колочинской культуры открыто 185 погребений, одно место кремации и погребальные сооружения. (рис. I).

Пеньковские погребения исследовались в 1961-63 гг. Д.Т. Березовцом у с.Великая Андрусовка в Днепровском Правобережье, на р.Тясмин (Березовец, 1969, С.58-71) (рис. I).

Могильники сахновско-волынцевского типа стали известны в начале XX века благодаря раскопкам Н.Е.Макаренко у с.Большие Будки Полтавской области (Макаренко, 1907, С.50-54). В середине XX века планомерное их изучение проводил Д.Т.Березовец у с.Волынцево и с.Сосница (Березовец, 1952, С.248-249; 1955, С.54-56). В 1968 году Ю.А.Липкинг раскопал 15 погребений у с.Лебяжье (Лебяжье-1, 3) (Липкинг, 1968, С.1-8), в 1989 году изучение памятника было продолжено Н.А.Тихомировым (Тихомиров, 1989, С.3-26). Общее число волынцевских погребений с трупосожжениями составляет 68 (рис.1).

Таким образом, в процессе полевых исследований памятников римского времени и раннего средневековья в лесостепном Днепро-Донском междуречье стало известно 554 погребальных комплексов с кремациями, дающих возможность для анализа и изучения погребального обряда, этнической истории и социального развития населения данного региона во второй - третьей четверти I тыс. н.э.

Первые шаги по разработке классификации и типологии погребений по обряду трупосожжения были сделаны еще в начале XX века В.В.Хвойка на черняховских материалах. Он выделил среди трупосожжений 4 типа погребений: I - урновые, где остатки сожжения и вещи помещались в сосуде, II - урновые, где остатки сожжения находились в сосуде, а вещи за его пределами, III - безурновые, в которых остатки сожжения лежали на дне ямы, а сосуды были расставлены вокруг, IV - безурновые, в которых остатки сожжения располагались на дне ямы, а сосуды стояли в стороне (Хвойка, 1901).

С середины XX века вместе с интенсивными раскопками черняховских некрополей появляются и первые обобщения по погребальному обряду, носившие описательный характер. Это публикации материалов могильников Лохвица (Березовец, Петров, 1960, С.84-99), Кантемировка и Переяслав - Хмельницкий (Махно, 1952, С.231-241; Гончаров, Махно, 1957, С.127-144). В основном они перечисляют разновидности обряда, зафиксированные еще В.В. Хвойкой.

Качественно новый подход к анализу погребального обряда осуществил В.В.Петров на материалах могильников Днепровского Правобережья, который не ограничился описанием погребений, как было принято при публикации материалов, а дифференцировал обряд на составные признаки (Петров, 1964, С.156-167).

В 50-70-е гг. эволюция погребального обряда черняховской культуры рассматривалась как процесс, характеризовавшийся вытеснением сожжений труположениями. В начале М.А.Тиханова и позднее Э.А.Сымонович высказали мысль о тенденции развития от биритуальных могильников к моноритуальным (Тиханова, 1941, С.250; Сымонович, 1955, С.306-311). Однако эволюционная концепция не вмещала в себя такие памятники как Компанийцы, Успенка, где трупосожжения преобладают на позднем этапе (Никитина, 1985, С.9).

Предпринимались попытки интерпретации биритуализма, так Г.Б. Федоров рассматривал его как признак полиэтничности культуры. Обряд кремации, по его мнению, был привнесен продвинувшимся с запада гетским населением, принимавшим участие в формировании черняховской культуры, обряд ингумации являлся традицией местного сарматизированного населения (Федоров, 1958). Э.А. Сымонович показал, что биритуализм был свойствен и тем областям распространения черняховской культуры где ни геты, ни сарматы не обитали, в римское время он был широко распространен у различных народов Европы (Сымонович, 1955, С.306-311). Э.А.Рикман рассматривал биритуализм как целостное явление, распространившееся у различных народов под влиянием античного мира (Рикман, 1975, С.295).

Л.И.Акимова рассматривает кремацию не как самостоятельный обряд, а как усложненный вариант ингумации, при котором между двумя кардинальными моментами похорон-оплакиванием и захоронением вводится промежуточный этап - сожжение тела и собирание оставшихся пепла и костей. Этим объясняется тесное переплетение во многих культурах ингумации и кремации, их сосуществование.

Сожжение - это причащение тела огню, как последующая ингумация - причащение тела земле. В процессе кремации совершалось распадение человеческой субстанции на две составляющих и "возвращение" их к первоначальным "родителям" - земле, в ней хоронится прах, и небу, куда уносится претворившееся в дым брненное тело. Сжигание тела в костре было равноценно помещению тела в солнечный огонь и отсюда - отождествлению умершего с солнцем. В этом плане умерший, помещенный в горящий костер, мог восприниматься как приобщенный к жизни вечно возрождающегося светила (Акимова, 1990, С.232-233).

Н.М.Кравченко интересовал вопрос происхождения различных типов обряда трупосожжения черняховской культуры. Особенности погребений с сожжениями позволили говорить об их различных этнокультурных корнях: зарубинецком, пшеворском, гето-дакийском. Распространение зарубинецких и гето-дакийских типов связывается в основном с территорией, на которой они известны в предшествующий период, тогда как пшеворские типы распространены по всему ареалу и не представляют собой локального явления. Исследовательница предложила типологию погребального обряда трупосожжения. Всего выделено 28 типов, которые составляют три большие группы. К первой группе относятся открытые урновые или безурновые погребения с сопровождающей посудой. Они характерны для Волини, Среднего Поднепровья и связаны с обрядом погребения зарубинецкой культуры. Ко второй группе относятся захоронения, в которых пережженные кости находятся в урне или положены на дно ямы. Они встречаются почти на всей территории распространения культуры и находят себе аналогии в пшеворской культуре. Третья группа включает в себя захоронения без урны и с ней, но с обязательным покрытием костей другим сосудом, камнем, умбоном. Эти погребения распространены в Молдавии, имеют аналогии в памятниках типа Поянешты-Лукашевка. На Левобережье Днепра Н.М.Кравченко отмечает наличие зарубинецких, гето - дакийских и пшеворских типов. Так, в Гурбинцах и Кантемировке доминируют зарубинецкие типы сожжений, в Переяслав-Хмельницком и Компанийцевском могильниках - пшеворские типы, в Лохвицком могильнике - зарубинецкие, пшеворские и гето - дакийские типы. Всего автором проанализированы материалы 26 черняховских могильников, включающих 500 погребений (Кравченко, 1970, С.50-51).

В 80-е годы появляются первые обобщающие работы по погребальному обряду черняховской культуры. В 1983 году был издан очередной том "Свода археологических источников", посвященный погребальным обрядам племен черняховской культуры, где впервые была предпринята попытка систематизации огромного материала, ставшего известным к началу 70-х гг. Первый раздел о погребениях с трупоположениями был написан Э.А. Симоновичем, второй раздел о погребениях с трупосожжениями - Н.М. Кравченко. Из памятников лесостепного Днепро-Донского междуречья задействованы данные могильников: Лохвица, Переяслав-Хмельницкий, Кантемировка, Вовчик, Сумы и частично материалы Успенского, Писаревского, Жовнинского и Компанийцевского могильников. В основу классификации погребального обряда трупосожжения Н.М. Кравченко положила наличие или отсутствие обрядового инвентаря, "приношений" и

“тризн” и выделила 9 типов трупосожжений: в группе I “без обрядового инвентаря” два типа - в закрытой урне, в закрытой яме; в группе II “с приношениями” - три типа: в закрытой урне, в открытой урне, в открытой яме; в группе III “с тризной”: три типа - в закрытой урне, в открытой урне, в открытой яме (Сымонович, Кравченко, 1983, С.47-50).

По мнению Э.А.Сымоновича, в основу классификации Н.М.Кравченко положены не совсем четкие признаки, “совсем не ясно, имели ли отличия в инвентаре то существенное значение, которое им придает исследовательница, делая на их основе выводы о происхождении типов погребального обряда черняховской культуры на основе зарубинецкой, гето-дакийской и пшеворской традиций” (Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э., 1993, С.139).

Серьезная работа по систематизации черняховского погребального обряда была проделана Г.Ф.Никитиной (Никитина, 1985). Анализу были подвергнуты материалы 207 могильников, ставших известными к 1976 году. Однако материалы Левобережья и Правобережья Днепра представлены неравномерно. Из памятников Днепровского Левобережья в статистической обработке использованы только данные могильника Лохвица, при этом отмечено, что материалы таких памятников как Компанийцы, Успенка, Писаревка, Жовнин- III не изданы и не доступны, а “данные по могильнику Переяслав-Хмельницкий не могут быть использованы, так как погребения с сожжениями описаны суммарно” (Никитина, 1985, С.9). Нельзя не согласиться с исследовательницей, что качество публикаций названных памятников затрудняет работу с источником, но тем не менее общую картину обряда трупосожжения они дают. В своей монографии Г.Ф.Никитина составила список признаков, характеризующих погребальный обряд черняховской культуры, провела их сравнительный анализ на основе статистической обработки данных, что позволило ей смоделировать некоторые звенья погребального цикла, воссоздать отдельные черты ритуальных действий, костюма умерших, выделить разнообразные проявления социальной дифференциации населения, оставившего черняховские могильники, а также предложила типологию трупосожжений, рассмотрев захоронения по двум основным группам - урновые и безурновые, и для каждой из них учитывала наличие или отсутствие остатков костра, каменных конструкций, местонахождение и состояние инвентаря, сопровождающих сосудов и фрагментов керамики. Среди урновых трупосожжений выделено три типа: собственно урновые, в которых остатки кремации помещены в урну, урно-безурновые, когда остатки кремации находятся в урне и вне ее и

погребения во фрагменте сосуда. Для безурновых трупосожжений выделено два типа - помещение кальцинированных костей компактной кучкой или рассредоточено по относительно большой площади (Никитина, 1985, С.60-77).

Г.Ф.Никитина по материалам черняховских могильников выделила общие признаки для труположений и трупосожжений: 1. употребление камня при сооружении мест захоронений, 2. наличие битой посуды, 3. признаки, отражающие культ огня, 4. наличие заупокойной пищи, 5. наличие одних и тех же категорий вещей, свидетельствующих об единообразии быта и одежды погребенных разными способами (Никитина, 1985, С.86).

Исследователи черняховских могильников неоднократно отмечали присущую им специфику, заключающуюся в наличии культурного слоя, находки из которого включают в себя кальцинированные кости, остатки костра, фрагменты керамики (Петраускас, 1993, Петренко, 1991, С.21). Существуют различные точки зрения на появление слоя: совершение обряда тризны по умершим после похорон (Федоров, 1960, С.255-256; Кравченко, 1967, С.102-103), результат разрушения вспашкой сожжений (Рафалович, 1986, С.6; Сымонович, Кравченко, 1983, С.71), попытка расчленить массив слоя на серию кремаций особого типа - рассредоточенные погребения (Махно, 1967, С.215-217; 1971а, С.88-95; 1976, С.216-218), использование особой модели кремации - трупосожжения на месте (Петраускас, 1993). Е.Н. Петренко предположил, что статистический разброс по глубинам выявленных Е.В. Махно "погребений с рассеянными косточками" позволяет сгруппировать их в два интервальных ряда, соответствующих "тризновому" и "поминальному" слою могильника. "Поминальные" ямы связаны преимущественно с труположениями и расположены рядом или под ними (Петренко, 1991, С.21).

В одной из последних сводок черняховских памятников рассматриваемого региона, опубликованной А.И. Журко, учтено 13 раскопанных могильников, на которых выявлено 241 погребение, в том числе 110 трупосожжений. Многие раскопанные могильники: Соснова, Жовнинский Остров, Жовнинская Пристань, Родной Край, Вовчик не упоминаются, а Компанийцы и вовсе отсутствуют на карте (Журко, 1994, С.207-209).

В связи с тем, что материалы черняховских могильников лесостепного Днепро-Донского междуречья недостаточно использованы и проанализированы в обобщающих работах (Никитина, 1985; Сымонович, Кравченко, 1983), необходимо провести картографирование всех известных погребальных памятников в указанном регионе и детально изучить обряд кремации населения черняховской культуры.

Впервые обряд погребения киевской культуры был охарактеризован В.Н. Даниленко на основе раскопанных им могильников в Среднем Поднепровье (Даниленко, 1976, С.65-91; 1967, С.210-214). Он предположил, что ямные трупосожжения киевских и черняховских могильников представляют собой “поздnezарубинецкое наследие” (Даниленко, 1976, С.70).

Р.В.Терпиловский отметил возможное участие пшеворского компонента при складывании погребального обряда киевской культуры (Терпиловский, 1984, С.18).

Исследования в Кулиге, при которых выяснилось, что в захоронениях отсутствуют человеческие останки, позволили М.Б.Щукину усомниться в правильности идентификации в качестве могильников и других памятников киевской культуры (Казаровичи, Макча, Кветунь, Киреевка), интерпретируемых как “поминальники”. По его мнению, в киевской культуре применялся погребальный обряд неуловимый для археологов, “например, подвешивание трупов на деревьях в священной роще” (Щукин, 1990, С.119-120).

Достоверно характер погребального обряда населения киевской культуры лесостепного Днепро-Донского междуречья - трупосожжение на стороне - был установлен А.М.Обломским (Обломский, 1991, С.201).

Погребальные памятники колочинской культуры были введены в научный оборот Ю.А.Липкингом. Публикация материалов раскопок имеет ряд недостатков - отсутствие прорисовок вещей и сосудов, несоответствие отдельных описаний погребений, имеющих в статье, характеристикам в отчетах и полевых дневниках (Липкинг, 1974, С.136-152; 1964; 1965). Направленная на устранение этих недочетов повторная публикация материалов могильников была осуществлена Н.А.Тихомировым, который сделал попытку систематизировать основные признаки погребений и выделил 6 видов трупосожжений колочинской культуры: I вид - ямные погребения с неотобранными костями, II вид - ямные погребения с отобранными костями, между I и II видами, по его мнению, находится парное погребение с отобранными и неотобранными костями и сопровождающим инвентарем (Лебяжье, п.64-64а по Ю.А.Липкингу), III вид - урновые комплексы с неотобранными костями, IV вид - урновые комплексы с отобранными костями. К III и IV видам относится парное погребение с двумя урнами с отобранными и неотобранными костями (Лебяжье, п.20-20а по Ю.А. Липкингу), V вид - урновые сожжения с отобранными костями, накрытыми перевернутыми сосудами и урны, которые помещали в сосуд, стоящий на днище, VI вид - урновые погребения с отобранными костями и остатками погребального костра на дне могиль-

ной ямы (Тихомиров, 1990, С.136-138). Проведенный анализ погребального обряда колочинской культуры позволил Н.А.Тихомирову выстроить линию преемственности погребальных традиций: пшеворские - черняховские - колочинские могильники (Тихомиров, 1990, С.147).

Попытку определения характерных элементов погребального обряда носителей колочинской и пеньковской культур предпринял Е.А.Горюнов. По его мнению, на колочинских могильниках преобладают ямные погребения с неочищенными костями, среди урновых - подклошевые погребения, для пеньковских могильников свойственны ямные захоронения с неочищенными костями, с сопровождающим инвентарем, фрагментами керамики и костями животных (Горюнов, 1981, С.61-71). Преобладание урновых захоронений с очищенными костями он относит к корчакской культуре, присоединяясь к точке зрения И.П.Русановой (Русанова, 1976, С.84).

Особый тип погребения третьей четверти I тыс. н.э. - захоронения остатков кремации с "антскими" древностями в столпах (домовинах), которые в литературе известны как "антские клады", был гипотетично выделен Б.А.Рыбаковым (Рыбаков, 1953, С.67-68).

Погребальный обряд волынцевской культуры впервые охарактеризовал Д.Т.Березовец (Березовец, 1952, С.248-249), однако некоторые его наблюдения и выводы относительно наземных сооружений достаточно противоречивы. В полевой документации он рассматривал захоронения как распаханные курганные насыпи (Березовец, 1948), в публикации могильников как грунтовые погребения (Березовец, 1952, С.248-249). Спорным вопросом в изучении погребального обряда волынцевской культуры является назначение деревянных конструкций. По мнению С.П. Юренко и О.В.Сухобокова, сооружения из бревенчатого настила, расчищенные Д.Т.Березовцом на Сошницком могильнике, использовались для трупосожжения (Юренко, Сухобоков, 1993, С.40). Ю.А.Липкинг интерпретировал деревянное сооружение в Лебязьем -III (погр.6), как погребальное сооружение, содержащее сосуды - урны, по-видимому, по аналогии с камерами боршевских курганов (Липкинг, 1968, С.6).

Среди работ, где погребальный обряд рассматривается как система взаимосвязанных элементов следует выделить работы В.Ф. Генинга, Н.М. Кравченко, В.А. Алекшина.

В.А.Алекшин выделяет в погребальном обряде шесть информативных блоков. Первый блок связан со спецификой археологического источника и отражает представления древних людей о путях и способах перехода умерших в потусторонний мир, он дает возможность оценить мировоззрение людей через их отношение к смерти и умер-

шим. Второй блок характеризует половозрастные градации умерших. Третий блок дает основания для характеристики степени социального расслоения древних обществ, так как установлено, что обрядность погребения зависит от социального ранга индивида и социальной структуры общества, а изменение социальной структуры общества порождает изменение форм погребального обряда. Четвертый блок - эволюция семейно-родственных отношений, а также установление наличия в общине, оставившей тот или иной могильник, чужаков, появление которых чаще всего объясняется брачными контактами с соседними общинами. Пятый блок - освещает проблемы культурогенеза - становление археологической культуры, ее развитие и смену иной или иными археологическими культурами. Шестой блок информирует о некоторых палеодемографических сторонах жизни древних людей (продолжительность жизни, болезни, травмы, вызвавшие смерть (Алексин, 1986, С.7-8).

В других работах содержательные стороны погребального обряда рассмотрены в более общем плане - духовная, социальная, этническая (Никитина, 1974, С.3, Рыбаков, 1981, С.267, Формализованно-статистические методы, 1990, С8-11).

Таким образом, информационная структура погребального обряда как исторического явления включает 3 главных отдела: духовная культура, этническая структура, социальная структура и ряд показателей, относящихся к каждому из отделов.

Археологическая структура обряда - это фиксируемый в процессе раскопок комплекс овеществленных остатков погребения или определенная группа археологических артефактов. Исторически детерминированные совокупности артефактов лежат в основе реконструкций самого различного уровня - образа жизни, системно-исторических и социологических (Генинг, 1987, С.30). Погребение состоит из трех частей, составляющих структуру погребального комплекса: погребальное сооружение, останки погребенного и погребальный инвентарь (Леонова, Смирнов, 1977, С.19). Последний компонент Н.М. Кравченко дифференцировала на "приношение" и "тризну" (Сымонович, Кравченко, 1983, С.47). По мнению Э.А.Сымоновича, наличие тризн является пока недоказанным фактом (Славяне и их соседи, 1993, С.139). Т.С.Лебедев в структуре обряда выделяет 4 класса признаков: 1. способ погребения, 2. вид погребения и размещение останков, 3. конструкция погребального сооружения, 4. состав и размещение жертвоприношений, погребального инвентаря (Лебедев, 1977, С.24).

Для того, чтобы правильно определить археологическую структуру обряда кремации следует на основе археологических данных с

использованием письменных источников, этнографических описаний попытаться восстановить все этапы похоронного ритуала. Вяч. Иванов на основе анализа письменных источников выделяет следующие основные этапы общеиндоевропейского погребального обряда:

1. Приготовление трупа к захоронению и начало оплакивания, траура.

2. Доставка трупа на повозке к месту захоронения.

3. Предание трупа вместе с жертвенными животными, иногда людьми огню.

4. Создание изображения покойника.

5. Сооружение временного обиталища (домика на столбе) для образа покойника.

6. Захоронение урны с костями (Вяч.Иванов, 1990, С.5; 1987, С.270).

Совершение обряда кремации начинается с выбора места для погребального костра. Такие места - своего рода крематории располагались на территории могильника. Они представляли собой глинобитные площадки, специально сооруженные для этой цели, или заброшенные котлованы построек более раннего времени. Далее разводится костер, который является обязательным актом в обряде кремации. Костер представляет собой не что иное как сожжение дерева: "крада велика", "громада дров" (Рыбаков, 1970, С.41). Дерево сжигалось умерщвленное, срубленное, распиленное, то есть аналогичное по состоянию бытия покойнику. Умерший уподоблялся не только огню костра, но и питавшему его дереву, которое, как символ "мирового дерева", также умирало и возрождалось в огне (Акимова, 1990, С.233).

Огонь имел несколько функций: ритуально-практическую, а именно кремирование умершего человека, жертвенных животных и ритуально-магическую, проявлявшуюся в обжиге сосудов - урн, сосудов-приношений и в "очищении" огнем места захоронения праха.

Кремация производилась при высокой температуре, не менее 1000 градусов, в течение нескольких часов. Остывание костра происходило столько же времени, сколько горел костер. В момент самого сожжения совершали ритуальные действия, на что указывают обожженные фрагменты керамики, впоследствии помещенные в могилу. После остывания костра кости и сопровождающие вещи собирали и переносили в могилу. Количество костей в погребениях колеблется от одной-двух штук до 1,5 - 7 кг (Никитина, 1974, С.61; Липкинг, 1965, С.3).

В погребении остатки костра представлены в виде полного их отсутствия, в виде угля, пепла, золы в заполнении погребальной ямы,

на дне погребальной ямы, в урне среди кальцинированных костей, в виде обсыпки урны, на погребальной площадке, в положении *in situ*, когда место кремации преобразовывалось в место захоронения. Остатки погребального костра - существенный элемент сожжения как исторической действительности, хотя в общей системе элементов археологического комплекса ему уделяется незначительное внимание. Исследователи часто не отмечают наличие остатков погребального костра в погребениях. Историческая интерпретация остатков костра также вызывает ряд сложных вопросов, прежде всего в определении признаков остатков костра от сожжений, совершенных на месте или на стороне.

Х.Цолль-Адамикова для сожжений на месте выделила следующие признаки: обожженность грунта, наличие остатков обугленных деревянных конструкций, соответствующее расположение сожженных останков человека, размещение их в пределах конструкции (Zoll-Adamikova 1979, S.50). Остальные погребения с остатками костра рассматриваются как погребения на стороне с принесенным углем или следами от ритуальных кострищ. Размеры кострища варьируют в зависимости от возраста умершего, породы дерева (Zoll-Adamikova 1979, S.50).

В некоторых случаях после кремации могли совершаться действия, приводившие к разрушению кострища: выкапывание ям, сооружение погребальных конструкций. После кремации останки умершего могут оставаться на месте, отбираться с кострища и помещаться на дно ямы, в заполнении ямы, на дно ямы и покрываться обломками сосудов, на дно ямы и покрываться перевернутым сосудом, размещаться в яме и в урне, отбираться в урну - керамический сосуд, отбираться в урну - сосуд из бересты, кожи, дерева, отбираться с костра и помещаться на площадку.

Вещи, которые находились на умершем, а также орудия труда, оружие подвергались действию огня, в силу чего трансформировались. Некоторые предметы в ритуальных целях подвергались и преднамеренной порче, что вместе с такими ритуальными действиями, как битье посуды и ее переворачивание в могиле, символизировало "преобразование предмета", переход его в иное физическое положение и тем самым иное состояние (Толстой, 1990, С.119-127). Распространен был обычай специальной порчи всех острых предметов и оружия перед помещением их в могилу. В негодность приводились мечи, они изогнуты вокруг урны (Компанийцы, п.86). Польский исследователь А.Кемписты объясняет специальную порчу оружия страхом живых людей перед мертвыми, стремлением "разоружить" умершего, свести к минимуму его вредоносные действия против

живых (Kempisty, 1965, S.152). Страхом живых перед мертвыми можно объяснить также обычай вонзать оружие в останки умершего, в дно урны или погребальной ямы.

Инвентарь в погребениях может полностью отсутствовать, быть представленным сосудами-приношениями, вещами, предметами быта, оружием.

Акт кремации сопровождается рядом ритуальных действий, получивших название страва и тризна. По мнению Б.А.Рыбакова, страва - это поминальный пир по умершему, тризна - боевые игры, ристания, особые обряды, призванные отгонять смерть от оставшихся в живых, демонстрировавших их жизнеспособность (Рыбаков, 1970, С.42). В.Н.Топоров считает, что тризна - это и состязание, и пиршество, и напиток, выпиваемый во время поминок по умершему (Топоров, 1990, С.17). В.В.Мартынов, используя текст Иордана (VI в.), предполагает что "страда" и "тризна" - готского происхождения, и обозначают: "страда" - "стелить стол", "тризна" - "терзание", и "мучение" (Мартынов, 1985, С.56-57).

Во время кремации совершались магические обряды, пение (вербальный аспект), жертвоприношения животных, птиц (материальный аспект). Жертвенное сжигание домашних животных объясняется общеиндоевропейским представлением о загробном мире как пастбище, на котором пасутся души скота (Вяч.Иванов, 1990, С.5-11). Следы ритуальных действий в археологическом комплексе могут отсутствовать или прослеживаться по наличию фрагментов сосудов, костей животных, птиц, остатков культовых построек, жертвенных ям и пр.

После кремации пережженные кости, иногда остатки погребального костра, инвентарь помещались в специально оборудованное устройство или оставлялась на месте кремации. Погребальным сооружением являлись грунтовые ямы или площадки с различного рода наземными конструкциями, которые в настоящее время на могильниках не фиксируются, в силу чего могильники названы "полями погребальных урн". В древности погребения были обозначены на поверхности камнями, столбами, оградками, домовинами. Иногда прослежены небольшие курганные насыпи из камней и земли. Древнерусские летописи информируют о древних славянских погребальных ритуалах: "И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложяхуть на кладу, и мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложяху в судину малу, и поставляху на столпъ на путех, еже творять вятичи и нынь. Си же творяху обычая кривичи и прочии погании..." (Повесть временных лет. Текст и перевод. Т.1.М-Л 1950, С.15). Ритуал захоронения останков кремации в

сосудах на столпах имеет аналогии в древнеиндийской традиции, где перед захоронением костей сооружается небольшой домик на столбе (Поболь, 1990, С.70).

Б.А.Рыбаков, анализируя рассказ Нестора о славянских обычаях, отмечает, что слово “столп” встречается в памятниках XI-XIII вв. в значении небольшого домика, надгробия, кельи, саркофага, имеющего форму двускатной домовины (Рыбаков, 1970, С.43). Сооружение на Руси наземных деревянных домовин - столпов подтверждается как письменными, так и этнографическими данными. Надмогильные домовины - столпы представляли собой деревянные срубные домики (1,5 x 2 м) с двускатной крышей и маленьким оконцем, иногда четвертой стены в срубе не было, что давало возможность ставить внутрь домовины различные “приносы” во время поминовения мертвых (Рыбаков, 1970, С.43). Археологически деревянные погребальные сооружения прослежены на грунтовых могильниках VI-VII вв. и в подкурганых славянских захоронениях VIII-X в.

Таким образом, можно восстановить процесс ритуала кремации, состоящий из пяти основных элементов: погребальный костер - умерший - инвентарь - ритуальные действия - погребальное сооружение. Археологи фиксируют этапы похоронного ритуала в обратном порядке. Сначала отмечается наличие или отсутствие наземных сооружений, далее выделяют контуры подземного сооружения, например, ямы, изучают устройство сооружения - размеры, форму, потом заполнение - местонахождение костей, фрагментов сосудов.

Археологическая структура обряда кремации включают 5 взаимосвязанных элементов: погребальное сооружение, останки умершего, остатки погребального костра, инвентарь, другие ритуальные действия. Соотношение элементов по отношению друг к другу строится в обратной последовательности этапам проведения обряда кремации или в соответствии с последовательностью фиксации археологами остатков погребений с трупосожжениями. Такой подход соответствует структуре погребального памятника как объекта исследования и более распространен в настоящее время (Рычков, 1982, С.116-121, табл.1; Бунятян, 1985, С.45-57, табл.1). Упорядоченная структура позволяет правильно обосновать критерии каждого уровня - таксона классификации сожжений второй-третьей четверти I тыс.н.э. рассматриваемой территории.

Реконструкция обряда кремации позволяет рассмотреть вопрос об основных ритуальных моделях погребений с сожжениями и детально проследить процесс формирования археологических признаков, которые атрибутируются как социально-этнически или духовно

детерминированные. На основе археологического материала возможно восстановить основные историко-культурные модели кремаций.

Модель первая. “Трупосожжение на стороне”. Сожжение умершего происходило на погребальном костре, разведенном на специально отведенном для этого месте, преимущественно на территории могильника. На костер помещали тело умершего, его личные вещи, сосуды. Во время горения костра совершали различные ритуальные действия: жертвоприношения животных, иногда людей, били посуду. Затем происходил отбор костей с костра в емкость - урну, короб, ткань, деревянный или кожаный сосуд. В одних случаях регламентировалось очищение костей от остатков погребального костра, в других собирались пепел и угли. Все это переносили на место погребения, где подготавливали погребальное сооружение (киевская, черняховская, колочинская, пеньковская, волынцевская культуры).

Модель вторая. “Трупосожжение на стороне с ритуальным кострищем на месте”. Кремация происходила на погребальном костре, на специально отведенном месте. Ритуальное кострище разводили на месте погребения, после того, как прогорал костер, выкапывали яму, куда помещали его остатки, а также и останки кремации, фрагменты керамики (киевская, колочинская культуры).

Модель третья. “Трупосожжение на месте”. Сожжение происходило на территории могильника, на месте захоронения. На костер помещали тело умершего, жертвенных животных, сосуды-приношения, погребальный инвентарь. После кремации место сожжения перекрывалось грунтом, создавалась наземная часть погребального сооружения из дерева или земли, а в некоторых случаях курганная насыпь из камней и земли (черняховская культура).

Модели сожжения позволяют определить круг возможных исторических типов сожжения, которые нашли отражение в археологических комплексах кремаций рассматриваемых культур и выйти на историко-социологический уровень интерпретации археологических материалов.

В настоящее время решение многих вопросов, связанных с исследованием обряда кремации населения второй-третьей четверти I тыс. н.э. рассматриваемого региона обусловлено тщательностью анализа морфологической структуры погребения, а также проведением процедур, направленных на выявление сходства и различия погребальных систем носителей указанных археологических культур на основе общей классификационной схемы и типологии.

В качестве основных направлений в социологических исследованиях по данным погребального обряда выделяются следующие:

1) определение социального статуса погребенного, 2) моделирование социальной структуры общества, 3) выяснение тенденций социального развития и его основные этапы, 4) палеодемографические характеристики (Проблемная ситуация, 1988, С.197).

Палеодемографические характеристики для погребений рассматриваемой территории в указанный промежуток времени представлены в незначительном числе. Частичное определение специалистами - антропологами произведено на могильниках: черняховской культуры - Вовчик (Алексеева, 1975, С.270) и киевской культуры - Кулига, Шишино-5 и Приоскольское-2 (Щукин, 1990, С.118-119; Обломский, 1991, С.209-219). Антропологическое определение для раннесредневековых могильников не производилось. Незначительное число определений вызывает у некоторых археологов сомнения в том, что с кремациями следует связывать захоронения людей (Щукин, 1990, С.118-120).

Проблематичными остаются половозрастные определения кремаций. Традиционно к полоопределяющим предметам причисляются: пряслица, украшения - к женским, оружие - к мужским, миниатюрные копии бытовых предметов, игрушки - к детским (Сымонович, Кравченко, 1983, С.38-40).

Реконструкция этапов социального развития населения указанного региона во 2-3 четверти I тыс. н.э. по материалам могильников как отдельное исследование не проводилось. Данные погребальных памятников привлекались в качестве вспомогательных для отражения тех или иных историко-культурных характеристик населения Юго-Восточной Европы. По общему мнению, это связано с особенностями археологического комплекса сожжений, что позволяет использовать эти материалы только для сравнения с другими данными (Славяне Юго-Восточной Европы, 1990, С.423).

В вопросе об определении главных тенденций общественного развития Юго - Восточной Европы в I тыс. н.э. речь должна идти прежде всего о динамике различных форм общины (Довженок, 1969, С.28-29; Кравченко, 1988, С.126-134; Тимошук, 1990). Анализ поселенческого комплекса за этот промежуток времени позволил наметить основные этапы развития общинных структур и определить перспективную идею социального развития (Кравченко, 1988, С.126; Славяне Юго-Восточной Европы, 1990, С.421-423). Она заключается в тенденции последовательной индивидуализации социальной ячейки, ведущей самостоятельное хозяйство. Развитие производительных сил приводило к сокращению числа участников социальных групп (различные типы общины), способных вести самостоятельное хозяйство. Подобный процесс приводил к разрушению коллективных

структур. При сохранении тенденции индивидуализации процесса производства и усложнении социальной структуры общества возможны пики и спады в уровне социального развития (Моця, 1979, С.144-154; Павленко, 1989, С.228-257). Учет этих особенностей общественного развития позволяет наметить круг социальных структур и роль каждой из них в формировании обряда в течение I тыс. н.э. - община, род, семья (Моця, 1979, С.152; Седов, 1982, С.243-247; Кравченко, 1987, С.225-226; Проблемная ситуация, 1988, С.236-238).

Реконструкция форм общественной организации в археологии предполагает восстановление племенной и потестарной структуры древнего общества (Проблемная ситуация, 1988, С.242-265). Для второй четверти I тыс. н.э. основной является проблема вычленения славянских группировок из общего массива других народов - балтов, германцев, финно-угров, а затем уже решается проблема внутрплеменного устройства. В киевской культуре различают несколько локальных вариантов, которые в реальности могли соответствовать определенным племенным группировкам; средне - и верхнеднепровский, деснинский и левобережный лесостепной (сейминско-донецкий) (Терпиловский, Абашина, 1992, С.19-23; Обломский, 1991, С.5). Среди возможных региональных признаков обрядности выступают: наличие урновых сожжений (левобережный лесостепной) или ямных (средне - и верхнеднепровский), характер сопровождающего инвентаря (Терпиловский, 1984, С.42-47). По мнению исследователей, региональные особенности погребальной обрядности культуры во многом еще условны из-за незначительного числа погребений. Территориальные группировки памятников черняховской культуры принято рассматривать как этнокультурные массивы (Седов, 1979, С.78-100; Баран, 1981, С.162). Для культур третьей четверти I тыс. н.э. особое значение приобретает проблема локализации первых достоверных славянских группировок византийских источников - склавинны, анты, венеты (Петров, 1972, С.11-38; Баран, 1993). В качестве дифференцирующих признаков рассматривались наличие или отсутствие земляных насыпей над погребениями, способ размещения костей, тщательность отбора костей с кострища (Русанова, 1973, С.27; Горюнов, 1981, С.61-62; Славяне Юго-Восточной Европы, 1990, С.230).

А.П.Моцей приведена последовательность развития форм погребальных систем в Поднепровье во второй половине I тыс. н.э., согласно которой прослеживается определенная взаимосвязь между ними и формами социальной организации. Обряд сожжения на стороне характерен для родовых структур, сожжение на месте - для пе-

реходных обществ раннеклассового типа и ингумация - для классового общества (Моця, 1979, С.144-154).

Определение социального статуса погребенного по материалам захоронений с трупосожжениями археологических культур второй-третьей четверти I тыс. н.э. указанного региона остается неразработанной темой. По материалам черняховских некрополей выделяют "богатые" погребения (Компанийцы п.86) в особую социальную группу - военных вождей (Славяне Юго-Восточной Европы, 1990, С.133). В последнее время социальные разработки для этой культуры предложены Н.М.Кравченко по данным погребений с ингумациями (Кравченко, 1987, С.209-227).

Г.Ф.Никитина сделала предположение, "что группы черняховского населения, хоронившие по обряду кремации в безурновых погребениях занимали низшую ступень в социальной иерархии" (Никитина, 1985, С.88).

Для некоторых раннесредневековых могильников отмечены отдельные погребения с необычным набором погребального инвентаря - оружием (Княжий, п.1; Липкинг, 1974, С.140), деталями костюма (Лебяжье, п.3, Липкинг, 1974, С.147), которые интерпретируются как захоронения дружинников - участников походов на Дунай и Византию (Славяне Юго-Восточной Европы, 1990, С. 229 ; Щеглова, 1990, С.180).

Перспективным направлением в социологических исследованиях по данным погребальных комплексов с кремациями второй-третьей четверти I тыс. н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья может являться изучение уровня стратифицированности того или иного общества на основе анализа количественных и качественных показателей инвентаря, скорректированных с другими элементами погребения, а также изучение временной последовательности моделей кремаций.

Одной из самых актуальных проблем этнической истории лесостепного Днепро-Донского междуречья является проблема развития восточнославянской общности и роли в этом процессе населения второй-третьей четверти I тыс. н.э., с которым связываются археологические памятники черняховской, киевской, колочинской, пеньковской и волынцевской культур.

Первыми привлекли внимание исследователей черняховские материалы рассматриваемой территории. Анализируя многолетние изыскания памятников I тыс. н.э. на Левобережье Днестра И.И.Ляпушкин, а затем и Д.Т.Березовец однозначно высказались против идеи о вкладе племен черняховской культуры в славянский этногенез (Ляпушкин, 1950, С.36-37; Березовец, 1970, С.17). Отметив

местные особенности памятников черняховской культуры в разных регионах ее распространения, М.А.Тиханова выделила их на Днепровском Левобережье в отдельный локальный вариант (Тиханова, 1957, С.171), с чем согласились многие археологи, разделявшие точку зрения П.Н. Третьякова о полиэтническом характере черняховской культуры (Третьяков, 1958, С.23-27). Исследователи черняховских могильников в лесостепном Днепро-Донском междуречье Е.В.Махно и М.Ю.Брайчевский отстаивали славянскую - "антскую" теорию черняховской культуры, основоположником которой является В.В. Хвойка (Махно, Сикорский, 1990, С.51-54; Хвойка, 1901, С.172-190).

В.Д.Баран отметил важную роль в образовании и развитии черняховской культуры лесостепной полосы Восточной Европы субстратного населения, представленного памятниками, синтезирующими в различных соотношениях элементы позднезарубинецкой и пшеворской культур (Баран, 1989, С.48).

Обобщив результаты изучения черняховских памятников Левобережья Днепра, А.Н.Некрасова показала, что эта территория входит в основной ареал черняховской культуры. Ею выделено два хронологических этапа: на первом этапе во второй половине III века н.э. в рассматриваемый район проникают славянские группировки с Поднепровья, которые смешавшись с родственными племенами киевской культуры, принесли в их среду традиции гончарной черняховской керамики. Второй этап (конец III - начало V века н.э.) - время существования классической черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье. Население черняховской культуры было неоднородным в этническом плане, что проявилось в лепной посуде сарматского, вельбарского, пшеворского облика компанийцевских погребений. Часть этого населения приняла участие в формировании пеньковской культуры (Некрасова, 1990, С.62-64).

Спорным является вопрос о преемственности между черняховской и раннесредневековой культурой. Д.Т.Березовец и Ю.А. Липкинг, сравнивая эти памятники, утверждали, что между ними нет ничего общего (Березовец, 1970, С.17; Липкинг, 1974, С.152).

Э.А.Сымонович объяснил подобного рода высказывания малоизученностью памятников послечерняховского периода и кажущимися их различиями с памятниками черняховского типа. Для Посеймья, по его мнению, характерна эволюция материальной культуры с элементами черняховского и киевского типов к более поздней - колочинской. Исследователь подчеркивает этнографическую близость населения киевской и черняховской культур, родственного зарубинецкому субстрату (Сымонович, 1983, С.91-99).

Дискуссия о судьбе черняховского населения не прекратилась и в последнее десятилетие. Было обращено внимание на то, что ни один из компонентов черняховской культуры, за исключением памятников лесостепной полосы Днепро-Днестровского региона (типа Сокол-Теремцы-Хлопков), не имеет на территории Юго-Восточной Европы эволюционно-генетического продолжения. Эти же группы памятников эволюционируют в славянские культуры - пеньковскую и пражско-корчакскую (Баран, 1981, С.163 и далее; Славяне Юго-Восточной Европы, 1990, С.335-362). С этой точкой зрения не согласна О.А.Гей. Открытие на некоторых поселениях комплексов V века н.э., содержащих черняховские и раннесредневековые славянские материалы, не доказывает генетическую преемственность между этими группами памятников, а свидетельствует о каком-то периоде их синхронного существования (Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э., 1993, С.170).

Вследствие открытия в 50-х гг. В.Н.Даниленко памятников киевского типа неизбежно встал вопрос об их соотношении с черняховскими древностями. Согласно общей эволюционистской концепции исследователя, они были отнесены к позднему этапу зарубинецкой культуры, синхронному черняховской культуре и предшествовавшему раннесредневековой славянской культуре (Даниленко, 1976, С.65-91; 1967, С.210-214). Близких взглядов придерживался П.Н.Третьяков, считавший, что потомки зарубинецких племен, покинув лесостепные районы, продолжали обитать в северной части Среднего Поднепровья и Подесенья в первой половине I тыс.н.э. В середине I тыс. н.э. часть этого населения возвратилась в лесостепь, в результате чего здесь возникла пеньковская культура, в то время как в лесной зоне сформировалась на сходной основе близкая ей колочинская культура (Третьяков, 1970, С.15-21; 1982, С.51-83). Колочин, с одной стороны, Гушемлю и Банцеровщину с другой, он считал славянскими и балтскими эталонами древностей третьей четверти I тыс.н.э. (Третьяков, 1966, С.274-276), признавая сложность их обособления по керамике и погребальному обряду. Верхняя хронологическая граница колочинской культуры на территории Днепровского Левобережья определяется в рамках рубежа VII - VIII вв. (Третьяков, 1982, С.89-133).

По мнению Е.А.Горюнова, этническое лицо киевской и колочинской культур не поддается четкому определению, только предположительно их можно рассматривать как славянские культуры. На смену колочинской культуре в конце VII - начале VIII века приходят памятники, которые сохраняя отдельные архаические черты, уже во многом близки достоверно славянской культуре VIII - X веков, но

появление их связано не с эволюционным развитием колочинской культуры, а с отходом на север под нажимом хазар части пеньковского населения (Горюнов, 1981, С.94). На генетическую связь киевской и колочинской культур также указывает Р.В.Терпиловский. Хронологической границей между культурами является середина V века. Носители южных колочинских памятников поддерживали активные контакты с родственным пеньковским населением, обе эти группы в дальнейшем явились основным субстратом вольтынецво-роменских древностей (Терпиловский, 1993, С.26-31).

Проанализировав материалы памятников киевского типа Днепродонского междуречья, О.М.Приходнюк поставил под сомнение выделение их в отдельную культуру. По его мнению, эти памятники относятся к колочинской (Лавриков Лес, Форостовичи) и пеньковской (Роище) культурам, связываемых с ранними славянами (Приходнюк, 1988, С.68-74). Создателей культуры IV - V вв. н.э. (памятники типа Роище и Хлопков), предшествовавшей классическим пеньковским древностям, он отождествляет с ранними антами письменных источников (Приходнюк, 1989, С.61).

В.В.Седов рассматривает киевские древности как славянские, не исключая возможность и славянской атрибуции колочинской культуры, отмечая однако, что "обосновать это археологическими методами пока не удается" (Седов, 1990, С.84-85) и склоняется к трактовке ее как балтской. Находки вещей "мартыновского круга" и пальчатых фибул на южных колочинских памятниках являются следами инфильтрации групп антов и склавинов в балтскую среду. Колочинские памятники Днепровского Левобережья сменяются в VIII в.н.э. роменскими и не восходят к достоверно славянской древнерусской культуре (Седов, 1982, С.29-34). В последних своих работах В.В.Седов атрибутирует верхнеднепровские (гушемлинско-банцеровские) памятники как смешанные балто-славянские, в связи с тем, что на них найдены височные браслетообразные кольца, взгляды на колочинские древности не излагаются (Седов, 1994; 1995).

Против славянской атрибуции киевской и колочинской культур выступила И.П.Русанова, рассматривающая их как балтские и обосновывающая это отсутствием преемственности между древностями третьей четверти I тыс. н.э. и достоверно славянскими памятниками VIII - X вв. В пользу балтской атрибуции колочинской культуры свидетельствует ее происхождение на основе местных балтских культур раннего железного века, впитавших в себя лишь некоторые традиции пришлого зарубинецкого населения. По мнению исследовательницы, при сравнении верхнеднепровской балтской культуры (куда отнесена и колочинская) с корчакской, оставленной славянами,

выявляются существенные различия, которые видны в керамике (форма и пропорции сосудов) и в погребальном обряде. Для балтской культуры Верхнего Поднепровья (в том числе колочинской) обычны безурновые погребения с углем и золой, в корчакском ареале открыты исключительно урновые трупосожжения с костями, тщательно очищенными от остатков погребального костра (Русанова, 1976, С.82-84).

В работе сделан акцент на различии культур - корчакской ("славянской") с одной стороны, и колочинской ("балтской") - с другой, нет анализа общих элементов в культурах, а также спорным является положение об отличиях в погребальных обрядах, тем более, что в более ранней монографии автора дана сводка погребений в корчакской культуре, совершенных в грунтовых ямках, без урн, с углем и золой (Русанова, 1973). Пеньковская культура сформировалась на основе черняховской, со временем на пеньковских памятниках появляются элементы культуры Корчак, что означает процесс ассимиляции местного антского населения пришлым славянским (Русанова, 1976, С.101-103). Предполагается, что пеньковские племена - анты уже с VI в. говорили на славянском языке, но сохраняли свои этнографические особенности, в VII в. они растворились в славянской среде, поэтому название "анты" исчезает (Русанова, 1976, С.198).

А.М.Обломский выделил несколько зон концентрации киевских памятников. Деснинско-сейминская группа является непосредственным прототипом древностей круга Колочин, сейминско-донецкие памятники - прототипом пеньковских древностей. На водоразделе Днепра и Дона в пограничной полосе происходило частичное смешение черняховского населения и племен киевской культуры. В V веке после ухода на запад черняховского населения южная часть лесостепи оказалась занятой пеньковскими памятниками, а северная - колочинскими (Обломский, 1991, С.145-148).

М.Б.Щукин предполагает, что северная колочинская культура сложилась на базе "чистой" киевской культуры, а формирование пеньковской происходило в той обширной зоне, где киевские и черняховские памятники располагались чересполосно, и носители обеих культур жили в непосредственном соседстве, занимая разные экологические ниши. Пеньковская культура принадлежала антам, которые рассматриваются как одна из славянских группировок. Колочинские древности оставлены этнической группой "между славянами и балтами", так как не произошла этническая выкристаллизация лесных этносов (Щукин, 1994, С.283-286).

По мнению Д.А.Мачинского, пеньковская культура формируется на базе киевских памятников при сильном влиянии черняховской культуры в IV - V вв. и хорошо увязывается с антами конца IV - начала VII в. Славянской культурой считается культура штрихованой керамики, после прекращения существования которой в конце IV в. на восточной периферии появляется колочинская культура, в свою очередь прекращающая существование около рубежа VII - VIII вв. в результате передвижения с юга и запада исторических славян (Мачинский, 1981, С.32-35).

Своеобразие киевской культуры на фоне археологических культур восточных балтов и провинциально-римских культур (пшеворская, черняховская), ее генетическая связь с колочинской и пеньковской позволили Е.В.Максимову и Р.В.Терпиловскому сделать вывод о принадлежности этой культуры одной из крупных группировок предков ранних славян. В то же время этническая принадлежность колочинской культуры, входящей в состав большой культурной области Верхнего Поднепровья, Подвинья, Подесенья, и близкородственной памятникам типа Тушемля-Банцеровщина, считается окончательно неустановленной (Славяне и их соседи, 1993, С.122).

Этническая атрибуция волынцевских памятников также вызывает большие разногласия. В полемике Д.Т.Березовца и И.И.Ляпушкина были высказаны различные мнения. Д.Т. Березовец определял их как безусловно славянские (Березовец, 1952, С.250; 1953, С.25-26; 1969, С.18). Основываясь на существовании различной технологии в производстве керамического комплекса, И.И.Ляпушкин считал эти памятники неоднородными в этническом отношении (Ляпушкин, 1961, С.215-217, 356-366; 1968, С.62). М.И.Артамонов связывал волынцевские и синхронные им памятники пастырского типа с тюркскими племенами, занимавшими территорию Днепровского Левобережья в период, предшествовавший расселению славян (Артамонов, 1967, С.60-62). Работы О.В.Сухобокова лишь частично затрагивали вопрос об этнической принадлежности памятников волынцевской культуры, в которых он усматривал подоснову роменских древностей, развивая взгляды Д.Т.Березовца о славянской принадлежности первых (Сухобоков, 1975; 1977). Присоединяясь к мнению И.И. Ляпушкина, Е.А. Горюнов считал волынцевские памятники раннероменскими и, следовательно, склонялся к мысли об их славянской атрибуции (Горюнов, 1981, С.90). Славянскими в своей основе считает их и В.В.Седов (Седов, 1970, С.128-130; 1982, С.138). С.П.Юренко рассматривает памятники волынцевской культуры как археологический эквивалент культуры северян предроменского времени (VII - VIII вв.) (Этнокультурная карта, 1985, С.125). Волынцевские памят-

ники обнаруживают элементы иноэтничной культуры, возможно, болгаро-аланских племен, что не исключает, по мнению исследовательницы, влияния древнего иранского элемента, в степных районах подвергавшегося активной тюркизации, а в лесостепи - славянизации, что говорит об этнической неоднородности населения Днепро-Донского Левобережья в последней трети I тыс.н.э. (Юренко, 1983, С.17-18). О.А.Щегловой отмечена близость волынцевских памятников салтовским. Наличие гончарной керамики, выполненной в салтовских традициях, серии вещей салтовского происхождения, юртообразных жилищ на поселениях, позволило предположить оседание в славянской среде алано-болгарского населения из числа носителей салтовской культуры. Ареал волынцевских памятников совпадает с областью "хазарских даней" ПВД. Исследовательница относит волынцевские памятники ко времени не ранее середины VIII в. и связывает их появление с экспансией с востока носителей салтовской культуры (Щеглова, 1987, С.11-13).

Таким образом, в исследованиях по этнокультурным процессам в лесостепном Днепро-Донском междуречье во второй-третьей четверти I тыс.н.э. памятникам киевской, черняховской, колочинской, пеньковской и волынцевской культур отводится различное место в "культурной стратиграфии" и неоднозначная роль в причастности к славянскому этногенезу. Основную линию развития знаний в этом направлении можно обозначить как постепенный отказ от концепции позднего появления славян на рассматриваемой территории (с VIII в.) и признание славянскими сначала древностей третьей четверти (пеньковские - антские), а позднее и второй четверти (киевские - протопеньковские - раннеантские). По-прежнему спорными и актуальными остаются вопросы: этнической атрибуции колочинских и черняховских памятников, их соотношения с предшествующими и последующими археологическими общностями, в связи с чем именно на разработку этих проблем и сделан акцент в нашей работе.

КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ ВТОРОЙ-ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС.Н.Э. ЛЕСОСТЕПНОГО ДНЕПРО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ВЫБОРКИ

В соответствии с целью и задачами настоящей работы следует провести выборку погребений по обряду трупосожжения археологических культур второй-третьей четверти I тыс.н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья. Формирование выборочного банка проводится с учетом принципов, сформулированных в ряде работ (Бунятян, 1985, С.29-32; Формализованно-статистические методы, 1990, С.59-65). *Культурно-хронологический принцип*. Основой источниковедческой части работы является каталог могильников киевской, черняховской, колочинской, пеньковской, волынцевской культур, на которых исследованы погребальные комплексы с кремациями. *Принцип документированности*. Имеющиеся археологические источники неравноценны с точки зрения предоставляемой информации и степени документированности, требуют к себе критического подхода. В банк данных отбирались только те погребения, для которых в публикациях или в отчетах имеется описание археологической структуры, погребального инвентаря, а также графическое изображение погребения или его фотография. *Статистический принцип*. Обработка больших массивов данных невозможна без формализации источника и применения методов статистической обработки. Статистические факторы в формировании выборки следующие: величина выборки и соответствующий доверительный уровень. В определении величины выборки мы стремились приблизить ее значение к генеральной совокупности. Доверительный уровень составляет 0,95. Получаемые результаты (процентное распределение признаков) рассматриваются согласно соответствия доверительного уровня процентного показателя и минимального объема выборки (Формализованно-статистические методы, 1990, С.64-65, табл. III). Согласно описанным принципам репрезентивности выборки, далее представлена общая характеристика погребальных памятников.

1.а. Могильники киевской культуры (рубеж II - III вв. - первая половина V в.; номера на карте 1-9, рис. I). На рассматриваемой территории в настоящее время известно 9 могильников киевской культуры. Могильники располагаются на песчаных днах, террасах и

мысах в непосредственной близости от поселений или же на их окраине. Некрополи занимают площадь около 100-200 кв.м. и насчитывают до 15 погребений. Погребения располагаются компактно, реже - группами на небольшом расстоянии друг от друга. Помимо погребений на могильниках исследованы культовые ямы и места сожжения умерших. В Чертовиком-3 для кремации умерших использовался котлован заброшенной постройки. В классификационный банк отобрано 80 погребений с кремациями. Выборка является достаточной, при заданной степени вероятности получаемых результатов -0,95 значимыми являются процентные показатели свыше 4%.

Шмырево (1, рис. 1) Курская обл. Памятник расположен на дюне у с.Шмырево в верхнем течении р.Псел. В 1909 г. Д.Я.Самоковосов обнаружил около "100 темных пятен, состоящих из пепла, углей, битых камней, пережженных костей человека и черепков посуды". При раскопках были найдены наральник, бронзовая подвеска - лунница с эмалью, железный нож. В 1978 г. Е.А.Горюнов исследовал два погребения с сожжениями (урновое и безурновое), пять ям с углем и фрагментами керамики. Материалы раскопок Е.А.Горюнова хранятся в ИИМК РАН, а лунница - в Курском краеведческом музее (Самоковосов, 1915, С.3-5, Горюнов, 1978, С.17-19, 1979, С.2, 1979, С.57-58).

Гочев-1 (2, рис.1) Курская обл. Памятник расположен у с.Гочев на левом берегу р.Псел. В 1986 г. экспедицией Курского областного краеведческого музея и Днепроовского Левобережного отряда ЛО ИА АН СССР на территории поселения было открыто погребение с трупосожжением (урновое). Материалы раскопок хранятся в Курском музее археологии (Тихомиров, 1986, 1987, С.94-95, Тихомиров, Терпиловский, 1990, С.50-51).

Кулига (3, рис.1) Белгородская обл. Памятник расположен у х.Кулига, на дюне берега р.Псел. В 1980 г. М.Б.Щукин исследовал 6 погребений с трупосожжениями (3 урновых и 3 ямных). Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже (Щукин, 1990, С.111-133).

Приоскольское-2 (4, рис. 1) Белгородская обл. Могильник расположен на правом берегу р.Оскол у с.Приоскольское. В 1984 г. А.М.Обломский исследовал 10 погребений с трупосожжениями (ямные) и 1 трупоположение (Обломский, 1991, С.208-215).

Шишино-5 (5, рис.1) Белгородская обл. Могильник расположен на дюне левого берега р.Северский Донец. В результате раскопок А.М.Обломского в 1985-87 гг. было открыто 6 погребений: 5 ямных трупосожжений и 1 трупоположение (Обломский, 1991, С.199-202).

Чертовикоме-3 (6, рис. 1) Воронежская обл. Памятник расположен на правом берегу р.Воронеж (левый приток р.Дон). В 1993 г.

А.П.Медведевым было открыто 12 погребений с трупосожжениями и место кремации умерших. Все погребения - ямные с органическими емкостями для остатков кремации, безинвентарные /Медведев, 1993, С.20-29; 1993, С.24-26/.

Бортнич (7, рис.1) Киевская обл. Могильник открыт в 1950 г. В.Н.Даниленко, исследовано 15 ямных погребений по обряду трупосожжения (Даниленко, 1976, С.68-69).

Казарович (8, рис.1) Киевская обл. Могильник открыт и исследован Е.В.Максимовым и Р.С.Орловым, раскопано 15 ямных погребений с сожжениями. Погребение I обнаружено во время работ на поселении трипольской культуры (Круц, Телегин, 1976, С.9, Максимов, Орлов, 1974, С.11-21).

Новые Безради (9, рис.1) Киевская обл. Могильник открыт в 1950 г. В.Н.Даниленко, исследовано 15 ямных погребений с трупосожжениями, найдена бронзовая арбалетная фибула (Даниленко, Дудкин, Круц, 1967, С.209-214, Даниленко, 1976, С.68-69).

1.6. Могильники черняховской культуры (III - начало V в.), (номера на карте 10 - 66, рис.1). Количество могильников на территории лесостепного Днепро-Донского междуречья и прилегающих районов степи составляет 58 пунктов, на которых исследованы остатки 267 трупоположений и 208 трупосожжений. Могильники располагаются на склонах берегов, балок, на останцах в пойме в непосредственной близости от поселений. Большие некрополи занимают площадь 5000-7000 кв.м. (Компанийцы), обычно же площадь могильников не превышала 1000-1500 кв.м. Внешние признаки черняховских погребений отсутствуют. Погребения располагаются на расстоянии 1-3 м друг от друга. В могильниках исследованы кенотафы, ритуальные захоронения животных и сосудов, а также места кремации умерших (Пересечное). Характерной особенностью черняховских могильников является биритуализм, то есть сочетание кремаций и ингумаций, среднее процентное соотношение которых в черняховских могильниках лесостепного Днепро-Донского междуречья составляет 55% к 45%. Можно также выделить могильники только с трупосожжениями или с трупоположениями. Среди трупосожжений подавляющее большинство составляют кремации на стороне, хотя известны и кремации на месте (Родной Край-1). Для источниковой базы культуры остается проблематичным вопрос выделения индивидуальных комплексов сожжений, что уже отмечалось в литературе (Кравченко, 1967, С.103, Никитина, 1985, С.72, Петраускас, 1993).

В черняховскую выборку вошло 15 могильников с 189 погребениями с четкой морфологической структурой: Компанийцы (96),

Переяслав-Хмельницкий (20), Жовнинский Остров (6), Жовнинская Пристань (3), Соснова (22), Родной Край (7), Новоселовка (6), Успенка (2), Кантемировка (4), Лохвица (8), Павлюковка (9), Сумы-I (1), Белоцерковцы (1), Вовчик (3), Дубьяги (1). Черняховская выборка является достаточной. При заданной степени вероятности значимыми становятся процентные показатели свыше 2%.

Компанийцы (10, рис.1) Полтавская обл. Могильник расположен в междуречье Псла и Ворсклы. Открыт в 1960 г. А.В.Бодянским. В 1960-65 гг. исследовался Е.В.Махно. На площади 5200 кв.м. выявлено 143 погребения: 41 труположение, 102 урновых и ямных трупосожжений (Махно, 1971, С.87-95, 1960, 1961).

Переяслав-Хмельницкий (11, рис.1) Киевская обл. Могильник расположен на плато правого берега р.Трубуж, в 1,5 км. от г.Переяслав-Хмельницкий. В 1952-54 гг. исследовался Е.В.Махно и В.К.Гончаровым. На площади 1307 кв.м. обнаружено 2 кенотафа и 40 погребений: 19 труположений и 21 ямное трупосожжение (Гончаров, Махно, 1957, С.127-144, 1954).

Жовнинский Остров (12, рис.1) Черкасская обл. Могильник открыт в 1969 г. Л.М.Рутковской. Исследовано 6 урновых трупосожжений (Рутковская, 1968-70).

Жовнинская Пристань (13, рис.1) Черкасская обл. Могильник исследовался в 1970 г. Л.М.Рутковской, открыто 6 погребений по обряду труположения северной ориентировки и 4 погребения с трупосожжениями (Рутковская, 1970, С.275-276, 1972-73).

Соснова (14, рис.1) Киевская обл. Могильник открыт в 1962 г. А.П.Савчуком, который исследовал одно погребение по обряду труположения. В 1978-85 гг. Е.В.Махно, Г.Н.Бузян, М.И.Сикорский исследовали 48 погребений: 19 труположений, 29 ямных и урновых трупосожжений (Махно, 1980, С.135-136, Сикорский, Махно, Бузян, 1978, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985).

Родной Край-I (15, рис.1) Харьковская обл. Могильник находится в пойме правого берега р.Уды, притока Северского Донца. Открыт в 1974 г. В.Г.Бородулиным. В 1978-84 гг. исследовался Е.Н.Петренко и Ю.В.Буйновым. На площади 1200 кв.м. открыто 14 погребений: 7 труположений северной ориентировки и 7 урновых трупосожжений (Петренко, 1991, С.10-26, 1981, С.303).

Новоселовка (16, рис.1) Полтавская обл., Полтавский р-н. Могильник открыт в 1940 г. Н.А.Станом и Н.Д.Сычем. Они исследовали 3 погребения: 2 труположения и 1 трупосожжение в танаисской амфоре. В 1966 г. Е.В.Махно и Л.М.Рутковская исследовали еще 5 ямных трупосожжений (Махно, Рутковская, 1967, С.216-217).

Успенка (17, рис.1) Сумская обл. Могильник исследовался в 1968-1972 гг. Е.В.Махно. Открыто 34 погребения: 32 труположения и 2 трупосожжения в урнах, без инвентаря (Махно, 1977, С.334-335, 1976, С.214-218).

Кантемировка (18, рис.1) Полтавская обл. Могильник расположен на левом берегу Днепра. Открыт в 1924 г. М.Я.Рудинским, который исследовал три труположения под курганными насыпями. В 1948 г. Е.В.Махно на площади 262 кв.м. исследовала 10 погребений: 6 труположений с северо-западной ориентировкой и 4 трупосожжения (Махно, 1952, С.231-241, 1949).

Лохвица (19, рис.1) Полтавская обл. Могильник расположен в пойме р.Сулы в 18 км от г.Лохвицы, исследовался в 1954-55 гг. Д.Т.Березовцом и В.П.Петровым. На площади 350 кв.м. обнаружено 20 погребений: 12 труположений и 8 трупосожжений. Из 12 труположений 7 с северной ориентировкой и 4 с северо-западной, из 8 сожжений - 7 урновые и 1 ямное (Березовец, 1960, С.84-99).

Павлюковка (20, рис.1) Харьковская обл. Могильник расположен на левом берегу р.Мерлы, притока Ворсклы. Открыт в 1973 Б.А.Шрамко. На площади 270 кв.м. исследовано 9 погребений по обряду трупосожжения (урновые) (Шрамко, 1979, С.9-12).

Сумы-I (21, рис.1) Сумская обл. Могильник открыт в 1958 г. В.А.Богусевичем. В 1960 г. исследовался Е.В.Махно. Раскопано 5 погребений: 2 погребения по обряду труположения одно урновое трупосожжение, о двух труположениях имеются устные сообщения (Махно, 1967, С.28-34).

Белоцерковцы (22, рис.1) Полтавская обл. Одиночное погребение по обряду трупосожжения открыто в 1912 г. при пахоте. Погребение урновое в амфоре (Спицын, 1948, С.54).

Вовчик (23, рис.1) Полтавская обл. Могильник исследовался в 1968 г. В.В.Кропоткиным. Открыто 6 погребений: 3 труположения северной ориентировки и 3 ямных трупосожжения (Кропоткин, 1968).

Дубьяги (24, рис.1) Полтавская обл. Могильник открыт местными жителями, обнаружено 3 погребения: 2 труположения и 1 урновое трупосожжение (Горюнов, Усова, 1974).

Могильники с трупосожжениями, не вошедшие в классификационный банк.

Хоцки (25, рис.1) Киевская обл. В 1907 г. Д.Я.Самоквасов открыл погребения с трупосожжениями, "кучки глиняных черепков, костей, угля и золы" (Сымонович, Кравченко, 1983, С.65).

Пересечное (26, рис.1) Харьковская обл. Могильник открыт в 1926 г. при земляных работах. В 1931-33 гг. И.Н.Луцкевичем исследовано около 40 погребений, материалы раскопок утрачены. Достоверными являются данные о 2 труположениях и нескольких урновых трупосожжениях (Луцкевич, 1948, С.165).

Большая Даниловка (27, рис.1) Харьковская обл. Могильник с разрушенными погребениями по обряду трупосожжения (Шрамко, 1962, С.258).

Гурбинцы (28, рис.1) Черниговская обл. Могильник открыт в 1926 г. Н.Е.Макаренко. Состоит из 6 погребений по обряду труположения и I сожжения с 7 сосудами в верхней части ямы с труположением. Материалы раскопок хранятся в Прилукском музее (Махно, 1960, С.62).

Савинский (29, рис.1) Полтавская обл. Погребения с сожжениями в амфорах. Материалы хранятся в Полтавском музее (Ляпушкин, 1961, С.172).

Барановка (30, рис.1) Полтавская обл. Погребения с трупосожжениями "кострища с костями и черепками" найдены в 1907 г. (Спицын, 1948, С.65).

Свинковка (31, рис.1) Полтавская обл. Могильник открыт в 1940 г. при земляных работах. Состоит из 4 погребений: 3 труположений и I урнового трупосожжения (Ляпушкин, 1961, С.156-172).

Полтава (32, рис.1) Полтавская обл. Могильник открыт сотрудниками областного краеведческого музея в 1940 г., доисследовался И.И.Ляпушкиным в 1947 г. Состоит из погребений по обряду труположения и трупосожжения (Ляпушкин, 1947, С.128-129).

Писаревка (33, рис.1) Полтавская обл. Могильник открыт в 1946 г. Обследовался в 1948 г. И.И.Ляпушкиным и А.А.Сидоренко. В 1966-67 гг. Е.В.Махно и Л.М.Рутковская на площади 86 кв.м. выявили: 2 труположения с северной ориентировкой и 43 трупосожжения (Махно, Рутковская, 1967, С.217-222).

1.в. Могильники колочинской культуры (V - VII вв.), (номера на карте 68 - 73, рис.1). На рассматриваемой территории известно 6 могильников, на которых исследовано 185 погребений по обряду трупосожжения на стороне. Могильники расположены на дюнах, первых надпойменных террасах. На самом большом могильнике Лебяжье-I на площади 2000 кв.м. раскопано 110 погребений, первоначальное их количество оценивается в 200-250. Погребения располагаются на могильниках без определенной системы, иногда отмечается попарное расположение мужских и женских захоронений. Внешние признаки могил отсутствуют, не исключено, что в древно-

сти над могилами находились легкие деревянные сооружения, остатки которых зафиксированы в Картамышево-2. Место кремации умерших - обожженная глинобитная площадка исследована в Княжье-ем. В классификационный банк нами отобрано 170 погребений: Лебязье-1 (92), Княжий (21), Авдеево (12), Картамышево-2 (43), Клюква (1), Артюховка (1). Колочинская выборка рассматривается как достаточная, значимыми являются процентные показатели свыше 2%.

Авдеево (68, рис.1) Курская обл. Могильник расположен на первой надпойменной террасе правого берега р.Сейм. В 1970-71 гг. исследовался Э.А.Сымоновичем, который открыл 12 погребений по обряду трупосожжения, инвентарь представлен бронзовой пряжкой (Сымонович, 1971, 1974, С.153-158).

Лебязье-1 (69, рис.1) Курская обл. Могильник расположен на дюнной гряде правого берега р.Сейм около с.Лебязье в 8 км к югу от г.Курска. В 1964-65 гг. исследовался Ю.А.Липкингом. На площади 2000 кв.м. было открыто 110 погребений, из них 33 урновые и 63 ямные. 14 погребений разрушено во время распашки. По мнению автора раскопок, первоначально в могильнике имелось 200-250 погребений. Среди погребений имеются захоронения сахновско-волынцевского типа (15, 37, 64, 92, 102, 104). Материалы раскопок хранятся в Курском музее археологии (Липкинг, 1974, С.141-143).

Клюква (70, рис.1) Курская обл. Одинокое погребение по обряду трупосожжения открыто в 1964 г. Ю.А.Липкингом на левом берегу р.Сейм около станции Клюква, напротив с.Лебязье (Липкинг, 1964, С.20-21).

Княжий (71, рис.1) Курская обл. Могильник расположен на левом берегу р.Суджа. В 1964-65 гг. исследовался Ю.А.Липкингом. На площади 100 кв.м. открыто 25 погребений по обряду трупосожжения. Из них 20 урновые, 2 ямные, 3 кенотафа. Предполагается, что всего в могильнике имелось около 40 погребений. Среди погребений имеются захоронения сахновско-волынцевского типа. У юго-западного края могильника на глубине свыше 1 м было выявлено место кремации умерших - обожженная глинобитная площадка овальной формы, размерами 2 x 1,5 м, по краям подостланная камнями и керамическими блоками. Материалы раскопок хранятся в Курском музее археологии (Липкинг, 1964, С.20-21).

Картамышево-2 (72, рис.1) Курская обл. Могильник расположен на дюне правого берега р.Псел у с.Картамышево. В 1979-80 гг. исследовался Е.А.Горюновым. На площади 1796 кв.м. было обнаружено 43 погребения с сожжениями, из которых 21 урновое и 22 ямные и 8 жертвенных ям с костями животных, а также остатки деревянных

погребальных сооружений. Материалы раскопок хранятся в ИИМК РАН (Горюнов, 1979, 1980).

Артюховка (73, рис.1) Сумская обл. Урновое погребение по обряду трупосожжения обнаружено при пахоте в 1909 г. на берегу р.Сула у с.Артюховка (Горюнов, 1981, С.107).

1.г. Могильники пеньковской культуры (V - VII вв.), (номера на карте 74-78, рис.1). На рассматриваемой территории известны 1 могильник и 4 одиночных погребения пеньковской культуры.

Великая Андрусовка-III (74, рис.1) Кировоградская обл. Памятник расположен на дюне у с.Великая Андрусовка в месте впадения р.Тясмин в р.Днепр. В 1961-63 гг. Д.Т.Березовцом были исследованы 4 погребения. Останки кремации находились в емкостях из органического материала, а также в сосудах-урнах. В погребении 4 найдена бронзовая пряжка (Березовец, 1969, С.58-71).

Погребения, не вошедшие в классификационный банк.

Яблунево (75, рис.1) Белгородская обл. Памятник расположен на р.Сев.Донец. Исследовано одно погребение с сожжением (Любичев, 1994, С.9).

Приоскольское (76, рис.1) Белгородская обл. Памятник расположен на р.Сев.Донец. Исследовано одно погребение с сожжением (Любичев, 1994, С.9).

Антоновка (77, рис.1) Белгородская обл. Памятник расположен на р.Сев.Донец. Исследовано одно погребение с сожжением (Любичев, 1994, С.9).

Луговка (78, рис.1) Белгородская обл. Памятник расположен на р.Ворскла. Исследовано одно погребение с сожжением (Любичев, 1994, С.9).

1.д. Могильники сахновско-волынцевского типа (конец VII - первая половина VIII вв.), (номера на карте 79-88, рис.1). В различных работах упоминается разное число могильников сахновско-волынцевского типа. Нами учтены данные 10 могильников: Лебяжье-III (17), Лысая Гора-I (1), Волынцево (17), Сосница (12), Большие Будки (3), Хухры (1), Битицкое (1), Дмитриевка (9), Лебяжье-I (6), Княжий (1). Помимо трупосожжений, известны погребения с трупоположениями на волынцевских поселениях: Волынцево, Битица (Юренко, Сухобоков, 1993, С.41-43).

Лебяжье-III (79, рис.1) Курская обл. Могильник расположен на первой надпойменной террасе р.Сейм. В 1968 г. Ю.А.Липкинг исследовал 10 погребений. Раскопки памятника были продолжены Н.А.Тихомировым в 1989 г., им открыто 7 трупосожжений (Липкинг, 1968, С.1-8; Тихомиров, 1989).

Лысая Гора-I (80, рис.1) Воронежская обл. Могильник расположен на северной окраине г.Воронежа, на правом берегу Воронежского водохранилища. Исследовано одно урновое погребение с трупосожжением (Винников, 1984, С.49-50).

Волынцево (81, рис.1) Сумская обл. Памятник расположен на террасе правого берега р.Сейм. Д.Т.Березовец исследовал 17 урновых сожжений (Березовец, 1952, С.248-249).

Сосница (82, рис.1) Черниговская обл. Могильник расположен на равнине на берегу р.Десна. Исследовано 12 погребений (Березовец, 1955, С.54-56; Сухобоков, 1975, С.54-56).

Большие Будки (83, рис.1) Полтавская обл. Могильник расположен на равнине, на берегу р.Сула. В 1906 г. Н.Е.Макаренко открыл 3 урновых погребения (Макаренко, 1907, С.50-54).

Хухры (84, рис.1) Сумская обл. Разрушенный могильник, найдено урновое трупосожжение (Сухобоков, 1975, С.55).

Битица (85, рис.1) Сумская обл. Урновое трупосожжение в жилище на территории поселения (Юренко, Сухобоков, 1993, С.41-42).

Лебяжье-I (86, рис.1) Курская обл. Ю.А.Липкинг исследовал 6 погребений сахновско-волынцевского типа. Материалы раскопок хранятся в Курском музее археологии (Липкинг, 1974, С.141-143).

Княжий (87, рис.1) Курская обл. Ю.А.Липкинг исследовал одно погребение сахновско-волынцевского типа (Липкинг, 1964, С.20-21).

Дмитриевка (88, рис.1) Белгородская обл. Памятник расположен на правом берегу р.Корочи у с.Дмитриевка. В 1966-67гг. С.А.Плетневой были открыты 9 урновых погребений с сожжениями, сосредоточенных на юго-восточной окраине салтово-маяцкого могильника (Плетнева, 1972, С.108-115; 1968, С.62; 1971, С.72-73; 1989, С.143, рис.76). В классификационный банк мы отобрали 34 погребения: 17 погребений Лебяжьего-III, 1 погребение могильника Лысая Гора-I, 6 погребений из Лебяжьего-I, 1 погребение Княжьего, 9 погребений Дмитриевки. Материалы других могильников использованы как дополнительные при характеристике погребального обряда. Выборка рассматривается как малая, значимыми являются процентные показатели свыше 11 %.

ФОРМАЛИЗАЦИЯ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ

Формализация данных согласно методическим рекомендациям состоит из двух ступеней (Формализованно-статистические методы, 1990, С.32). Первая предполагает первичное описание, состоящее из выявления свойств предмета и фиксации их как признаков. Первич-

ное описание выполнено при подготовке картотеки погребальных комплексов второй-третьей четверти I тыс.н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья, что позволило упорядочить традиционные описания и наметить в целом состав признаков, описывающих погребения с сожжением. Второй этап - создание списка признаков. Содержание списка, его конструкция и набор элементарных признаков обусловлены целями и задачами настоящей работы. Предлагаемый список состоит из 5 разрядов, 23 совокупностей и 137 признаков. В разряды сгруппированы признаки согласно наиболее общим элементам археологической структуры сожжения. В первый разряд вошли признаки, описывающие погребальное сооружение, во второй разряд - признаки, связанные с описанием останков погребенного, в третий разряд мы включили признаки, характеризующие остатки погребального костра, в четвертый разряд - признаки, описывающие погребальный инвентарь, в пятый разряд - признаки, связанные с описанием других ритуальных действий. В качестве дополнительного разряда (б) введен показатель абсолютной хронологии комплекса. Совокупности отвечают содержанию уже заданному в разряде и являются детализированным перечнем черт явления. По такому же принципу заданности содержания в совокупности сгруппированы и дискретные признаки. Те признаки, которые фиксируют абсолютные размеры и глубину, для компьютерной обработки преобразованы в качественные путем выделения интервальных групп. Настоящий список является открытой системой, предусматривающей возможность дополнения на любом уровне - разрядов, совокупностей, признаков, путем введения дополнительных блоков на каждом из уровней без изменения конструкции самого списка. Этому же подчинен и принцип кодировки (адреса) признака. Код состоит из трех групп цифр, разделенных точкой, где каждая из групп указывает отношение к разряду, совокупности и собственно признаку.

В формализованном виде данные о каждом погребении с сожжением, которое было отобрано в классификационный банк, были введены в память компьютера. Полученные кодировочные таблицы использовались для дальнейшей формализации и обработки информации банка данных. Метод суммарной характеристики широко используется как основа сравнительного анализа выборок погребений. В нашей работе суммарная характеристика выборок погребений киевской, черняховской, колочинской, волынецовской культур представлена в виде графа (табл. III, рис. 17). По вертикали размещены характеризующие выборки, а по горизонтали - признаки, объединенные в совокупности и разряды.

*Список признаков для погребений с трупосожжениями
2-3 четверти I тыс.н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья*

Разряд I. Признаки, описывающие погребальное сооружение		
Совокупность	1.1.	Характер погребального устройства
Признаки:	1.1.0	не описан
	1.1.1	грунтовая яма
	1.1.2	площадка в грунте
Совокупность	1.2.0	Характер наземной погребальной конструкции.
Признаки:	1.2.0	отсутствует
	1.2.1	деревянная наземная конструкция /зафиксированы канавки, столбовые ямки/
	1.2.2	каменная вымостка на уровне древнего горизонта
Совокупность	1.3.	Форма погребальной ямы /площадки/
Признаки:	1.3.0	не указана
	1.3.1	округлая
	1.3.2	овальная
	1.3.3	прямоугольная
Совокупность	1.4.	Размеры ямы /площадки/
Признаки:	1.4.0	не указаны
	1.4.1	0,2-0,6 м
	1.4.2	0,6-1м
	1.4.3	1,0-2м
	1.5.	Глубина ямы /площадки/
Признаки:	1.5.0	не указаны
	1.5.1	0,2-0,5м
	1.5.2	0,5-1м
Совокупность	1.6.	Ориентация погребальной ямы /площадки кострища/
Признаки:	1.6.0	не описано
	1.6.1	по линии север-юг
	1.6.2	по линии северо-восток юго-запад
	1.6.3	по линии восток-запад
	1.6.4	по линии юго-восток северо-запад
Совокупность	1.7.	Детали внутреннего устройства погребальной ямы
Признаки:	1.7.0	отсутствуют
	1.7.1	специальные углубления для кальци-

- 1.7.2 нированных костей или урны
земляные приступки для погребально-
го инвентаря
- 1.7.3 обкладки из керамики
- 1.7.4 глиняная обмазка стенок
- 1.7.5 стенки и дно ямы обожжены
- 1.7.6 обкладка из обгорелых плах

Разряд II. Признаки, связанные с описанием останков погребенного

Совокупность	2.1.	Размещение останков кремации в погребении
Признаки:	2.1.0	не указано
	2.1.1	оставлены на кострище
	2.1.2	на дне ямы
	2.1.3	в яме, распределены по заполнению
	2.1.4	на дне ямы, покрыты обломками сосудов
	2.1.5	на дне ямы, накрыты перевернутым сосудом типа "клош"
	2.1.6	в яме и в урне
	2.1.7	в урне - керамическом сосуде
	2.1.8	в урне из органического материала /дерева, бересты, кожи/
	2.1.9	на площадке или на древней дневной поверхности
Совокупность	2.2.	Количество погребенных.
Признаки:	2.2.0	не определено
	2.2.1	один
	2.2.2	два
Совокупность	2.3.	Консистенция останков кремации
Признаки:	2.3.0	не указано
	2.3.1	мелкие, единичные кости /2-3см/
	2.3.2	мелкие кости в большом количестве
	2.3.3	крупные, единичные обломки костей
	2.3.4	большое количество крупных обломков костей, в том числе фрагменты черепа, костей ног, рук
Совокупность	2.4.	Размещение урны в погребальном устройстве
Признаки:	2.4.0	не указано
	2.4.1	в яме

	2.4.2	на древнем горизонте
	2.4.3	на каменной вымостке или плитке
	2.4.4	на деревянном помосте
	2.4.5	перевернута
	2.4.6	в сосуде
	2.4.7	в двух сосудах
	2.4.8	в урне
Совокупность	2.5.	Характер покрытия урны.
Признаки:	2.5.0	покрытие отсутствует
	2.5.1	черепком, днищем сосуда
	2.5.2	сосудом - клошем
	2.5.3	сосудом - вставкой
	2.5.4	камнем
	2.5.5	диском - крышкой
	2.5.6	умбоном, ведром

Разряд III. Характеристика остатков погребального костра

Совокупность	3.1.	Расположение остатков погребального костра
Признаки:	3.1.0	не описано
	3.1.1	отсутствуют
	3.1.2	в заполнении погребальной ямы
	3.1.3	залегают слоем в яме, над остатками кремации
	3.1.4	среди кальцинированных костей в урне
	3.1.5	в виде обсыпки урны
	3.1.6	под кальцинированными костями на дне ямы
	3.1.7	в положении <i>in situ</i>
	3.1.8	отдельные скопления на горизонте
Совокупность	3.2.	Количество и характер остатков погребального костра
Признаки:	3.2.0	не описано
	3.2.1	пепел, уголь, сажа в большом количестве
	3.2.2	уголь, обгоревшие плахи
	3.2.3	отдельные угольки, пепел
	3.2.4	темное сажистое заполнение без включений угля

Разряд VI. Признаки, описывающие погребальный инвентарь		
Совокупность	4.1.	Количество погребального инвентаря.
Признаки:	4.1.0	отсутствуют
	4.1.1	сосуды - приношения
	4.1.2	вещи, предметы быта, орудия труда
Совокупность	4.2.	Предметы личных украшений.
Признаки:	4.2.1	бусы
	4.2.2	височные кольца
	4.2.3	серьги
	4.2.4	браслеты
	4.2.5	кольца, перстни
	4.2.6	подвеска /ведерковидные/
Совокупность	4.3.	Детали костюма.
Признаки:	4.3.1	фибула, булавка
	4.3.2	подвески /лунница, трапецевидные/
	4.3.3	детали пояса /пряжка, накладки/
	4.3.4	бляшка
Совокупность	4.4.	Предметы личного использования и орудия труда
Признаки:	4.4.1	нож, зубило
	4.4.2	оселок
	4.4.3	игла
	4.4.4	пряслице, грузило
	4.4.5	кресало /огниво/
	4.4.6	шило
	4.4.7	гребень
	4.4.8	монеты
	4.4.9	ключ
	4.4.10	кубок из стекла
	4.4.11	кремневые отщепы
	4.4.12	остатки ведер
	4.4.13	скоба, гвоздь, крючок
Совокупность	4.5.	Предметы воинского снаряжения
Признаки:	4.5.1	наконечники копий, дротиков, стрел
	4.5.2	меч
	4.5.3	умбон
	4.5.4	детали кольчуги
	4.5.5	боевой топор
Совокупность	4.6	Качественные характеристики инвентаря
Признаки:	4.6.0	не указано

	4.6.1	золото
	4.6.2	серебро
	4.6.3	бронза
	4.6.4	железо
	4.6.5	стекло
	4.6.6	камень
	4.6.7	глина
	4.6.8	кость
	4.6.9	кремь
	4.6.10	пастовая масса
	4.6.11	дерево
Совокупность	4.7	Состояние погребального инвентаря
Признаки:	4.7.0	не указано
	4.7.1	поврежден
	4.7.2	обожжен
	4.7.3	поврежден и обожжен

Разряд V. Признаки, связанные с описанием других ритуальных действий

Совокупность	5.1	Другие включения в погребении.
Признаки:	5.1.0	отсутствуют
	5.1.1	фрагменты несобирающихся сосудов
	5.1.2	фрагменты собирающихся сосудов
	5.1.3	кости животных
	5.1.4	кости птиц
	5.1.5	кости рыб
	5.1.6	охра
	5.1.7	камень
	5.1.8	комочки обожженной глины, известняка
Совокупность	5.2	Следы действия огня.
Признаки:	5.2.0	отсутствуют
	5.2.1	фрагменты сосудов вторично обожжены
	5.2.2	кости животных обожжены
	5.2.3	камень обожжен

Разряд VI. Хронология комплекса

Совокупность	6.1	Абсолютная хронология (если в комплексе имеются датирующие вещи, указать дату)
--------------	-----	--

Суммарная характеристика отражает последовательность фиксации археологами остатков погребений с трупосожжениями (погребальное сооружение - остатки погребенного - остатки погребального костра - инвентарь - другие ритуальные действия) и соответствует структуре погребального памятника как объекта исследования (Формализованно-статистические методы, 1990, С.42, рис. 1, С.66-72).

Суммарной характеристике предшествовал первичный учет признаков каждого погребения (кодировочные таблицы), затем данные суммировались по каждому признаку (в столбце) и заносились в таблицу (таб. III). На каждую совокупность признаков отводилась графа об отсутствии данных (например 1.1.0). Признаки даны как в абсолютных, так и в относительных показателях ("количество" и "частость совокупности" табл. III). Относительные показатели (в процентах) позволяют проводить ряд исследовательских процедур. При переводе абсолютных показателей в относительные за 100 % мы принимали сумму частоты встречаемости признака в совокупности (в строке), такой способ процентирования позволяет уравнивать имеющиеся у нас разновеликие выборки. При процентировании показатель признака "нет данных" в совокупности исключался из расчетов, и за 100 % брались признаки с фиксированными данными. Степень сходства по каждому признаку двух выборок определяется по меньшему значению из двух сравниваемых величин, что будет означать величину их абсолютного сходства, то есть удельный вес полностью совпадающего количества показателей данного признака (Генинг, 1973, С.132).

Абсолютная степень сходства между двумя сравниваемыми выборками по совокупностям признаков вычисляется как среднеарифметическое показателей сходства всех единиц совокупностей:

$$K_{a,b} = \frac{K_1 \dots K_n}{n} (1),$$

где n - количество единиц совокупностей (Формализованно-статистические методы в археологии, 1990, С.76-82).

Суммарной характеристике сопутствуют следующие статистические показатели: среднеарифметическая и среднеквадратическое отклонение.

Среднеарифметическая (\bar{x}) вычисляется путем деления суммы $\sum x$ всех значений признака (x) на их число N :

$$\bar{x} = \frac{\sum x}{N} (2),$$

В суммарной характеристике нескольких выборок в массиве средняя арифметическая совпадает с показателем “норма распределения”.

Среднеквадратическое отклонение (σ) отражает вариации и степень концентрации признака. Оно определяется как корень квадратный из среднего квадрата суммы отклонений отдельных значений признака (x) от средней арифметической признака (\bar{x}):

$$Q = \pm \sqrt{\frac{\sum(x - \bar{x})^2}{N}} \quad (3)$$

Для малых выборок:

$$Q = \pm \sqrt{\frac{\sum(x - \bar{x})^2}{n-1}} \quad (4)$$

Для различных оценок вариации признака можно использовать коэффициент вариации:

$$V = \frac{Q}{\bar{x}} \times 100\% \quad (5),$$

где σ - среднее квадратическое, \bar{x} - среднее арифметическое. Он позволяет сравнить вариации одного и того же признака у разных групп объектов, а также сопоставить вариацию разных признаков у одних и тех же групп объектов.

В характеристике непрерывных значений признаков и построении интервальных групп использована формула исчисления размеров интервалов:

$$H = \frac{x_{\max} - x_{\min}}{\sqrt{n-1}} \quad (6),$$

где X_{\max} - максимальное значение признака и X_{\min} - минимальное значение, n - размер массива.

Характеристики значений признака: показатель частоты встречаемости признака (w) и частоты (g). Частота фиксирует встречаемость признака в абсолютных числах. Частость показывает долю каждого значения признака по отношению к величине всей совокупности и выражается в относительных числах или процентах, рассчитывается по формуле:

$$W = \frac{1}{n}; \quad g = \frac{1}{n} \times 100 \quad (7),$$

Для проверки значимости показателя и его корректной интерпретации использована таблица соответствий нижнего уровня процентного показателя и минимального объема выборки по Н.А.Рычкову

(Формализованно-статистические методы в археологии, 1990, табл. III), что позволяет объективно соотнести размеры выборок и степени вероятности процентного показателя.

Для количественного выражения тесноты связи между признаками в работе использован коэффициент контингенции (сопряженности):

$$Q = \frac{ad-bc}{\sqrt{(a+b)(a+c)(b+d)(c+d)}} \quad (8),$$

если через А и В обозначить сравниваемые признаки, то а - число объектов с признаками А и В, в - число объектов, обладающих только признаком В, с - число объектов, обладающих только признаком А, d - число объектов, не обладающих признаками А и В. Для опровержения нулевой гипотезы об отсутствии связи между А и В необходимо, чтобы $\chi > 3,84 > 4$ (при доверительном уровне 0,95), т.е., где p - число объектов в выборке (Федоров-Давыдов, 1987, С.97).

Для выяснения связи двух комплексов может быть использован коэффициент взаимно встречаемости признаков в двух комплексах:

$$F = \frac{S^2}{K \times L} \quad (9),$$

где К - общее число признаков, отмеченных для первого комплекса, L - общее число признаков для второго комплекса, S - число признаков, одинаковых для обоих комплексов.

Степень сходства по типам сожжений двух типологических спектров определяется по меньшему значению из двух сравниваемых величин. Степень сходства в целом по совокупности для различных спектров определяется как сумма меньших значений каждого признака в совокупности (Генинг, Борзунов, 1975, С.58; Формализованно-статистические методы в археологии, 1990, С.81). Графическим изображением характера взаимосвязи типологических спектров служит граф (рис.21).

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБЕНИЙ С КРЕМАЦИЯМИ

Метод классификации и типологии является одним из основных приемов в настоящей работе. Основное правило классификации предполагает подразделение предметов или явлений с сохранением единства признака, по которому производится деление (принцип единства критериев таксономических уровней). Члены деления при этом должны исключать друг друга, а их объемы в сумме равняться объему делимого понятия. Классификация должна быть целенаправ-

ленной, ее таксономическая структура дополняема на всех уровнях и направлениях (принцип дополняемости и открытости). Таксономические уровни должны быть соподчинены между собой и соответствовать целям классификации (принцип иерархической соподчиненности). Классификационная структура обоснована и однозначна по содержанию.

Большинство археологов признает, что классификация выполняет прежде всего типобразующие функции. Наиболее сложным моментом классификации является понятие типа. Общепринято рассматривать его как устойчивое сочетание признаков (Арциховский, 1930, С.7; Федоров-Давыдов, 1987, С.199). Однако в конкретных археологических типологиях у каждого из исследователей свое содержание понятия типичности и типа. Тип должен соответствовать задачам конкретного исследования, отражая сочетание и связи существенных признаков.

С целью установления связи между признаками и группировки на основании этих связей наиболее сильно коррелированных признаков, а также для расположения их по степени "значимости", т.е. для построения иерархии признаков неформализованно были отобраны совокупности признаков (1.1; 2.1; 3.1; 4.1; 5.1), соответствующие элементам структуры обряда кремации (табл.1), и применен коэффициент сопряженности (формула 8). Из сильно коррелированных признаков совокупностей 1.1 и 2.1 для дальнейшего анализа были отобраны только признаки совокупности 2.1, которые и учитывались нами при вычислении коэффициента сопряженности.

Подсчитав попарно коэффициент сопряженности и составив матрицу его значений, мы построили графы взаимосвязей признаков погребений киевской, черняховской, колочинской культур (рис.18, 19, 20). В этих графах вершинами являются признаки, а ребрами - связи между ними, показанные условно, в зависимости от силы этой связи. При их построении были опущены связи между взаимоисключающими (1 - 9; 10 - 15; 16 - 17; 18-21) или редко встречающимися вместе признаками. Для удобства прочтения некоторые признаки в графах продублированы.

На полученных графах выделяются комплексы признаков. Например, на графе взаимосвязей признаков погребений колочинской культуры (рис.20) можно назвать шесть комплексов: 2-17-19-11-18-16-13; 7-13-18-16-11-19-17; 6-13-12-10; 3-21-17-11; 4-19-18; 5-19-10. Следует отметить, что центральные признаки этих комплексов 2, 7, 6, 3, 4, 5 (совокупность 2.1) обладают наибольшим количеством связей. Такую же закономерность демонстрируют графы взаимосвязей признаков погребений черняховской и киевской культур (рис. 18, 19).

Таким образом, признаки совокупности 2.1 относятся к главным типобразующим в классификации. На их основе все погребения разбиваются на отделы (классы первой ступени классификации). Затем каждый отдел разбивается на типы (классы второй ступени классификации) по признакам совокупности 3.1, которые также обладают большим количеством связей и тесно коррелируют с признаками совокупности 2.1. Если продолжить дерево классификации, то получим классы, соответствующие второстепенным признакам (совокупность 5.1), или варианты.

Каждый тип записывается в виде числового кода (например 2.1.2/3.1.1). На каждой ступени классификации использовался один признак или несколько тесно связанных признаков (2.1.2-2.1.4; 3.1.2-3.1.3-3.1.6), которые рассматривались как единый составной признак.

В предложенной классификации тип погребения характеризуется сочетанием определенных взаимосвязанных признаков, дающих относительно устойчивую структуру погребения, которые соответствуют основным элементам обряда сожжения как исторического явления.

Классификация и ее таксоны построены с учетом всей совокупности погребений. Таксономические уровни соответствуют последовательно проводимым этапам исследования археологами остатков сожжений, или, другими словами, звеньям ритуала кремации, но в обратном порядке. В качестве основных таксономических уровней использованы следующие: **отделы** - по признакам, характеризующим погребальные сооружения (совокупность 1.1) и описывающим размещение останков погребенного (совокупность 2.1), **типы** - по признакам, характеризующим размещение остатков погребального костра (совокупность 3.1), **варианты** - по характеру ритуальных действий (совокупность 5.1) (табл.1).

В соответствии с целями исследования анализ археологических комплексов кремаций используется как источник по характеристике этнического и социального развития населения указанного периода и региона. В первом случае необходимо получить диахроническую цепочку археологических типов кремации, которая может отразить эволюцию основных историко-культурных моделей, тем самым предоставляя возможность для анализа этнокультурного развития населения Днепро-Донской Лесостепи. При таком подходе этнической характеристикой становятся не отдельные признаки погребения, а их специфические формы развития как целостных систем. На основе анализа социально значимых признаков погребений возможно проследить общеисторические тенденции и конкретно-хронологические особенности общественных отношений населения рассматриваемой

территории. Основой такого исследования становится анализ вариаций социально значимых признаков и их корреляция с выделенными типами сожжений.

а. Погребения киевской культуры (табл. III).

Погребения с трупосожжениями киевской культуры совершены по обряду кремации на стороне (модель 1) - 98,7% или на стороне, с разведением ритуального кострища на месте (модель 2) - 1,3% (Шишино-5, п.5).

Погребальным сооружением киевских сожжений являются грунтовые ямы без наземных конструкций - 93,7%, грунтовые ямы со следами столбов - 5% или площадка с вымосткой из пережженных камней - 1,3% (Кулига, п.4). Большинство погребений совершено в ямах округлой формы - 80%, диаметром 0,4-0,6 м - 50% всех погребений и реже 1-2 м. Погребений в овальных ямах - 20%, размеры ям 0,5-0,7-х-0,8-1,8 м, ориентация различна: по линии СЗ-ЮВ - 55%, по линии С-Ю - 11%, по линии СВ-ЮЗ - 23%, по линии В-З - 11%. Глубина погребений 0,2-0,5 м - 43%, или 0,5-1 м - 57%. В шести погребениях - 7,2% яма была обложена по периметру обгорелыми шлаками (Казаровичи, п.1, 2, 3, 9, 11, 12), в одном погребении - 1,3% в верхней части погребения была сделана вымостка из фрагментов сильно пережженных лепных сосудов (Казаровичи, п.4). В трех погребениях - 3,6% стенки и дно ямы были обожжены (Шишино-5, п.5, Казаровичи, п.1,3), иногда в дне ямы делались специальные углубления для кальцинированных костей - 4,9% (Приоскольское-2, п.1, 6, 9).

Останки погребенного в более чем половине погребений располагались на дне ямы - 52,5% или были распределены по ее заполнению - 22,5%, в одном погребении - 1,3% кальцинированные кости находились на дне ямы и были прикрыты перевернутым сосудом типа "клош", (Кулига, п.2), в одном погребении - 1,3% зафиксировано расположение костей в яме и в урне (Шмырево, п.1), в пяти погребениях - 6,1% кости лежали в урне - керамическом сосуде, в двенадцати погребениях - 15% в качестве урн использовались емкости из органического материала округлой формы, диаметром не более 40 см и высотой около 30 см (сосуд, туесок, Чертовичское-3), и в одном погребении кости располагались на площадке и были перекрыты каменной вымосткой - 1,3% (Кулига, п.4). В четырех погребениях - 66% урна стояла на дне ямы, в одном погребении - 17% она была перевернута вверх дном и еще в одном погребении находилась на подставке в виде обожженного камня - 17% (Кулига, п.3). В трех погребениях урна была прикрыта днищем сосуда (Гочево-1, п.1, Кулига, п.1, 6). В качестве урн использовались лепные горшки или их придонные части (рис.7). Характерной особенностью консистенции останков кремации

киевских погребений является наличие небольшого количества мелких кальцинированных костей размером 0,3 - 3 см от 3 до 30 шт. (Казаровичи, Чертовицкое-3) - 89,7% всех погребений. В 7,7% погребений найдено достаточно много мелких костей, в одном погребении - 1,3% были обнаружены единичные обломки крупных костей и еще в одном погребении - 1,3% - 300 кальцинированных костей, в том числе несколько крупных фрагментов черепа (Шишино-5, п.4).

Погребения киевской культуры, как правило, содержали остатки погребального костра - 88,8%. Наиболее часто угольки и пепел встречались по всему заполнению могильной ямы - 27,5% или залежали слоем над останками кремации - 40%. В 15% погребениях остатки погребального костра находились в урне, в одном погребении - 1,3% они представляли собой обсыпку урны (Гочево 1,п.1). В четырех погребениях - 5% уголь и пепел лежали под костями на дне ямы. В 55,4% погребений остатки костра: пепел, уголь, сажа зафиксированы в большом количестве, в 10,8% погребений помимо угля найдены обгорелые плахи (Казаровичи), в 32,3% - сажистое заполнение с незначительными вкраплениями угля и в 1,5% - только сажистое заполнение. Во многих погребениях заполнение ям было стратифицировано: верхний горизонт представлял собой слой серой супеси с мелкими обломками кальцинированных костей, нижний горизонт состоял из темной супеси, насыщенной золой и углем (Приоскольское-2, Шишино-5).

Инвентарь для киевских погребений не характерен. Он отсутствует в 73% погребений. В двух погребениях отмечено наличие сосудов-приношений (Чертовицкое, п.8, Казаровичи, п.14). Неисключено, что эта категория инвентаря была представлена и в некоторых других погребениях, но в плохой сохранности, из-за чего мы отнесли ее к категории "фрагменты собирающихся сосудов". В 25% погребений найдены вещи, предметы быта и орудия труда. Следует отметить, что размещение инвентаря в ямных захоронениях отличается бессистемностью, в заполнении ям на разных глубинах. В погребениях могильников Бортнички и Новые Безрадиичи были найдены: арбалетные фибулы, украшения с выемчатыми эмальями, ножи, трапециевидные подвески, спиральное украшение. Пряслица найдены в трех погребениях (Шмырево, п.2, Шишино-5, п.3, Бортнички), бусины - в п.1 Шишино-5, бронзовая булавка - в п.1 Шишино-5, фибула - в п.14 Казаровичи, железное зубило - в п.9 Приоскольское-2, три отщепы кремня в -п.5 Шишино-5. Все вещи имеют следы поврежденности.

Другие ритуальные действия мы можем проследить по наличию в погребениях фрагментов несобирающихся сосудов - 50,4%, фрагментов собирающихся сосудов - 9,1%, необожженных костей

животных - 29%, костей рыб - 0,8%, камней - 2,5%, комочков обожженной глины - 4,1%.

Фрагменты керамики представлены обломками лепных горшков киевского типа и гончарных мисок, кувшинов провинциально-римского типа (Шишино-5, Приоскольское-2, Новые Безрадици, Чертовичкое-3). Некоторые фрагменты сосудов вторично обожжены. Кости животных находились в заполнении погребений на разных уровнях: в п.3 Шишино-5, в п.1, 2, 9 Чертовичкое-3 - над остатками сожжения, в п.10 Приоскольское-2 - над ямой в слое. Видовой состав животных различен: в десяти погребениях обнаружены кости коровы от 3 до 13 шт. (Приоскольское-2, п.1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, Кулига, п.4, Шишино, п.4), в трех погребениях - кости лошади (Чертовичкое, п.1, 9, Шишино, п.3), в одном погребении - кости коровы, лошади и рыб (Шишино, п.1) и в одном погребении - кости свиньи (Чертовичкое-3, п.2).

Типологический спектр трупосожжений киевской культуры состоит из 10 типов (табл.II):

Тип 1 Останки погребенного отобраны с кострища и размещены на дне ямы с фрагментами сосудов, остатки костра отсутствуют (2.1.2/3.1.1).

(Приоскольское-2, п.6) - всего 1 комплекс - 1,2%.

Тип 2 Останки погребенного отобраны с кострища и размещены на дне ямы с фрагментами сосудов, остатки костра в погребальной яме (2.1.2/3.1.2, 3, 6).

(Приоскольское-2, п.1; Казаровичи п.1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, Нов.Безрадици п.1-15; Бортнички п.1-14) - всего 41 комплекс - 51,4%.

Тип 3 Останки погребенного с фрагментами сосудов - в заполнении ямы, остатки костра отсутствуют (2.1.3/3.1.1).

(Кулига, п.5) - всего 1 комплекс - 1,2%.

Тип 4 Останки погребенного с фрагментами сосудов - в заполнении ямы, остатки костра в погребальной яме (2.1.3/3.1.2, 3, 6).

(Шмырево, п.2; Приоскольское-2, п.2, 4, 5, 7, 9, 10, 11, Шишино-5, п.1, 2, 3, 4, 5; Казаровичи п.5, 6, 7, 8) - всего 17 комплексов - 21,4%.

Тип 5 Останки погребенного с фрагментами сосудов размещены на дне ямы и накрыты перевернутым сосудом типа "клош", остатки костра отсутствуют (2.1.5/3.1.1).

(Кулига, п.2) - всего 1 комплекс - 1,2%.

Тип 6 Останки погребенного размещены в яме и отобраны в урну, остатки костра в яме, без фрагментов сосудов (2.1.6/3.1.2).

(Шмырево, п.1) - всего 1 комплекс - 1,2%.

Тип 7 Останки погребенного - в урне, остатки костра отсутствуют (2.1.7/3.1.1).

(Кулига, п.1, 3, 6; Приоскольское-2, п.8) - всего 4 комплекса - 5%.
вариант А с фрагментами сосудов (Кулига п.1)

вариант Б без фрагментов сосудов (Кулига п.3, 6, Приоскольское-2 п.8)

Тип 8 Останки погребенного - в урне, остатки костра в виде обсыпки урны с фрагментами сосудов (2.1.7/3.1.5).

(Гочево-1, п.1) - всего 1 комплекс - 1,2%.

Тип 9 Останки погребенного - в урне, которая не сохранилась, с остатками костра (2.1.8/3.1.4).

(Чертовицкое-3, п. 1-12,) - всего 12 комплексов - 15%.

вариант А с фрагментами сосудов 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11

вариант Б без фрагментов сосудов 8, 10, 12

Тип 10 Останки погребенного отобраны с кострища и размещены на площадке (древней дневной поверхности) с фрагментами сосудов, остатки костра отсутствуют (2.1.9/3.1.1).

(Кулига, п.4) - всего 1 комплекс - 1,2%.

Киевский спектр трупосожжений имеет 7 общих типов с черняховским, 1 общий тип с пеньковским, 8 общих типов с колочинским спектрами сожжений (табл. II).

б. Погребения черняховской культуры (табл. III)

Погребения с сожжениями черняховских могильников совершены по обряду кремации на стороне (модель I).

Погребальным сооружением черняховских кремаций является грунтовая яма - 84% или площадка в грунте - 16%. Наземные погребальные конструкции в настоящее время не фиксируются.

Погребения, совершенные в грунтовых ямах, имеют различную форму: 79% - округлую, 20% - овальную, 1% - прямоугольную. Размеры ям в 78% погребений - 0,2-0,6 м, в 21,3% - 0,6-1 м, в 0,7% - 1-2 м. Глубина захоронений 0,2-0,5 м в 91% погребений, 0,5-1 м в 9%. Ориентация овальных ям разнообразна: 47% погребений ориентировано по линии север-юг, 20% - по линии северо-восток - юго-запад, 7% - по линии восток-запад, 26% - по линии юго-восток, северо-запад.

Среди деталей внутреннего устройства погребальных ям следует отметить земляные приступки для погребального инвентаря - в двух погребениях - 1%, специальное углубление для урны в одном погребении - 0,5%, обкладку стен и дна ямы из обломков керамики - в одном погребении - 0,5%.

Останки погребенного собирались с погребального костра и помещались на дно ямы - 47,6%, или распределялись по заполнению

ямы - 1%, в 3,2% погребений кости на дне ямы покрывались обломками сосудов, в 3,7% были накрыты перевернутым сосудом типа "клош", в одном погребении - 0,5% останки кремации находились в яме и в урне, в 32,3% помещались в урну - керамический сосуд, 11,7% - располагались на площадке. Урну, как правило, ставили на дно погребальной ямы - 71% всех урновых погребений. Иное положение зафиксировано лишь в единичных случаях: в четырех погребениях - 8,4% урна стояла на древнем горизонте, в одном погребении - 2% на каменной вымостке, в пяти погребениях - 10,4% урна была перевернута вверх дном, в одном погребении - 2% урна находилась в сосуде, в двух погребениях - 4,2% урна была поставлена в сосуд, который в свою очередь находился в другом сосуде - "тройная урна". Урновые сожжения встречаются как "закрытые" - 54%, в которых урна прикрывалась сверху другим сосудом - "клошем" - 13,1%, сосудом-вставкой - 5%, крупным обломком или днищем сосуда - 32,7%, камнем - 1,6%, умбоном и ведром - 1,6% (Компанийцы, п.86), так и "открытые", где урны ничем ни прикрыты - 46%.

В качестве урн использовались бытовые сосуды: горшки, миски, кубки, вазы, амфоры (рис.8). Наиболее типичным было использование горшков. Миски и вазы зафиксированы в 13 погребениях, еще реже в качестве урн применялись другие формы сосудов. Известно три случая использования амфор под урны (Новоселовка, Савинский, Белоцерковцы) и два - кубков (Компанийцы). Кроме целых форм сосудов применялись и днища. В тех случаях, когда в погребении имеется несколько сосудов (миска, кубок, горшок), то урной служит горшок, а миска или кубок - покрытием. То же явление наблюдается в вариациях "тройная урна". Например, в п.5 Лохвица в большом сосуде помещались миска-ваза, а в ней горшок-урна. В п.117 Компанийцы кости были первоначально сложены в лепной горшок, над костями вверх дном поставили кубок, потом перекрыли все миской и, опрокинув, поставили в яму на приготовленную выкладку из керамики. По-видимому, выбор сосуда под урну регламентировался похоронным ритуалом. Многие сосуды-урны во время кремации умершего были на погребальном костре, о чем свидетельствует изменение цвета сосудов, наряду с урнами вторичному обжигу подвергались и сопровождающие сосуды (Родной Край, п.1, 2, 12).

Консистенция останков кремации различна: погребений с косточками, характеризующимися высокой степенью обжига и незначительными размерами 0,2-3 см - 89,7%, в четырех погребениях - 2,6% встречены единичные крупные обломки костей, в двенадцати погребениях - 7,7% зафиксировано большое количество крупных обломков костей, в том числе фрагменты черепа, костей ног, рук, позвонков.

Плохое сожжение костей характерно также и для урновых погребений, особенно с трехручными вазами (Компанийцы, п.17, 45, 86 и др.). В положении костей исследователи иногда отмечают соблюдение анатомического порядка их расположения в урне (Родной Край, Компанийцы, Соснова). Антропологический анализ костных останков из могильника Вовчик показал, что в погребении попадали все оставшиеся после сожжения части скелета, какой-либо выборочности, связанной с ритуальными действиями, не было (Алексеева, 1975, С.270).

Остатки погребального костра в целом не характерны для черняховских сожжений. Они отсутствуют в 78,8% всех погребений. В 14,9% они располагались в заполнении погребальной ямы, вследствие чего земля имела темную окраску, в 3,7% погребений - под кальцинированными костями на дне ямы, в 2,6% погребений - среди кальцинированных костей в урне. Остатки костра в черняховских погребениях более скудные, чем в киевских, здесь нет обилия угля, плаха, в 72,5% погребений с остатками костра встречено только сажистое заполнение без включений угля, в 27,5% - отдельные угольки и пепел.

Таким образом, помещение остатков кремации в могилу не характерно для черняховских сожжений, наоборот, по-видимому, регламентировалось очищение костей после кремации.

Погребальный инвентарь отмечен для 38% погребений. В 8,5% зафиксированы сосуды-приношения, в 29,5% - вещи, предметы быта, орудия труда. Предметы личных украшений представлены: браслетом - 3,3% (Компанийцы п.48), бусами - 90%, ведерковидными подвесками - 6,7% (Лохвица п.6; Соснова п.447). Детали костюма включают: фибулы - 68%, подвески - 4% (Соснова п.468), детали пояса - 24%, бляшки - 4%. Из орудий труда и предметов личного использования больше всего прясел - 27% и гребней 18,9%, далее идут ножи - 13,5%, шила - 5,4%, игла - 2,7%, стеклянные кубки - 13,5%, кремневые отщепы - 2,7%, кресало - 2,7%, оселок - 2,7%, скобы, гвозди, крючки - 5,4%, остатки ведра - 2,7% (Компанийцы, п.86). Из предметов воицкого снаряжения можно назвать наконечники копья, дротика, стрел, а также нож, топор, умбон от щита, меч (Компанийцы, п.86). В расположении предметов в погребении возможны варианты компактного размещения их среди или вблизи костей и урн, также характерны случаи беспорядочного их расположения по отношению к останкам сожжения. Сопровождающие сосуды - трехручные вазы, кубки, миски часто находятся не рядом с урной, а внутри нее или под ней. Инвентарь, в том числе сосуды-приношения, обожжен в 67%

погребений, поврежден в 26%, или поврежден и обожжен одновременно - 7%.

Другие ритуальные действия прослеживаются по наличию в погребениях: фрагментов несобирающихся сосудов 50,8%, фрагментов собирающихся сосудов - 10,2%, обожженных костей животных - 3%, птиц - 0,5%, охры - 0,5%, обожженных камней - 3%. В 25 погребениях зафиксированы вторично обожженные фрагменты сосудов (Кантемировка, Переяслав-Хмельницкий, Соснова, Компанийцы).

Типологический спектр черняховских сожжений включает в себя 10 типов:

Тип 1 Останки погребенного размещены на дне ямы, остатки костра отсутствуют (2.1.1.4/3.1.1)- всего 64 комплекса - 34%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Компанийцы, п.7, 8, 15а, 19, 25а, 27, 29, 32, 32а, 37, 38, 6, 176, 44, 46, 49, 54, 63, 66, 67, 77, 81, 82а, 82б, 91, 102, 105, 107, 110, 111, 112, Соснова п.3, 291, 345, 350, 427, 525, 550, 603, 648, 663, 664; Кантемировка п.5, Вовчик п. 2, 3, 6).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Компанийцы, п.17а, 41а, 73, 77, 99; Жовнинская Пристань п.20, Соснова п.446, 524, 583, 601а; Новоселовка: 2, 3, 4, 5, 6, Лохвица п.15).

Тип 2 Останки погребенного размещены на дне ямы, остатки костра в яме (2.1.1.4/3.1.2, 3, 6) - всего 32 комплекса - 17%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Компанийцы п.6а, 18, 20, 21, 34, 35, 40, 48, 48а, 56, 62, 64, 65, 74, 86а, 88, 90, 95, 97, 98, 101, 106, 108, 113, 116, 121).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Компанийцы п.36, 80, 89, 100, 119, Соснова п.468).

Тип 3 Останки погребенного с фрагментами сосудов - в заполнении ямы, остатки костра отсутствуют (2.1.3/3.1.1).

(Соснова, п.1) - всего 1 комплекс - 0,5%.

Тип 4 Останки погребенного с фрагментами сосудов - в заполнении ямы, остатки костра в яме (2.1.3/3.1.2, 3, 6).

(Компанийцы п.114) - всего 1 комплекс - 0,5%.

Тип 5 Останки погребенного размещены на дне ямы и накрыты перевернутым сосудом типа “клош”, остатки костра отсутствуют (2.1.5/3.1.1) - всего 6 комплексов - 3,2%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Компанийцы п.15, 22, 72, 79, Родной Край п.6).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Компанийцы п.50).

Тип 6 Останки погребенного с фрагментами сосуда - на дне ямы и накрыты перевернутым сосудом типа “клош”, остатки костра в яме (2.1.5/3.1.2, 3, 6).

(Компанийцы, п.109) - всего 1 комплекс - 0,5%.

Тип 7 Останки погребенного с фрагментами сосудов размещены в яме и отобраны в урну, остатки костра отсутствуют (2.1.6/3.1.1).

(Компанийцы п.86) - всего 1 комплекс - 0,5%.

Тип 8 Останки погребенного - в урне, остатки костра отсутствуют (2.1.7/3.1.1) - всего 55 комплексов - 29%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Компанийцы п.4, 9, 17, 23, 39, 45, 96, Соснова 597; Родной Край п. 1, Кантемировка п.6, Сумы, п.3).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Компанийцы п.42, 43, 52, 59, 117; Жовнинский Остров п.1-6, Жовнинская Пристань п.17, 19, Соснова п.2, 388, 447; Родной Край п.2, 7, 8, 10, 12, Новоселовка п.1, Успенка п.5, 30, Кантемировка п.7, 8, Лохвица п.1, 2, 5, 6, 10, 18, 19, Павлюковка п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9; Белоцерковцы п.1, Дубьяги п.1).

Тип 9 Останки погребенного - в урне, остатки костра - в урне (2.1.7/3.1.4) - всего 6 комплексов - 3,2%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Компанийцы п. 3, 11, 31, 41; Соснова п.624).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Компанийцы п.78)

Тип 10 Останки погребенного отобраны с кострища и размещены на площадке или на древней дневной поверхности с фрагментами сосудов, остатки костра отсутствуют (2.1.9/3.1.1).

(Компанийцы п. 68, 93, Переяслав-Хмельницкий п.1-17, 3, 4, 5) - всего 22 комплекса - 11,6%.

Черняховский спектр сожжений имеет 7 общих типов с киевским, 8 общих типов с колочинским и 1 общий тип с пеньковским (табл. II).

в. Погребения колочинской культуры (табл. III).

Погребения колочинской культуры совершены по обряду кремации на стороне (модель I) - 97% или по обряду кремации на стороне с разведением ритуального кострища на месте захоронения (модель II) - 3% (Лебяжье-1: 12, 14, 32, 89, 91).

Погребальным сооружением является грунтовая яма без наземной конструкции - 86,4% погребений или с деревянной наземной конструкцией - 5,9%, а также площадка в грунте - 7,7%. Среди грунтовых ям: 88,2% - округлой формы, 10,5% - овальной формы и 1,3% прямоугольной формы. Размеры ям: от 0,2-0,6 м в 82% погребений, 0,6-1м в 17,4%, 1-2м в 0,6%. Глубина погребений: 0,2-0,5 м в 71,8%, 0,5-1м в 28,2%. Все овальные ямы имеют ориентацию по линии восток-запад - 80% или северо-восток-юго-запад - 20%. Среди деталей внутреннего устройства можно отметить специальные углубления для кальцинированных костей (в двух погребениях) и приступки для погребального инвентаря - (в двух погребениях).

На Картамышевском могильнике исследованы остатки семи наземных деревянных погребальных сооружений, заключавших погреб-

бения и жертвенные ямы - ритуальные захоронения остатков сожжения коней. От сооружений сохранились прямоугольные площадки, размером от 2,1 x 1,5 м до 3,9 x 3,9 м, ограниченные со всех сторон узкими канавками, шириной 20-30 см, глубиной 10-16 см. Площадки ориентированы по линии запад-восток, юго-запад - северо-восток. Анализ погребального обряда и планиграфии могильника позволяет предположить наличие большего количества погребальных сооружений, чем было зафиксировано во время раскопок памятника. По видимому, можно говорить о существовании еще двух наземных сооружений: №8, где выявлено одно погребение (11) и жертвенная яма (10) и №9 - с двумя погребениями (7, 9) и жертвенной ямой между ними. Погребальные сооружения следует, на наш взгляд, реконструировать как деревянные постройки столбовой конструкции. Судя по расположению столбовых ямок и размерам сооружений, погребальные конструкции были близки колочинским жилым постройкам. В шестом погребальном сооружении столбовая ямка зафиксирована в центре, что является характерной чертой полуземлянок колочинской культуры.

Назначение сооружений не исчерпывалось только функцией хранения праха умершего, скорее всего, - это были места постоянного семейно-родового культа предков, который, как известно, играл определяющую роль в языческом мировоззрении. Учитывая также, что под храмами у славян могут подразумеваться и ограды без крыш, и навесы без стен, как, например, храм прямоугольной формы (4,2 x 3,7 м) с навесом, опиравшимся на столбы, не имевший стен, в Звенигороде (Русанова, 1992, С.60), рассматриваемые сооружения можно назвать семейными храмиками.

Останки погребенного помещали на дно погребальной ямы - 53%, прикрывали обломками сосудов - 0,6%, или перевернутым сосудом типа "клош" - 1,2%, распределяли по заполнению ямы - 5,3%, помещали в яму и в урну - 2,9% или только в урну - керамический сосуд - 37%. Урна в 74% погребений ставилась на дно ямы, в 17,4% - на площадку (уровень древнего горизонта), в двух погребениях - 2,9% урна была перевернута вверх дном, в двух погребениях располагалась в сосуде - 1,4% и в трех погребениях - 4,3% - в урне ("двойная урна"). Как правило, урна оставалась открытой - 77%. В семи погребениях - 10,7% урна была накрыта обломком сосуда, в семи погребениях - 10,7% - перевернутым сосудом, в одном погребении - 1,6% - дисковидной глиняной крышкой. Неисключено, что и открытые урны накрывались крышками (из бересты или дерева), которые не сохранились. Многие сосуды - урны были положены в погребения бракованными, иногда в днище сосуда пробивалось от-

верстие, по-видимому, с ритуальными целями (Лебяжье-1, п.70, Картамышево-2, п.21). При исследовании консистенции останков кремации зафиксированы кости самой различной степени обжига - от слабого наджигания - 19,6% погребений, до полной кремации костей, от которой остаются мелкие косточки - 80,4%.

Остатки погребального костра отсутствуют в 63,5% всех погребений, в 11,8% погребений они встречены в заполнении погребальной ямы, в 14,1% - под кальцинированными костями на дне ямы, в 8,2% - в виде обсыпки урны и в 1,8% - среди кальцинированных костей в урне, в 0,6% - залежали слоем в яме, над останками кремации. Остатки погребального костра варьируют от темного сажистого заполнения без включений угля 5,9% и от отдельных угольков - 60,8% до большого количества пепла и угля - 33,3%.

Инвентарь характерен для 41,7% погребений колочинской культуры. В 5,8% встречены сосуды-приношения, в 35,9% вещи, предметы быта, орудия труда. Из предметов личных украшений больше всего браслетов - 65,4%, бусин - 23%, также имеются височные кольца - 7,8% и кольца - 3,8%. Детали костюма представлены: поясными пряжками, накладками - 86,6%, фибулой (одно погребение) - 6,7% и трапециевидной подвеской (одно погребение) - 6,7% (рис.5). Предметы личного использования и орудия труда включают: пряслища - 64%, ножи - 20%, один оселок - 4%, один ключ - 4%, кремневые отщепы - 8%. Предметы воинского снаряжения найдены в четырех погребениях: в двух - наконечники копий (рис.5) и в двух - кольчужные кольца. Вещи, найденные в погребениях повреждены - 16,7%, со следами пребывания в огне - 54,1%, а также поломаны, согнуты, обожжены - 29,2%.

Другие ритуальные действия прослеживаются по наличию в погребениях фрагментов несобирающихся сосудов - 35,8%, по наличию собирающихся сосудов - 5%, костей животных - 6,7%. Обожженность фрагментов сосудов и костей животных не зафиксирована.

Типологический спектр погребений колочинской культуры состоит из 10 типов.

Тип 1 Останки погребенного размещены на дне ямы, остатки костра отсутствуют (2.1.2,4/3.1.1) - всего 56 комплексов - 33%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Лебяжье-1 п.8, 9, 13, 14, 21, 22, 23, 24, 30, 31, 33, 34, 40, 41, 45, 50, 51, 57, 58, 63, 65, 66, 67, 69, 71, 75, 80, 88, 90, 91, 103, 88а, Картамышево-2, п. 5).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Лебяжье-1 п.19, 49, 56, 76, 79, 89, 97, Княжий п.14, Авдеево п. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, Картамышево-2, п.27, 44, 46, 47).

Тип 2 Останки погребенного размещены на дне ямы, остатки костра в яме (2.1.2,4/3.1.2, 3, 6) - всего 35 комплексов - 20,6%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Лебяжье-1, п. 10а, 11, 11а, 25, 27, 28, 39, 42, 44, 74, 7, 17, 17а, 35, 36, 53, 78, 81, 82, Княжий п. 1, Картамышево-2 п. 11, 14, 28, 36, 48, Клюква п.1).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Лебяжье-1, п.12, 29, 54, Княжий п.12, Картамышево-2 п.3, 9, 24, 31).

Тип 3 Останки погребенного размещены в заполнении ямы, без остатков костра (2.1.3/3.1.1) - всего 4 комплекса - 2,3%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Картамышево-2, п.4).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Картамышево-2, п.12, 19, 33).

Тип 4 Останки погребенного размещены в заполнении ямы, остатки костра в яме (2.1.3/3.1.2, 3, 6) - всего 5 комплексов - 3%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Картамышево-2, п.1, 7, 16)

Вариант Б без фрагментов сосудов (Лебяжье-1, п.18а, Картамышево-2, п. 20).

Тип 5 Останки погребенного - на дне ямы и накрыты перевернутым сосудом типа "клош", остатки костра отсутствуют, без фрагментов сосудов (2.1.5/3.1.1).

(Лебяжье-1, п.52, Картамышево-2, п.51) - всего 2 комплекса - 1,2%.

Тип 6 Останки погребенного размещены в яме и отобраны в урну, остатки костра отсутствуют, без фрагментов сосудов (2.1.6/3.1.1).

(Картамышево-2, п.43) - всего 1 комплекс - 0,6%.

Тип 7 Останки погребенного размещены в яме и отобраны в урну, остатки костра - в яме (2.1.6/3.1.2, 3, 6) - всего 5 комплексов - 3%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Лебяжье-1, п.70)

Вариант Б без фрагментов сосудов (Лебяжье-1, п.1, 2; Княжий, п.21, Картамышево-2, п.37).

Тип 8 Останки погребенного отобраны в урну, остатки костра отсутствуют (2.1.7/3.1.1) - всего 46 комплексов - 27%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Лебяжье-1, п.59, Авдеево, п.4, Картамышево-2, п.6, 30).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Лебяжье-1, п.18, 20, 26, 43, 46, 47, 48, 55, 60, 62, 68, 83, 84, 85, 86, 87, 96, Картамышево-2, п. 2, 13, 15, 17, 21, 22, 25, 38, 39, 40, 42, Артюховка, п.1, Княжий п. 5, 6, 7, 8, 9, 11, 17, 18, 19, 20, 23, 24, 25).

Тип 9 Останки погребенного - в урне, остатки костра - в урне (2.1.7/3.1.4).

(Картамышево-2, п.26, 32, 50, Княжий, п.22) - всего 4 комплекса - 2,3%.

Тип 10 Останки погребенного - в урне, остатки погребального костра - в виде обсыпки урны (2.1.7/3.1.5) - всего 12 комплексов - 7%.

Вариант А с фрагментами сосудов (Лебяжье-1, п.12, 73, 77).

Вариант Б без фрагментов сосудов (Лебяжье-1, п.3, 16, 32, 38, 72, Картамышево-2, п.35, 41, Княжий, п.2, 3, 4).

Колочинский спектр имеет 8 общих типов с киевским, 8 общих типов - с черняховским, 7 типов с волынцевским, 1 тип с пеньковским спектрами (табл.II).

г. Погребения пеньковской культуры (табл.III)

Погребения пеньковской культуры совершены по обряду кремации на стороне (модель I).

Погребальным сооружением является грунтовая яма без наземных конструкций, округлой формы, глубиной 0,4-0,5 м от современной поверхности.

Останки погребенного помещались в урну - керамический сосуд в 25% погребений, в урны из органического материала (дерева, бересты, кожи), которые ставились на дно погребальной ямы - в 75% погребений. В п.3 Великая Андрусовка-3 урна была перевернута вверх дном, а в п.2 накрыта перевернутым сосудом. Консистенция останков кремации различна: в трех погребениях в урнах находились мелкие кальцинированные косточки, в п.2 Великая Андрусовка-3 найдены обломки черепа и фаланги пальцев.

Останки погребального костра, представленные угольками и сажистым заполнением, они найдены среди кальцинированных костей в урнах во всех погребениях.

Инвентарь не характерен для погребений пеньковской культуры. В двух погребениях могильника Великая Андрусовка-3 встречены сосуд-приношение (п.3) и бронзовая пряжка (п.4) (рис.16).

Другие ритуальные действия прослежены по наличию фрагментов сосудов - (Великая Андрусовка-3, п.1).

Типологический спектр погребений пеньковской культуры состоит из 2 типов:

Тип 1 Останки погребенного - в урне, остатки костра - в урне (2.1.7/3.1.4).

(Вел.Андрусовка-3, п.3) - всего 1 комплекс - 25%.

Тип 2 Останки погребенного - в урне, которая не сохранилась, с остатками костра (2.1.8/3.1.4).

(Вел.Андрусовка-3, п. 1, 2, 4) - всего 3 комплекса - 75%.

Пеньковский спектр сожженных имеет 1 общий тип с колочинским, 1 общий тип с киевским и 1 тип с черняховским спектром.

д. Погребения сахновско-волынцевского типа (табл.III).

Погребения сахновско-волынцевского типа совершены по обряду кремации на стороне (модель I).

Погребальным сооружением являлась грунтовая яма - 79,4%, площадка в грунте - 17,6% и площадка с деревянной конструкцией - 3%. Форма грунтовых ям: округлая - 78%, овальная 22%.

Размеры ям: 0,2 - 0,6 м в 75%; 0,6-1 м - 21%, и 1-2 м в 3,6%. Глубина погребений: 0,2-0,5 м - 85% и 0,5-1 м - 15%. Овальные ямы ориентированы по линии север-юг (3 погребения) и по линии восток-запад (1 погребение). Площадки с деревянными погребальными сооружениями, размером 1 x 1,2 м или 1,2 x 1,8 м, ориентированные по линии СВ-ЮЗ, исследованы в Соснице (2) и Лебяжьем-3 (1). В Соснице остатки сооружений - деревянные плахи были укреплены четырьмя столбиками, вбитыми в землю по углам площадки (Березовец, 1953, С.36). В могильнике Б.Будки Н.Е.Макаренко обнаружил столбовые ямки от оградки захоронений (Макаренко, 1908, С.51-52).

Останки погребенного располагались на дне ямы в 17,6% погребений, в заполнении ямы - 5,9%, на дне ямы и покрывались обломками сосудов - 5,9%, в яме и в урне - 3%, в урне - 67,6%. Урна стояла в яме - 69,6% на древнем горизонте - 26% или в сосуде - 4,4%. Урны оставались открытыми в 82% погребений. В п.5 Дмитриевского могильника урна была накрыта перевернутым сосудом, в п.2 - прикрыта круглой крышкой, а в п.4 и в п.6 крышками для урн служили обломки сосудов. В могильниках: Волынцево, Большие Будки и Хухры останки кремации находились только в урнах, стоящих на днищах. В Соснице в двух погребениях останки умершего зафиксированы в деревянных погребальных сооружениях, а в остальных захоронениях они были помещены в урны, которые, судя по их расположению не в ямах, а на площадках, также ставились в какие-то несохранившиеся конструкции.

Остатки погребального костра имеют место в 58,8% погребений. В 11,8% они располагаются в заполнении ямы, в 5,8% - под кальцинированными костями на дне ямы, в 3% слоем в яме над костями, в 29,4% - среди кальцинированных костей в урне, в 8,8% - в виде обсыпки урны. Уголь, сажа в большом количестве встречены в 19% погребений, в 81% - сажистое заполнение или отдельные угольки. В погребениях Волынцевского могильника кости были очищены от остатков погребального костра. В Сосницком могильнике в пределах погребальных сооружений найдены уголь и пепел.

Инвентарь присутствует в 35,2% погребений. Он представлен сосудами-приношениями - 13,5% и вещами - 21,7%. В погребениях найдены бусины и перстни (Лебяжье-3, п.1), височные кольца (Лебяжье-1, п.64), пряжка (Лебяжье-3, п.1), ножи (Лебяжье-3, п.2, Лебяжье-

1, п.37), детали кольчуги (Лебяжье-3, п.3, 6), пряслице и астрагал (Дмитриевка, п.1). Вещи повреждены и обожжены. Инвентарь погребений Волянцевского могильника включает: стеклянные и пастовые бусины, бронзовые браслеты, детали поясов, обрывки кольчуги, детали воинского снаряжения, не всегда имевшие следы воздействия огня. Особенностью этого могильника являлось большое количество сосудов (от 2 до 8 штук) - урн и сосудов-приношений, расположенных в погребениях по линии восток-запад (Сухобоков, 1975, С.53-54).

Другие ритуальные действия прослежены по наличию в погребениях фрагментов сосудов - 22,2%, костей животных - 11% и комочков обожженной глины - 2,8%.

На Дмитриевском могильнике на участке с трупосожжениями были зафиксированы остатки наземного деревянного сооружения - подковообразная канавка, размером 2 x 1,5 м, со столбовыми ямками, аналогичная, по всей видимости, остаткам погребальных сооружений колочинских могильников. Можно предположить, что наземное деревянное сооружение Дмитриевского могильника являлось культовой постройкой славянского населения, оставившего часть захоронений с кремациями.

Типологический спектр волянцевских сожжений включает 7 типов:

Тип 1 Останки погребенного отобраны с кострища и размещены на дне ямы с фрагментами сосудов, остатки костра отсутствуют (2.1.2,4/3.1.1).

(Лебяжье-1 п.92, Лебяжье-3, п.2, 3 - раскопки Ю.А.Липкинга, п.6, 7- раскопки Н.А.Тихомирова) - всего 5 комплексов - 14,7%.

Тип 2 Останки погребенного - на дне ямы с фрагментами сосудов, остатки костра в яме (2.1.2,4/3.1.2, 36).

(Лебяжье-1, п.64, Лебяжье-3, п.4, 8-раскопки Ю.А.Липкинга) - всего 3 комплекса - 8,8%.

Тип 3 Останки погребенного - в заполнении ямы без фрагментов сосудов, остатки котра - в яме (2.1.3/3.1.2, 36).

(Лебяжье-3, п.5, раскопки Ю.А.Липкинга, п.5, раскопки Н.А.Тихомирова) - всего 2 комплекса - 5,9%.

Тип 4 Останки погребенного размещены в яме и отобраны в урну, остатки костра в яме, без фрагментов сосудов (2.1.6/3.1.2, 36).

(Лебяжье-3, п.1-раскопки Ю.А.Липкинга) - всего 1 комплекс - 3%.

Тип 5 Останки погребенного отобраны в урну, остатки костра отсутствуют (2.1.7/3.1.1).

(Лебяжье-1, п.15, 102, 104, Лебяжье-3, п. 6, 9, 10-раскопки Ю.А.Липкинга, п.2, 4-раскопки Н.А.Тихомирова, Лысая Гора п.1) - всего 9 комплексов - 26,5%.

Тип 6 Останки погребенного - в урне, остатки костра в урне (2.1.7/3.1.4).

(Лебяжье-3, п.1- раскопки Н.А.Тихомирова, Дмитриевка, п.1-9) - всего 10 комплексов - 29,4%.

Тип 7 Останки погребенного - в урне, остатки костра - в виде обсыпки урны (2.1.7/3.1.5).

(Княжий, п.16, Лебяжье-1, п.37, Лебяжье-3, п.7-раскопки Ю.А.Липкинга, п.3-раскопки Н.А.Тихомирова) - всего 4 комплекса - 11,7%.

Он имеет 7 общих типов с колочинским и 1 общий тип с пеньковским спектрами сожжений (табл.II).

Классификация признаков морфологической структуры погребений с трупосожжениями второй-третьей четверти I тыс.н.э. рассматриваемого региона позволяет сделать ряд выводов:

- Для каждой археологической культуры характерен свой типологический спектр сожжений, который включает несколько ведущих типов сожжений, доля которых в несколько раз превышает остальные (табл.II).

-Культуры, представленные достаточными выборками, имеют сквозные типы, связывающие их типологические спектры с культурами предыдущего, синхронного, последующего времени.

-Развитие типологических спектров от ранних к поздним культурам выражается в появлении типов с измененными: погребальными устройствами (площадка вместо грунтовой ямы), способами размещения останков погребенного (увеличение числа урновых захоронений, помещение костей не в заполнение ямы, а на дно), проявлениями ритуальных действий (уменьшение числа погребений с фрагментами керамики). Последовательность и преемственность типологических спектров сожжений рассматриваемых культур отражает граф взаимосвязи типологических спектров (рис.21).

Целью сравнительного анализа выборок погребений является установление степени сходства между ними.

Абсолютная степень сходства по данным показателей 18 совокупностей (не учитывались 4.2, 4.3, 4.4, 4.5, 4.6, 6.1) черняховской и киевской выборок составляет 72%, черняховской и колочинской - 79%, черняховской и сахновско-волынцевской - 77%, киевской и колочинской - 69%, киевской и сахновско-волынцевской - 68%, колочинской и сахновско-волынцевской - 82% (формула 1). Для наглядности характера распределения признаков в каждой выборке они

представлены графически (рис.17 графическое представление суммарной характеристики, совокупности 2.1, 3.1, 4.1, 5.1).

Построение графов взаимосвязей признаков археологической структуры погребений киевской, черняховской, колочинской культур (рис.18, 19, 20) выявляет “типовую” модель каждой из культур.

Для киевской культуры характерно разделение погребений на ямные (2), с инвентарем (17) и остатками костра в погребальной яме (11) и урновые захоронения (7), без остатков костра (10) или с остатками костра в виде обсыпки урны (13), без инвентаря и ритуальных действий (16, 18). Кроме того примечательны захоронения останков погребенного в урне из органики (8), с остатками погребального костра (12), без ритуальных действий (18) и захоронения, где останки погребенного размещены на дне ямы и накрыты перевернутым сосудом типа “клош” (5), без остатков костра (10) (рис.18).

Для черняховской культуры характерны ямные захоронения (2) с остатками костра в погребальной яме (11), с фрагментами сосудов (19), без инвентаря (16) и урновые захоронения (7), без остатков костра (10) или с остатками костра в урне (12), с инвентарем (17), без ритуальных действий (18). Останки погребенного без остатков костра (10) могут быть размещены на дне ямы и накрыты перевернутым сосудом типа клош (5), или размещаются на площадке (9), без инвентаря (16), с фрагментами сосудов (19) (рис.19).

Для колочинской культуры характерно разделение погребений на ямные (2), урновые (7) и смешанные (6) захоронения. Для ямных погребений отмечено наличие остатков погребального костра (11), инвентаря (17) и фрагментов сосудов (19). Урновые захоронения имеют остатки погребального костра в виде обсыпки урны (13), а инвентарь и ритуальные действия отсутствуют (16, 18). Смешанные захоронения, где останки погребенного размещены в яме и отобраны в урну (6), характеризуются расположением остатков погребального костра в урне и в виде обсыпки урны (12, 13) (рис.20).

В хронологической динамике элементов археологической структуры погребения наблюдаются следующие закономерности: в развитии погребального сооружения зафиксировано, что грунтовая яма является основным сооружением на протяжении второй-третьей четверти I тыс.н.э., с третьей четверти увеличивается количество погребальных площадок, которые в комплексе с курганными насыпями доминируют в конце I тыс.н.э., при этом обычай выкапывания ямок для останков погребенного в последней четверти I тыс.н.э. практически исчезает из похоронного ритуала. Из наблюдений за изменением формы погребальной ямы следует выделить такие моменты: округлая форма ямы остается неизменной на протяжении второй-третьей чет-

верти I тыс.н.э., доля ям другой формы (овальной, прямоугольной) незначительна. Наиболее обширные ямы (1-2 м) и глубокие (0,6-1м) характерны для погребений киевской культуры. Раннесредневековые погребения преимущественно неглубокие - до 0,6 м и совершены в ямах средних размеров - до 1 м.

Эволюция наземных погребальных деревянных конструкций (столбов, оградок, домовин), отчетливо фиксируемых на киевских и колочинских могильниках, связана в последующее время в основном с курганными древностями конца I тыс.н.э, где деревянные камеры и оградки являлись составной частью погребального устройства.

В расположении **останков погребенного** можно выделить две наиболее стабильные формы - в урне и на дне ямы, наибольшее разнообразие в обращении с остатками кремации наблюдается для археологических культур второй четверти I тыс.н.э., в которых практиковались две-три модели кремации. В погребальных памятниках третьей четверти I тыс.н.э. отсутствуют трупосожжения на месте (модель 3), незначительно число погребений с ритуальными кострищами (модель 2), реже используются урны - емкости из органического материала. На протяжении второй-третьей четверти I тыс.н.э. преобладает традиция захоронения небольшого количества хорошо пережженных мелких костей. Число погребений с плохо пережженными костями несколько увеличивается в культурах третьей четверти I тыс.н.э. по сравнению с культурами второй четверти I тыс.н.э.

Факт отсутствия или наличия в погребении **остатков погребального костра** пока не поддается историко-социологической интерпретации. В погребениях археологических культур второй четверти I тыс.н.э. этот элемент имеет принципиальное значение, практически все погребения киевской культуры - с остатками погребального костра, а черняховские - без угля и золы. В колочинских могильниках разделение погребений на урновые с очищенными костями и ямные с неочищенными, по-видимому, имеет социальную нагрузку. Для инвентарных парных погребений было отмечено, что урновое чистое захоронение - женское, ямное с обильными останками кремации и погребального костра - мужское.

Ритуальные действия, прослеживаемые археологически по фрагментам сосудов, костям животных, наиболее характерны для погребений киевской культуры. На протяжении второй-третьей четверти I тыс.н.э. число погребений с "ритуальными действиями" постепенно уменьшается, вместо фрагментов сосудов в погребения волынцевской культуры помещали целые сосуды-приношения.

В характере трансформаций морфологической структуры погребения можно выделить следующие особенности:

1. Многие признаки киевских погребений, а именно: обожженность погребальных ям, обилие остатков погребального костра, в том числе обугленных плах, вымостки из пережженных камней и фрагментов керамики в верхней части ямы, почти обязательное наличие обожженных фрагментов керамики и костей животных, не фиксируются в раннесредневековых погребениях.

2. Из признаков черняховских трупосожжений в погребениях третьей четверти I тыс. н.э. нашли продолжение: очищение костей от остатков погребального костра, парность захоронений, наличие сосудов-приношений; такие признаки, как обкладка стенок ямы фрагментами керамики, анатомический порядок размещения костей в урне, наличие гранитных камней и некоторых категорий инвентаря, не имеют продолжения в погребениях колочинской культуры.

3. Основные изменения археологической структуры погребений волинцевской культуры связаны с увеличением: доли погребальных площадок среди других погребальных устройств, числа урн и сосудов-приношений.

Таким образом, сравнительный анализ погребений с трупосожжениями второй-третьей четверти I тыс. н.э. рассматриваемого региона позволяет сделать следующие выводы:

- Археологическая структура погребений колочинской и пеньковской культур воспроизводит структуру киевских и черняховских погребений одновременно. Можно предположить, что погребальный обряд населения колочинской и пеньковской культур сложился преимущественно на основе синтеза двух традиций: киевской и черняховской.

- Сравнение археологической структуры трупосожжений колочинской и волинцевской культур допускает возможность преемственности обряда кремации, а также свидетельствует о трансформационном характере некоторых изменений в погребальном обряде населения волинцевской культуры, что проявилось также и в наличии погребений с ингумациями (Волинцевское и Битицкое поселения).

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО
ДНЕПРО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ВО 2-3 ЧЕТВЕРТИ
I ТЫС.Н.Э. (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ С КРЕМАЦИЯМИ)**

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ДНЕПРО-ДОНСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ 2-3 ЧЕТВЕРТИ I ТЫС.Н.Э.**

Хронология рассматриваемых нами погребальных памятников киевской культуры устанавливается на основе вещевых находок. Кроме керамики из погребений происходят пряслица (Шмырево, п.2; Шишино-5, п.3; Н.Безрадици), железные ножи (Приоскольское-2, п.9; Н.Безрадици, Бортнички), железное шило (Н.Безрадици), кремневые отщепы (Шишино-5, п.5), бронзовая булавка (Шишино-5, п.1), бронзовые трапециевидные подвески (Бортнички), железные фибулы (Казаровичи, п.14, Бортнички, Н.Безрадици), бронзовые подвески с выемчатыми эмальями (Шмырево, Н.Безрадици, Бортнички), сердоликовая и стеклянные бусины (Шишино-5, п.1). Набор датирующих вещей невелик. Дата могильника Шишино-5 определяется по бусинам из погребения 1. Сердоликовая бусина 2 типа варианта а по Е.М. Алексеевой относится к III в.н.э., цилиндрическая белая бусина 55 типа - к I - III вв.н.э., синяя бусина 33 типа вариант а - к I - II вв.н.э. (Алексеева, 1982, ч.3, С.15, ч.2, С.67, ч.1, С.56), таким образом, время функционирования могильника Шишино-5 определяется II - III вв.н.э. Хронологические рамки могильников: Шмырево, Н.Безрадици, Бортнички устанавливаются по времени употребления вещей стиля выемчатых эмалей, т.е. сер. II - сер. III вв.н.э. (Обломский, 1991, С.25). Могильник Казаровичи датируется по фибуле из п.14 концом II - III в.н.э. (Амброз, 1966, С.62, табл. 11,6). Памятники Кулига, Гочево-I, Приоскольское-2 А.М.Обломский синхронизирует с ранней фазой киевской культуры - конец II - середина III в.н.э. (Обломский, 1991, С.6). Могильник Чертовичское-3, судя по керамике из погребений, имеющий аналогии в постройке 5 поселения Головино-1, (Обломский, 1991, С.116-117, рис.38) может быть предварительно датирован серединой III в.н.э. Этому не противоречат и материалы прилегающего к могильнику поселения (Медведев, 1993, С.46-47).

Таким образом, все известные пока на рассматриваемой территории могильники киевской культуры относятся к узкому хронологи-

ческому периоду (ранней фазе киевской культуры) - концу II - середине III в.н.э. (Обломский, 1991, С.18).

Инвентарь из комплексов с кремациями черняховской культуры разнообразен, но в большинстве случаев - поломан, испорчен огнем и не пригоден для точного датирования. Имеющиеся хронологические разработки черняховских могильников осуществлены по материалам погребений с ингумациями. Е.Л.Гороховский относит ранние комплексы могильника Соснова к последней трети III в. - первой трети IV в. (фаза 2). Ко второй трети IV в. - третьей четверти IV (фаза 3) принадлежат погребения Компанийцевского и Успенского могильников. Ко второй половине IV (фаза 4) относятся комплексы могильников: Жовнин, Сумы-I, Успенка, Компанийцы, Переяслав-Хмельницкий. Последней четвертью IV в. - первой третью V в. (фаза 5) датируются Кантемировка, Лохвица, Успенка, Павлюковка и ряд комплексов Компанийцев (Гороховский, 1988, С.34-46). В шести погребениях Компанийцевского могильника (8, 36, 37, 40, 22, 52), в трех погребениях Соснова (291, 345, 603) и в п.5 Переяслав-Хмельницкий найдены обломки бронзовых и железных прогнутых подвязных фибул двучленной конструкции, датирующихся III - первой половиной V в.н.э. (Славяне и их соседи, 1993, С.143). Из п.8 Компанийцы происходит двупластинчатая фибула, датирующаяся IV - началом V в. (Славяне и их соседи, 1993, С.143). Все хронологические индикаторы могильника Родной Край происходят из труположений, на основе фибул, пряжки и гребней (п.3, 9, 14) могильник датируется концом IV - началом V в. (Петренко, 1991, С.22). В п.7 Павлюковка найдена прогнутая подвязная фибула одночленной конструкции, датирующаяся концом III - V в.н.э. (Шрамко, 1979, С.9-12). Бусины зафиксированы в 27 погребениях: сердоликовые (Компанийцы, п.8, 72, 81а, Соснова, п.345, 550, 583, Павлюковка, п.1, 2, 5, 6, Сумы, п.3), стеклянные (Компанийцы п.36, Переяслав-Хмельницкий п.4, Соснова п.447, 583, Павлюковка п.4), из горного хрусталя (Соснова, 427).

Таким образом, могильники черняховской культуры, содержащие погребения с трупосожжениями, относятся к периоду от последней трети III в.н.э. до конца IV в.н.э. Большинство исследованных небольших биритуальных могильников рассматриваемого региона отражает период расцвета культуры и относится преимущественно ко второй половине IV в. Обширные некрополи, такие как Соснова, Компанийцы, по-видимому, функционировали на протяжении всего периода существования черняховской культуры в лесостепном Днепр-Донском междуречье (последняя треть III в.н.э. - конец IV в.н.э.).

Для определения хронологии колочинских погребальных памятников первостепенное значение имеют изделия из металла: фибулы, детали ременных наборов, предметы вооружения. В двух погребениях Лебяжинского-1 (п.103) и Княжинского (п.1) могильников найдены наконечники копий (рис.5:10, 11). Копья-сулицы, относящиеся к типу III A по классификации А.Н.Кирпичникова известны на раннесредневековых памятниках VII - IX вв. (Кирпичников, 1966, С.6, рис.1, С.13; Сымонович, 1959, С.73, рис.29:1). Фрагмент двучленных удил из п.3 Лебяжье-I датируется А.К.Амброзом второй половиной VII в.н.э. (Амброз, 1980, С.38). В погребениях 11, 39, 75, 88 Лебяжье-I и в п.12 Княжий найдены железные пряжки с овальными, прогнутыми в передней части рамками (близкие к В-образными) (рис.5:6-8), которые датируются V - VII вв. В п.4 Авдеево найдена бронзовая овальная пряжка с прогнутой рамкой и железным язычком, выходящим за пределы рамки, которая Э.А.Сымоновичем датируется V - VII вв. (Сымонович, 1974, С.153-154, рис.2:3). Она близка пряжкам V группы типа Притцир-Полибино, датируемой серединой V - началом VI в. в Восточной Европе (Бажан, Каргапольцев, 1989, С.28-33, рис.3), представляя, по-видимому, их поздний вариант, всвязи с чем дату могильника Авдеево можно сузить до VI в. В п.3 Лебяжье-I найдена бронзовая пряжка с геральдическим прорезным щитком и Т-образная бляшка, в п.67 - бронзовое украшение пояса в виде фрагмента серповидной бляшки с двумя острыми углами и округлым вырезом (рис.5), в п.68 - две бронзовые поясные бляшки с прорезным орнаментом (рис.5), в п.4 Лебяжье-I и в п.8 Картамышево-2 найдены бронзовые наконечники ремней (рис.5:14). Все имеющиеся бляшки, накладки, наконечники ремня, геральдические пряжки по А.К.Амброзу датируются VII в. (Амброз, 1971, С.118-120). Из п.16 Картамышево-2 происходит серебряная фибула с прямоугольным верхним щитком, украшенным решетчатым орнаментом (рис.5:9), которая относится к группе украшений с орнаментом в виде решетки из рядов вертикальных пирамидок, происходящей из ареалов культур длинных курганов и типа Тушемля-Банцеровщина, и датируемой VI в. (Амброз, 1970, С.72, рис.1). Отдельными элементами декора и формы она близка некоторым типам германских фибул VI - VII вв. (Горюнов, 1979, С.36). Бронзовые трапециевидные подвески (Лебяжье-I, Картамышево-2, п.11) (рис.5), круглопроволочные кольца, браслетообразные височные кольца (Княжий, п.11, Картамышево-2, п.17) имеют аналогии в лесостепных "антских кладах" второй половины VII в. (Щеглова, 1990, С.180-181). Бусы из синего стекла (Лебяжье п.63, Картамышево-2, п.50) известны на территории Поднеп-

рevity с начала I тыс.н.э. (Алексеева, 1978, С.64-65). В нескольких погребениях Лебяжье-1 (п. 39, 42, 48, 56, 63, 65, 67, 69, 71, 77, 88, 90, 103) найдены фрагменты бронзовых браслетов в п.32, 44, 47, 58 - браслеты с расширенными, иногда орнаментированными двумя-тремя рядами кольцевых линий, концами (рис.5:12), такие украшения имеют широкую датировку от второй - до конца третьей четверти I тыс.н.э. (Горюнов, 1981, С.62). В п.76 Лебяжье-1 встречены фрагменты браслета, с концами в виде стилизованных змеинных головок (рис.5:13), подобные браслеты известны на селище Хитцы в позднем пеньковском горизонте (Горюнов, 1981, С.76, рис.28:8,9). В Княжинском могильнике представлены браслеты с массивными, имеющими нечеткие грани концами. Они идентичны встречающимся в Зимно, в Скибинцах, в прибалтийских древностях и датируются V - VII вв. (Горюнов, 1981, С.63).

Таким образом, хронологические рамки колочинских могильников Лебяжье-1 и Картамышево-2 могут быть определены VI в. - конец VII в.н.э., могильник Авдеево датируется VI в., а Княжий - VII в.н.э.

В пеньковском могильнике Великая Андрусовка-3 в погребении 4 найдена массивная бронзовая литая пряжка с овальной, несколько прогнутой спереди и украшенной рифлением рамкой с железным язычком (В-образная) (рис.16;1). В эпоху раннего средневековья подобные пряжки имели широкое распространение - от Центральной Европы и Прибалтики до Приуралья и Северного Кавказа. И.А.Бажан и С.Ю.Каргапольцев отнесли данную пряжку к группе V, типу Прицир-Полибино, датируемому 350-525 гг. в Центральной Европе и серединой V - началом VI в. в Восточной Европе (Бажан, Каргапольцев, 1989, С.28-33, рис.3). Другие исследователи датируют пряжки этого типа VI - VII вв. (Седов, 1974, С.34; Амброз, 1989, С.65-78). Наиболее вероятным временем совершения захоронений в Великой Андрусовке является VI в.н.э.

Определение хронологии погребальных памятников волынецкой культуры затруднено из-за отсутствия в составе их материалов строго датирующих вещей. Ранние сахновские комплексы представлены в могильниках Лебяжье-1 (п.37, 64, 92, 102, 104, 15) и Княжий (п.16). Керамика из этих погребений датируется второй половиной VII - первой половиной VIII в. (рис.32, Этнокультурная карта, 1985, С.120). Наиболее вероятная дата комплексов определяется временем заключительного этапа функционирования колочинских могильников, т.е. конец VII в.н.э. или рубеж VII - VIII в.н.э. В материалах могильника Лебяжье-3 имеются: салтовская лощеная кружка (п.6), стеклянные бусины, перстни, пряжки (п.1), нож (п.2), детали

кольчуги (п.4, 5). Керамический комплекс памятника включает лепные горшки, идентичные сосудам из сахновских комплексов колочинских могильников, и лепные лощеные волынцевские сосудики с высоким вертикальным горлом и зигзагообразным орнаментом (рис.14:7, 8). Дата могильника Лебяжье-3 может быть определена рубежом VII - VIII в. - VIII в.н.э. К этому же периоду относится грунтовое погребение I Лысогорского могильника с сахновским и боршевским горшками.

Погребения с кремациями Дмитриевского могильника, исходя из комбинации лепной пеньковской, колочинской, сахновской, а также лепной и гончарной салтово-маяцкой керамики, могут быть отнесены к первой половине VIII в.н.э. Функционирование классических могильников волынцевской культуры: Волынцево и Сосница, имеющих в составе керамического материала гончарные чернолощенные сосуды, датирующиеся не ранее середины VIII в. (Этнокультурная карта, 1985, С.120, рис.22), по-видимому, совпадает с началом распространения памятников салтово-маяцкой культуры в лесостепном Подонье в середине VIII в. Отнесение сахновских комплексов на Левобережье Днепра к рубежу VII - VIII в. - первой половине VIII в.н.э. и волынцевских памятников ко времени не ранее середины VIII в. обосновано О.А.Щегловой (Щеглова, 1987, С.13).

Таким образом, погребальные комплексы с кремациями второй-третьей четверти I тыс.н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья относятся к четырем культурно-хронологическим горизонтам:

- Первый представлен киевскими могильниками рубежа II - III в. - первой половины III в.н.э.;
- Второй - черняховскими памятниками второй половины III в.н.э. - конца IV в.;
- Третий - пеньковскими и колочинскими комплексами VI - конца VII в.н.э.;
- Четвертый - сахновско-волынцевскими комплексами рубежа VII - VIII вв. - первой половины VIII в.

Классические волынцевские древности (середина VIII в. - вторая половина VIII в.) выходят за хронологические рамки настоящего исследования и в дальнейшем не рассматриваются.

Решение задач социально-исторических исследований, в том числе определение закономерностей протекания этнических процессов, в археологии ставится в зависимость от уровня развития и социальной структуры общества (Формализованно-статистические методы, 1990, С.10). Поэтому вначале необходимо соотнести конкретное общество

с определенной ступенью социального развития, что позволит определить общее направление этнических процессов.

Для определения социально значимых признаков из выборок погребений рассматриваемых археологических культур мы отобрали по одному комплексу с кремациями, которые представляют собой наибольшие отклонения от стандарта, проявляющиеся во всех элементах структуры обряда кремации. В черняховской выборке таким погребением является п.86 Компанийцевского могильника. Из колочинской выборки мы отобрали 2 погребальный комплекс с погребениями 16, 17 и жертвенной ямой 18. В киевской выборке каких-либо захоронений, сильно выделяющихся среди остальной массы, нет.

Характер нашего исследования предполагает анализ элементов структуры, которые являются стабильными признаками в погребениях рассматриваемых археологических культур, т.е. избранные признаки должны быть хронологически и территориально "сквозными". С этой целью мы провели корреляцию признаков археологической структуры отобранных погребений. Общими признаками эталонных погребений колочинской и черняховской культур являются:

- 1.Останки умершего в большом количестве и плохо обожженные переносились в могилу (2.3.4). Таким образом, захоронению подлежала не "горсть праха", а весь прах, тем самым эта модель трупосожжения на стороне была максимально приближена к модели трупосожжения на месте.

- 2.В одном погребальном комплексе совершали захоронения двух людей (2.2.2), судя по инвентарю и характеру расположения останков умерших - мужчины и женщины.

- 3.Погребальный инвентарь представлен двумя категориями: сосудами-приношениями и вещами (4.1.1, 4.1.2).

- 4.Наличие фибулы (4.3.1).

- 5.Наличие изделий из серебра (4.6.2).

- 6.Наличие изделий из бронзы (4.6.3).

- 7.Жертвоприношения животных (5.1.3).

Следующим этапом анализа является определение взаимовстречаемости признаков и вычисление коэффициента взаимовстречаемости (по формуле 9). После исключения низких значений коэффициентов связей - до 0,15 и ранжирования высоких значений (0,15 - 0,30 - средняя связь, свыше 0,30 - сильная связь) были построены графы связей признаков (рис.22). Наиболее высокую степень взаимосвязи имеют 1 и 2 признака (взаимосвязь большого количества останков сожжений умерших и парность захоронений), 5 и 6 признаки (наличие в комплексе изделий из серебра и бронзы). Математическим вы-

ражением степени социальной стратифицированности общества являются показатели коэффициента взаимосвязи выделенных признаков. Погребения черняховской культуры характеризуются высоким коэффициентом - 0,44 ($K_{1-2}=0,48$, $K_{5-6}=0,4$, $K_{cp}=0,44$), свидетельствующим о значительной степени стратифицированности общества. Минимально богатые комплексы содержат 2-3 фрагментов сосудов, максимально богатые - украшения из серебра, бронзы, монеты, оружие, сосуды-приношения, жертвенных животных. Погребения колочинской культуры характеризуются менее высоким коэффициентом взаимосвязи - 0,20 ($K_{1-2}=0,16$, $K_{5-6}=0,25$, $K_{cp}=0,20$), свидетельствующим о меньшей степени социальной дифференциации по сравнению с черняховской культурой. Минимально богатые комплексы содержат несколько фрагментов сосудов, максимально богатые - сосуды-приношения, украшения из серебра и бронзы, останки жертвенных животных, а также имеют усложненные погребальные конструкции. Для погребений киевской культуры мы использовали те же определители. Коэффициент взаимосвязи признаков равен 0. Он отражает слабую степень дифференциации этого общества.

Население киевской культуры использовало модель сожжения умерших на стороне (1) и модель трупосожжения на стороне с разведением ритуального кострища на месте (2). Кремация происходила на погребальном костре на территории могильника. На костер помещали тело умершего и его личные вещи. Во время горения костра совершали ритуальные действия: приносили в жертву животных, разбивали сосуды, ломали некоторые предметы. После завершения кремации происходил отбор костей с костра в емкость - урну, в качестве которой выступали керамические, деревянные, кожаные, берестяные сосуды (туески), коробы и ткань. Все это переносили на место погребения, где могло разводиться ритуальное кострище, и подготавливали погребальное сооружение - яму, куда ставили урну или сбрасывали остатки сожжения, обычно вместе с углем и пеплом без определенного порядка. Похоронный ритуал отличается строгой регламентацией оформления места захоронений - отдельных погребений и некрополей в целом.

Могильники киевской культуры насчитывают 10-15 погребений и характеризуются единым типом планировки. Погребения располагаются двумя рядами, вытянутыми по линии СВ-ЮЗ, с юго-западной стороны обычно находилось место кремации (котлован заброшенной постройки, площадка). По остаткам столбовых конструкций, компактности погребений можно предположить, что наземное погребальное устройство сооружалось не для каждого отдельного погребения

ния, а для всех погребений вместе. Наземные сооружения, по-видимому, представляли собой ограду или ограду с навесом.

Некрополи киевской культуры, кроме прочих, выполняли функции святилищ (Обломский, 1991, С.61).

Модель кремации на стороне, специфика в оформлении некрополей, небольшое число захоронений, низкий коэффициент взаимовстречаемости социально значимых признаков (равен 0), отсутствие выходящих за рамки стандарта погребений, - все это свидетельствует о родовой структуре киевского общества.

Исследование поселений киевских племен (Шишино-5, Гочево-1) показало, что они представляли собой как объединения родственных семей, так и чисто территориальные объединения. Подобная ситуация является типичной для стадии первобытной соседской общины (Обломский, 1991, С.139).

Известные в рассматриваемом регионе могильники киевской культуры являются родовыми кладбищами - святилищами. Присутствие на их территории, вне зоны концентрации сожжений, погребений с трупоположениями иноплеменников, возможно, сармат (Приоскольское-2, Шишино-5) отражает процесс ослабления родовых норм и открытость общинной организации к иноэтничным включениям.

Погребальная система **черняховского населения** отлична от местного киевского. Черняховский погребальный обряд характеризуется биритуализмом. Обряд кремации представлен двумя моделями: трупосожжением на стороне (1) и трупосожжением на месте (3). Кремация по первой модели проводилась на погребальном костре, разведенном на специальном месте. На костер помещали тело умершего, ритуальные сосуды, урны и вещи. Во время горения костра совершали ритуальные действия: жертвоприношения животных, птиц. Затем происходил тщательный отбор костей в урну, короб, ткань. В одних случаях регламентировалось очищение костей от остатков погребального костра, в других - собирался пепел и уголь. Все это переносили на место захоронения, где подготавливали погребальное сооружение. Вторая модель отличается от первой тем, что кремация проводилась на месте захоронения. Место сожжения перекрывалось землей, возводилась наземная часть погребального сооружения из камней и земли (Родной Край).

Для обширных некрополей черняховской культуры с широко исследованной площадью установлена полицентрическая планиграфическая структура с отдельными гнездами погребений, организованных не только по хронологическому, но и социальному принципу (Кравченко, 1987, С.223-226). На территории могильников изначально

но формируются участки, закрепленные за отдельными семейно-родовыми группами, отражая тем самым поселенческую организацию общины. Этот тип общины создает условия для интенсивной социальной и имущественной стратификации коллектива и является открытой к включению разнотнических компонентов. Социальное положение каждого члена коллектива реализуется через комплекс вещественной атрибутики погребального ритуала. Коэффициент взаимосвязи социально значимых признаков для черняховских могильников достаточно высокий - 0,44, что свидетельствует о значительной степени стратифицированности общества.

Использование различных форм погребальной системы: трупосожжения на стороне, трупосожжения на месте, трупоположения характерно для переходных обществ раннеклассового типа (Моця, 1979, С.144-154). Население черняховской культуры находилось на пороге образования раннеклассового государства (Третьяков, 1970, С.43-44; Рикман, 1975, С.253-262).

Колочинское население использовало модель кремации на стороне (1) и модель кремации на стороне с разведением ритуального кострища на месте (2), близкие вышеописанным киевской и черняховской. Могильники насчитывают до 200 погребений и характеризуются полицентричностью (Лебяжье-1). Планиграфический анализ Лебяжинского-1 могильника показывает, что детские, женские и мужские погребения расположены не хаотично, а в определенной системе. Большинство детских погребений - 82% занимают юго-восточную часть могильника (рис.3). Для мужских и женских погребений отмечено попарное взаиморасположение (Липкинг, 1974, С.142). Этим же характеризуются и погребения с социальными признаками (п.67 и 69; 91 и 42), (рис.3). Особенно выделяется группа погребений в центральной части могильника, состоящая из 10 погребений, где женские погребения расположены в 0,5-1 м к западу от мужских (рис.3). В погребении 70 сохранились остатки углубленного погребального сооружения, в котором находилось мужское (восточное), женское (западное) захоронения и яма с костями животного (коня-?). Такая же система зафиксирована в Картамышевском могильнике, где в погребальных сооружениях женское захоронение занимало западную часть, мужское - восточную, а остатки коня находились по центру (рис.4). Помимо парных погребений, расположенных рядом, но в разных ямах, большой интерес представляют совместные парные захоронения в одной погребальной яме или в одном погребальном сооружении. К совместным парным погребениям относятся 8 комплексов (Лебяжье-1, п.62-63; 68-68а, 88-88а, 70-70а, 103,

Княжий, п.1, Картамышево-2, п.7-9, 16-17). В большинстве погребений между женскими и мужскими захоронениями не наблюдается каких-либо различий: они ямные с неочищенными или урновые с очищенными костями. По мнению Н.А.Тихомирова, погребение 20-20а содержало две урны с “отобранными и неотобранными костями” (Тихомиров, 1990, С.137). Изучение полевой документации раскопок Ю.А.Липкинга не прояснило вопрос, содержали ли парные погребения очищенные и неочищенные кости, так как ни в дневниках, ни в отчетах этот признак не был зафиксирован. Достоверными являются данные о том, что во II погребальном комплексе Картамышево-2, женское захоронение было урновое с очищенными костями и сосудом-приношением, а мужское - с неочищенными костями и с ритуальным захоронением останков коня (рис.4). Большинство совместных парных погребений следует интерпретировать как захоронения воинов с женами или наложницами, что находит подтверждение в письменных источниках, информирующих о славянских обычаях. “Жены их (склавов и антов) целомудреннее сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве” (Маврикий, “Стратегикон”, вторая половина VI в., Свод древнейших письменных известий о славянах (I - VI вв.), 1994, С.369). Отмеченный Маврикием обычай долго сохранялся у северных, западных, восточных славян и описан в труде Ибн-Фадлана (начало X в., Ковалевский, 1956, С.144).

Погребальные комплексы колочинской культуры неоднородны в социальном плане: одни содержат “3 обломка сосуда и 2 косточки”, другие характеризуются большим количеством останков кремации, наличием украшений из серебра, бронзы, оружия, захоронений коней, в большинстве случаев такие погребения - парные и совершены в деревянных погребальных сооружениях. Найденные в погребениях предметы воинского снаряжения: наконечники копий, кольчужные кольца, удила соответствуют описанию славянских воинов в письменных источниках VI - VII вв. Согласно Иоанну Эфесскому (VI в.), славяне не знали, что такое оружие, кроме двух или трех метательных копий (Свод древнейших письменных известий о славянах, (I - VI вв.), 1994, С.279). Маврикий (VI в.) сообщает, что “каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами, крепкими, но трудноносимыми” (Свод древнейших письменных известий о славянах, (I - VI в.), 1994, С.371).

Археологические материалы колочинских могильников свидетельствуют о процессе выделения из однородной массы общинников

социальной верхушки - "знати" и воинов-дружинников (Картамышево-2, п.16-17, Лебяжье-1, п.3, 32, 63, 103, Княжий, п.1). Коэффициент взаимосвязи социально значимых признаков колочинских погребений выше киевских и ниже черняховских (0,20). Однако уровень стратифицированности колочинского общества был, по-видимому, значительно выше, чем это демонстрируют общинные кладбища (Лебяжье-1, Княжий, Картамышево-2).

Б.А.Рыбаковым была высказана интересная мысль, что "антские клады" VI-VII вв. в лесостепи от р.Рось до р.Северский Донец являются инвентарной частью погребальных комплексов - захоронений по обряду сожжения в столпах (домовинах), так как "клады" включают не только женские вещи, типичные для "сокровищ", но и мужские вещи, а также оружие, "которое не прячут в минуту опасности". Вещевой комплекс "кладов" характерен для парных погребений богатых и знатных людей, в некоторых случаях, клады - это бесспорные погребения по обряду трупосожжения (Балаклея, Буды) (Рыбаков, 1953, С.67-68).

Клады и вещевые комплексы богатых погребений отражают неоднородность славянской среды конца VII в. В большинстве случаев ценные и престижные вещи оседали в руках знати, о том, что эта категория была хорошо известна славянам указывают византийские авторы VI-VII вв., которые неоднократно упоминают славянских вождей-предводителей (Свод древнейших письменных известий о славянах (I - VI вв.), 1994).

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют об изменениях в социальной структуре населения лесостепного Днепро - Донского междуречья в третьей четверти I тыс.н.э., связанных с усилением экономических позиций малой семьи и, следовательно, ее ролью в коллективе (устройство индивидуальных и семейных погребальных сооружений на общинных кладбищах), а также с дальнейшей стратификацией общества и переходом на заключительный этап первобытной соседской общины.

Число погребений **пеньковской культуры** незначительно, что затрудняет историко-социологические реконструкции. Можно отметить, что население пеньковской культуры использовало модель кремации на стороне (I), идентичную колочинской и киевской. В социальном отношении пеньковское общество представляется слабо дифференцированным. Вместе с тем, учитывая данные местонахождений типа мартыновского клада, которые были зарыты не рядовыми общинниками, а представителями племенной верхушки (Приходнюк, 1985, С.26), следует, по-видимому, сопоставить степень стратифици-

рованности пеньковского общества с колочинским. По мнению О.М.Приходнюка, у пеньковского населения существовала территориальная община, в состав которой могли входить разноэтнические элементы (Приходнюк, 1985, С.26).

Социальная структура общества “сахновско-волынцевского” типа из-за немногочисленности источников сложнее поддается “расшифровке”. Ранние сахновские комплексы - все ямные с двумя сосудами, заполненными костями, без инвентаря (модель I, кремация на стороне). Незначительная имущественная дифференциация прослеживается по материалам могильника Лебяжье-3. Наиболее богатое захоронение (п.6) было совершено в деревянном погребальном сооружении и имело 6 сосудов, в том числе салтовскую кружку. Система “социальных маркеров” по сравнению с предыдущим временем (Картамышево-2, Лебяжье-1) не изменяется: выходящие за рамки стандарта погребения, как и в более раннее время, имеют усложненное погребальное устройство с наземной деревянной конструкцией и сопровождающие сосуды.

Таким образом, результаты диахронического анализа моделей кремаций, количественного и качественного состава инвентаря, погребальных устройств, обусловленных социальной средой, к которой принадлежал умерший, позволяют сделать ряд выводов:

- Социальное развитие населения рассматриваемого региона носило неравномерный характер. Максимально высокий уровень развития общества наблюдается в черняховской культуре. Погребальная система характеризуется биритуализмом, наличием кремаций на стороне и на месте. Черняховская социальная модель с далеко зашедшей общественной дифференциацией, сильно отличается от киевской и раннесредневековых пеньковской и колочинской.

- Общества киевской, колочинской и пеньковской, волынцевской культур демонстрируют эволюционное социальное развитие, главная тенденция которого заключается в последовательной индивидуализации малой семьи, приводившей к разрушению коллективных структур и, следовательно, замене родовых отношений так называемой первобытной соседской общиной. Последовательный характер развития социальных структур в рамках киевской, колочинской и пеньковской, а также, возможно, волынцевской общностей косвенно может свидетельствовать о сохранении этнической преемственности населения во второй-третьей четверти I тыс.н.э. рассматриваемого региона, представленного памятниками указанных археологических культур.

КЕРАМИКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ С КРЕМАЦИЯМИ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ИНДИКАТОР

а. Керамика из погребений киевской культуры. Классификация керамики киевских памятников предложена исследователями для трех регионов: Среднего Поднепровья (Даниленко, 1976; Абашина, Гороховский, 1975; Кравченко, Гороховский, 1979), Подесенья (Горюнов, 1981; Терпиловский, 1984) и водораздела Днепра и Дона (Обломский, 1991). А.М.Обломский подразделяет самый массовый материал - горшковидные сосуды на два класса: округлобокие и ребристые. Среди округлобоких горшков выделяются два типа - сильнопрофилированные и слабопрофилированные. Слабопрофилированные горшки представлены двумя разновидностями: закрытыми "баночными" и открытыми "тюльпановидными". Ребристые формы относятся к двум типам: с изогнутой и прямой верхней частью профиля (Обломский, 1991, С.36-37). Керамика из погребений киевской культуры представлена в основном фрагментами сосудов, разбитых на стороне и реже целыми формами (рис.17). Она делится на два отдела: лепную и круговую. Последняя найдена в 6 погребениях - 7,5% и включает фрагменты провинциальноримских мисок и кувшинов (Приоскольское-2, п.4, 5; Шишино-5, п. 1, 2, 3; Чертовицкое-3, п.9). Подавляющая масса керамики принадлежит груболепным горшкам. Поверхность сосудов - бугристая, что вызвано технологией их изготовления. В глину в качестве отощителя добавлялся шамот с незначительной примесью органики. Сосуды заглажены щепкой, пучком травы или рукой. Сосуды с расчесами гребнем по поверхности зафиксированы в могильнике Кулига. Венчики украшены насечками, пальцевыми вдавлениями. Полный профиль реконструируется только для 12 сосудов, которые относятся к 4 типам:

I тип - округлобокие сильнопрофилированные горшки ($H_1:H=0,5-0,8$; $D_3:D_2=1,2$; рис.17:1, 10, 9, 11);

II тип - закрытый слабопрофилированный баночный горшок ($H_1:H=0,5$; $D_3:D_2=1,2$; рис.17:2);

III тип - ребристые горшки с изогнутой верхней частью профиля ($H_1:H=0,5-0,6$; $D_3:D_2=1,3-1,4$; рис.17:5, 6, 7, 14);

IV тип - ребристые горшки с прямой верхней частью профиля ($H_1:H=0,6$; $D_3:D_2=2$; рис.17:8), где $H_1:H$ - соотношение высоты наибольшего расширения сосуда к высоте сосуда, $D_3:D_2$ - соотношение диаметра наибольшего расширения (D_3) и диаметра горла (D_2).

б. Керамика из погребений черняховской культуры. Керамика черняховской культуры посвящены работы Г.Ф.Никитиной (Ники-

тина, 1966), Б.В.Магомедова (Магомедов, 1977), Э.А.Сымоновича (Сымонович Э.А, 1981; 1983, С.39), однако единой типологии черняховской посуды не существует. Среди черняховской керамики могольничков выделяют две группы - лепную и круговую посуду и несколько категорий: горшки, миски, кувшины, кубки, вазы с тремя ручками или псевдоушками Х - образной формы. Самостоятельные категории составляют импортные светло- и красноглиняные сосуда и амфоры. Горшки подразделяются на два ведущих типа: 1 - невысокие сосуда с округлым туловом, имеющим выделенные плечики и расширение в верхней трети или посредине высоты, 2 - низкие биконические горшки. Миски представлены несколькими типами: 1 - усеченно-конические с полого расширяющимися стенками и выделенным поддоном; 2 - биконические острореберные; 3 - тарелкообразные с округлыми или угловатыми плечиками; 4 - полусферические открытые. Среди кувшинов выделено два основных типа - 1 биконические, 2 округлобокие и несколько вариантов: 1 - без ручек, 2 - одноручные, 3 - двуручные (Славяне и их соседи..., 1993, С.140-147).

Керамика из погребений черняховской культуры по технике изготовления делится на два отдела: лепную и круговую, по функциональной направленности керамических изделий - на 7 групп: горшки, миски, вазы, кувшины, кубки, амфоры. Лепные горшки составляют 12% , гончарные горшки - 29%, лепные миски - 2,5%, гончарные миски - 31,6%, трехручные вазы - 8,3%, кубки - 8,3%, кувшины - 7%, амфоры - 1,3%. Гончарная керамика найдена в 78% погребений, лепная керамика зафиксирована в 5,5% погребений, сочетание лепной и гончарной посуды характерно для 16,5% погребений. Миски в погребениях использовались в качестве урн, их покрышек или сосудов-приношений. Они имеют полусферическую, биконическую, тарелкообразную форму (рис.18:11, 8, 13). Наиболее часто урнами служили миски-вазы больших размеров, снабженные тремя ручками или псевдоушками Х-образной формы (рис.18:15, 19). Тулово их биконическое, с острым или сглаженным ребром и широким горизонтальным венчиком. Внутри ваз иногда находились кубки (рис.18:12). Имеющиеся кувшины - биконической формы, одноручные, орнаментированные желобками, налепами (рис.8:20).

Лепные горшки относятся к 4 основным типам:

I тип - округлобокие горшки, имеющие расширение в верхней трети высоты (рис.8:1, 2, 9).

II тип - округлобокие горшки с максимальным расширением тулова на середине (рис.8:3, 4).

III тип - закрытый слабопрофилированный баночный горшок (рис.8:5).

IV тип - ребристые горшки (рис.8:6, 7).

Банковидный слабопрофилированный сосуд из п.5 могильника Успенка, расположенного на северной периферии черняховской культуры (рис.1), по-видимому, отражает инфильтрацию киевского населения в черняховскую среду. Имеющиеся в материалах могильников (Компанийцы, Родной Край) лепные биконические горшки в равной мере характерны для различных этнокультурных компонентов черняховской культуры: киевского, позднескифского и особенно вельбарского (Компанийцы п.56, Родной Край п.1, рис.8:6, 7). Округлобокие горшки с максимальным расширением тулова по середине (Компанийцы п.86, п.50) (рис.8:3, 4), имеют прототипы в германском мире. Серия лепных сосудов черняховских могильников по происхождению связана с пшеворской, вельбарской, киевской культурами

в. Керамика из погребений колочинской культуры. Керамика колочинских памятников лесостепного Посеймья неоднократно становилась предметом исследования. Впервые ее общую характеристику дал Ю.А.Липкинг. Сосуды Лебяжинского и Княжинского могильников - лепные, неорнаментированные, сделанные из глины с примесью шамота, часто ассиметричные, с бугристой поверхностью. По форме сосуды являются горшками, которые подразделяются на два типа: I тип представлен слабопрофилированными высокими горшками с суженной шейкой и отогнутым наружу венчиком, II тип - крупными открытыми горшками с цилиндрической или слабопрофилированной верхней частью, округлыми боками и без выраженного венчика. Также отмечено наличие биконических сосудов. В опубликованных материалах раскопок исследователь приводит прорисовки 14 сосудов, отражающих предложенную им типологию (Липкинг, 1974, С.139, 146, рис.5). В дальнейшем эта публикация послужила источником для других исследователей, занимающихся проблемами культур третьей четверти I тыс.н.э.

Среди керамики Верхнего Поднепровья И.П.Русанова выделила 7 типов сосудов: 1 конусовидные, 2 слабопрофилированные, 3 цилиндрические, 4 ребристые, 5 тюльпановидные, 6 округлобокие, 7 банковидные, из которых три имеются в материалах Лебяжьего и Княжьего (2, 4, 5) (Русанова, 1976, С.69-70).

Изучение керамики колочинской культуры было продолжено Е.А.Горюновым. В Картамышевском могильнике отмечено преобладание двух видов горшков - тюльпановидных и слабопрофилированных, "некоторые из которых напоминают формы керамики корчак-

ского типа” (Горюнов, 1979, С.36). Характеризуя керамический комплекс Лебяжинского и Княжинского могильников, Е.А.Горюнов вслед за Ю.А.Липкингом подразделяет все сосуды на два вида: 1) баночные вытянутых пропорций с выделенной шейкой, 2) раскрытые с выпуклыми боками и широкой верхней частью (Горюнов, 1981, С.62). На основании различий в профилировке верхних частей сосудов Е.А.Горюновым была разработана классификация керамики киевских и колочинских памятников Подесенья III-VI вв. Выделено 9 видов горшков: 1 - раскрытые с высокой шейкой, 2 - выпуклобокие, суженные к горлу, 3 - широкооткрытые, 4 - тюльпановидные, 5 - баночной формы, 6 - биконические, 7 - цилиндроконические, 8 - вытянутых пропорций с пологими плечиками, 9 - баночной формы с загнутым внутрь краем (Горюнов, 1981, С.18-19).

Следует также отметить предложенную Н.В.Лопатиным типологию керамики верхнеднепровских городищ (Колочин, Демидовка, Тушемля), в которой представлены 5 видов горшкообразных сосудов: 1 - с ребристым перегибом тулова, 2 - с суженной горловиной, 3 - с широкой горловиной, близкой к цилиндрической, 4 - S видного профиля, 5 - с загнутым внутрь невыделенным венчиком и с вертикальным венчиком отделенным от тулова уступом (Лопатин, 1989, С.3-9).

В 90-е гг. возросший интерес к проблематике второй-третьей четверти I тыс.н.э. Днепровского Левобережья способствовал тому, что внимание исследователей вновь было обращено к материалам раскопок Ю.А.Липкинга. Так, Н.А.Тихомировым были полностью опубликованы материалы Княжинского и Лебяжинского могильников. Все сосуды он разделил на 15 групп, отметив при этом, что “местонахождение некоторых сосудов определить трудно, т.к. они имеют расплывчатые признаки двух-трех вариантов” (Тихомиров, 1990, С.140-142). Выделенные группы весьма искусственны, в разных группах имеются однотипные сосуды (I, III, IX; VIII и X), и наоборот, в одной группе присутствуют сосуды, не только различающиеся по форме и профилю, но и по культурной принадлежности (X, XV), при этом чрезмерное уменьшение прорисовок сосудов в публикации затрудняет работу с материалом, следствием чего являются не совсем точные параллели и аналогии.

А.М.Обломский, ссылаясь на публикацию Н.А.Тихомирова, отмечает, что “слабопрофилированные округлобокие сосуды с расширением в середине профиля резко преобладают на классических колочинских могильниках Лебязье и Княжий восточного Посеймья” и указывает на группы I-III, VI, VII-X классификации Н.А.Тихомирова (Обломский, 1996, С.67). Из этих групп, по крайней мере две - VII и

Х содержат сильнопрофилированные горшки, у которых высота плеч составляет одну четвертую общей высоты ($D3:D2=1,2-1,3$; $H1:H=0,7-0,86$), однако качество публикации делает все сосуды на "одно лицо".

Керамический комплекс колочинских могильников включает в свой состав 71 сосуд и 1 диск. Поверхность большинства сосудов - неровная, бугристая, что вызвано технологией их изготовления. В глину в качестве отощителя добавлялся шамот с незначительной примесью органики. Некоторые сосуды Картамышевского могильника изготовлены из глины с примесью дресвы, песка и слюды. На поверхности многих сосудов видны следы борозд от грубого заглаживания пальцами или травой. Среди керамики Лебяжинского и Картамышевского могильников встречаются сосуды с тщательно заглаженной, подлощенной или лощенной поверхностью. Цвет сосудов коричневый с различными оттенками от бурого до темно-серого, обжиг неравномерный. Верхний край венчика оформлен по-разному: слегка заострен или закруглен, иногда срезан. Два сосуда Лебяжинского-1 могильника и один сосуд из Картамышево-2 имели валики, подчеркивающие их ребристую форму. Вся керамика изготовлена ленточным способом с применением поворотного столика. Для потребностей использовалась посуда, бывшая в употреблении, иногда отремонтированная.

Керамика представлена тремя группами: горшки (64), миниатюрные сосудики (7), диск (1). Горшковидные сосуды представлены 8 типами:

I тип - раскрытые тюльпановидные - 23 экз. - 36% (рис.9:1-8; 22:1-14, 19);

II тип - раскрытые с коническим туловом - 1 экз. - 1,5% (рис.10:20);

III тип - закрытые округлобокие - 11 экз. - 17,2% (рис.11:1-9; рис.24:8, 9);

IV тип - закрытые слабопрофилированные баночные - 15 экз. - 23,4% (рис.11:10-24);

V тип - закрытые баночные с загнутым внутрь краем - 3 экз. - 4,6% (рис.12:5-7);

VI тип - ребристые горшки - 5 экз. - 8% (рис.12:1-4, 12);

VII тип - биконические горшки с отогнутым венчиком - 2 экз. - 3% (рис.11:25, 26);

VIII тип - горшки вытянутых пропорций, с раскрытым горлом, пологими плечиками, отогнутым венчиком - 4 экз. - 6,3% (рис.10:15-18).

Типы I, II, III, IV, VI находят соответствия в классификации деснинской посуды III-VII вв.н.э. Е.А.Горюнова (1981, С.18-19). Горшки VII типа соответствуют I виду I варианту пеньковской керамики по классификации Е.А.Горюнова и I типу I варианту пеньковской керамики по классификации О.М.Приходнюка (Приходнюк, 1980, С.31, рис.9; Горюнов, 1981, С.72-73).

Горшки VIII типа по соотношению Н1:Н и Д3:Д2 выходят за пределы колочинской посуды (колочинская керамика: Н1:Н=0,5-0,7, Д3:Д2=1-1,2; VIII тип - Н1:Н=0,78; Д3:Д2=1,1) и встречены только в могильнике Картамышево-2. Они не имеют аналогий в керамических материалах собственно колочинских и более северных тушемлинско-банцеровских памятников, охарактеризованных в ряде работ (Шмидт, 1982, С.98-103; Лопатин, 1989, С.9-15), а также прототипов в керамическом комплексе киевских и раннеколочинских памятников Посеймья и Подесенья, проанализированном А.М.Обломским (Обломский, 1996, С.54-70, рис.3-7). Наиболее близкие параллели горшки этого типа имеют, на наш взгляд, в пражской керамике раннесредневековых памятников Польши, например, городища Шелиги (Parczewski, 1993, С.38, рис.6:3,1; 8:5,2; Русанова, 1976, С.165, рис.61).

Таким образом, ведущие типы горшков колочинских памятников, например, банковидные, ребристые, округлобокие имеют прототипы в киевском керамическом комплексе. Это подтверждается и исследованиями Е.А.Горюнова и Р.В.Терпиловского поселений Подесенья, на материалах которых была показана генетическая преемственность керамики киевской и колочинской культур (Горюнов, 1981, С.18-20; Терпиловский, 1984). Погребальные комплексы колочинских могильников с керамикой, близкой к пражскому типу, датируются VI в. (Картамышево-2, II п.к.). В Подесенья эта керамика также встречена только в комплексах VI-VII вв. и выделена в отдельную группу, отличную от колочинской посуды (Горюнов, 1981, С.22). На наш взгляд, формирование керамического комплекса колочинских могильников VI-VII вв. Посеймья обусловлено не только эволюцией традиций киевской культуры Подесенья, но и притоком групп славянского населения из ареала пражской культуры или из северо-западных районов (Полоцкое Подвинье, Смоленское Поднепровье - ареал распространения браслетообразных височных колец середины I тыс.н.э.), ставших первичной территорией расселения некоторых западных славянских группировок.

г. Керамика пеньковских погребений. Классификация керамики пеньковской культуры рассматриваемого региона разработана в

работах О.М.Приходнюка (1980; 1985, С.13), М.В.Любичева (1994, С.10-11), Е.А.Горюнова (1981, С.72).

О.М.Приходнюк пеньковскую керамику разделяет на три группы. К первой принадлежат биконические, округлобокие приземистые и стройные горшки. Ко второй зачислена посуда, заимствованная у синхронных контактирующих массивов: тюльпановидные горшки, горшки пражского типа и типа Чурел. К третьей группе отнесены лепные горшки с загнутым внутрь краем, миски и кружковидные сосудики (Приходнюк, 1985, С.13).

Выделение типов, видов и вариантов горшков, мисок, дисков, произведенное М.В.Любичевым, основано на визуальном соотношении форм. Горшки представлены 4 типами: 1 - биконические двух видов; 2 - округлобокие пяти видов; 3 - раскрытые тюльпановидные; 4 - с резким перегибом тулова в верхней части и прямым, слегка отогнутым венчиком. Среди дисков и мисок выделено 4 вида (Любичев, 1994, С.10-11).

Е.А.Горюнов выделил пять видов горшков: I - с биконическим туловом, II - округлобокие горшки, III - горшки с незначительным расширением в верхней трети, IV - усеченно-конические горшки с прямыми стенками, V - тюльпановидные горшки (Горюнов, 1981, С.72-73).

Имеющаяся серия сосудов из погребений пеньковской культуры немногочисленна, она включает одну лепную ребристую миску (рис 16:2) и два ребристых миниатюрных сосудика (рис. 16:3, 4).

д. Керамика из сахновско-волынцевских погребений. Керамика сахновского типа рассмотрена в работах О.М.Приходнюка (Приходнюк, 1980) и О.А.Щегловой (Щеглова, 1987). О.М. Приходнюк выделил 4 типа сахновской керамики и несколько подтипов. I тип представлен округлобокими сильнопрофилированными горшками, II тип - ребристыми горшками, III тип цилиндрическими горшками стройных пропорций, IV - сковородные (Приходнюк, 1980, С.49, рис.27). О.А.Щеглова рассмотрела 2 группы сахновской посуды. Керамика первой группы относится к характерным для пеньковской культуры типам ребристых, округлобокых горшков, дискам, крупным зерновикам. Для посуды второй группы характерны огрубление поверхности, более выраженная профилировка верхней части сосуда, появление ногтевого и пальцево-ямочного орнамента по венчику (Щеглова, 1987, С.8).

Посуда волынцевской культуры разделена С.П.Юренко на две группы: гончарную и лепную и на ряд категорий по функциональному назначению: горшки, миски, кружки, сковородки. Внутри катего-

рий выделены типы на основе моделировке верхней части и соотношении основных параметров. Выделено 8 типов лепных, 5 типов гончарных горшков, 4 типа лепных и 3 типа гончарных мисок, 4 типа сковородок, 2 типа амфор и редкие формы посуды различных категорий (Юренко, 1983, С.9).

Керамика из сахновско-волынцевских погребений представлена круговой (рис.14:1, 14, рис.15:12), лепной (рис.14:2-16, 8-13, рис.13) и подправленной на круге лепной посудой (рис.14:7, рис.15:13). Набор круговой керамики включает салтовские кружку и пифос, а также волынцевские чернолощенные горшки (рис.14:1; рис.15:12; рис.14:14). Поверхность лепных горшков - бугристая с выступающими зернами шамота или тщательно заглаженная. Один сосуд (рис.14:7, Лебяжье-3, п.7) украшен волнистым орнаментом в нижней части тулова и косыми пролощенными линиями на днище. Венчики сосудов - вертикальные без орнамента или отогнутые с пальцевыми вдавлениями по краю. Лепные горшки представлены 5 типами:

I тип - слабопрофилированный "банковидный" горшок ($H_1:H=0,5$; $D_3:D_2=1,1$; рис.14:11, Лысогорский-1, п.1) соответствует II типу керамики славянских памятников лесостепного Подонья по классификации А.З.Винникова (Винников, 1995, С.73, рис.25:6).

II тип - приземистые горшки с максимальным расширением в верхней трети высоты тулова ($H_1:H=0,7-0,87$; $D_3:D_2=1,2$), горшки с отогнутым венчиком "сахновский тип" (рис.14:2, 3, 4; рис.13:1, 2, 5; рис.15:6) соответствуют XI типу славянской керамики по классификации В.А.Петрашенко (Петрашенко, 1992, С.55-56), горшок с сильно отогнутым венчиком (рис.14:10) - "боршевский тип" характерен для керамики VIII - X вв. - славянских памятников лесостепного Подонья, сосуды с прямым венчиком - "волынцевский тип" (рис.14:12, 13; рис.13:3, 6).

III тип - горшки стройных пропорций с максимальным расширением в верхней трети высоты тулова и слегка отогнутым венчиком ($H_1:H=0,8$; $D_3:D_2=1,2$) (рис.14:5, 6, 9; рис.13:4).

IV тип - ребристые горшки с вертикальным венчиком (рис.14:7,8). Сосуды, аналогичные горшку из п.7 Лебяжье-3 с орнаментом из пролощенных линий на дне и волн на тулове (рис.14:7) найдены на Волынцевском поселении и в Ходосовке (Петрашенко, 1992, С.33). Горшки этого типа соответствуют II типу сосудов по классификации В.А.Петрашенко (1992, С.45).

V тип - горшки с максимальным расширением по середине тулова, с вертикальным горлом (рис.13:7-9) ($H_1:H=0,5$; $D_3:D_2=1,2$).

Керамический комплекс трупосожжений Дмитриевского могильника включает в свой состав: горшок сахновского типа (рис.15:6), пеньковско-колочинские сосуды - ребристые, округлобокие, тюльпановидные (рис.15:1, 2, 3, 5, 7, 4), а также сосуды, характерные для кочевнических памятников (аварские и болгарские) (рис.15:11, 8, 9, 10).

Появляющаяся в лесостепном Днепро-Донском междуречье на рубеже VII-VIII вв.н.э. сахновская керамика, с одной стороны, маркирует конец существования колочинских и пеньковских памятников, с другой, - начало распространения памятников иного типа. Истоки этой керамики не связаны с местными культурами. Сахновские сосуды не имеют близких по форме, технике и орнаментации прототипов среди колочинской керамики, а также не "смешиваются" с колочинскими сосудами в погребальных комплексах, что отчетливо видно по материалам могильника Лебяжье-1 (п.102 и 104). Наиболее прочную связь сахновские комплексы обнаруживают с культурой предшествующего времени Правобережья Днепра, откуда, как было показано О.А.Щегловой, шло их распространение в восточном и северо-восточном направлении (Щеглова, 1987, С.9). Тожественность пропорций и близость форм сахновских и лепных волынцевских сосудов свидетельствуют о том, что сахновская керамика является основной составляющей керамического комплекса памятников волынцевского типа.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ДНЕПРО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ ВО ВТОРОЙ-ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС.Н.Э.

В конце II в.н.э - первой половине III в.н.э. в рассматриваемом регионе выделяются три территориальные группы погребальных памятников: среднеднепровская (Н.Безрадици, Бортнич, Казаровичи), сейминско-донецкая (Кулига, Гочево-1, Шмырево, Шишино-5, Приоскольское-2) и донская (Чертовицкое-3) (рис.1). Наибольшую близость в археологической структуре погребений обнаруживают могильники внутри этих групп, Чертовицкое-3 по элементам погребального обряда имеет соответствия среди памятников сейминско-донецкой группы. Несмотря на ряд локальных особенностей, присутствующих в этих группах, они составляют единую культурно-хронологическую традицию, свидетельствующую о том, что погребальные памятники оставлены этнически родственными племенами киевской культуры.

Близость погребального обряда могильников и единство керамического комплекса раннекиевских памятников водораздела Днепра и Дона отражает процесс этногенетической консолидации, когда из нескольких родственных племен образуется новая этнокультурная группировка. На протяжении раннеримского времени и в первой половине III в. киевское население Северского Донца и Оскола находится в контакте с сарматами Подонья, в результате чего наблюдается его проникновение в этот район (Обломский, 1991, С.144-147).

В середине - второй половине III в.н.э. в рассматриваемом регионе появилось новое население, оставившее памятники черняховского типа. Ранние черняховские могильники расположены на северо-западе региона (Успенка, Соснова), что указывает на направление экспансии (рис.1). Чересполосица киевских и черняховских памятников, имевшая место в Днепровском лесостепном Левобережье на протяжении второй половины III - начала IV в., сменяется появлением к западу от верховьев Северного Донца однородного черняховского массива, в то время как местные киевские племена были вытеснены с этой территории и частично ассимилированы. Основная масса черняховских могильников IV в. в лесостепном Днепро-Донском междуречье находится в западной его части, что однако не исключает возможности продвижения черняховского населения в восточном направлении (Хохлово-2, Голубовка-2).

Ареал черняховской культуры частично перекрывает территорию киевской культуры в поречье р.Уды. Здесь наблюдается чересполосица киевских и черняховских памятников, а также известны киевско-черняховские поселения, свидетельствующие о мирном характере контактов местного и пришлого населения (Обломский, 1991, С.146). Южная граница распространения черняховских памятников практически совпадает с границей лесостепи. Северная граница проходит строго по р.Сейму и несколько южнее нижнего течения р.Десны В своем движении на север черняховское население было остановлено племенами киевской культуры Посеймья-Подесенья, оказавшими, по-видимому, сопротивление пришельцам (Обломский, 1996, С.53).

Высокий уровень социально-экономического развития черняховского общества по сравнению с киевским обусловил характер контактов носителей обеих культур. Немногочисленные группировки киевской культуры или ее отдельные представители могли быть включены в состав черняховской общности, особенно в районах тесного соприкосновения двух культур. Этим объясняется наличие в черняховских могильниках погребений с керамикой киевского типа

(Успенка, п.5) и с парными фибулами круга восточноевропейских эмалей, характерными для киевской культуры Поднепровья (Компанийцы, п.2) (Корзухина, 1978, С.69, Гороховский, 1982, С.127-131). В то же время на территорию киевских племен проникали какие-то группы черняховского населения, которые приносили с собой свои приемы изготовления лепной посуды, постройки печей, причем ино-племенники могли входить в состав тех же общин, что и местные жители (Обломский, 1991, С.141).

Анализ черняховских погребений с кремациями рассматриваемого региона позволяет выделить 4 группы погребальных комплексов:

Первая группа: урновые погребения с обильными останками кремации, очищенными от погребального костра, где кости уложены преимущественно в анатомическом порядке, с трехручными вазами, с многочисленными сосудами-приношениями, разнообразными вещами (фибулы, гребни, ведерковидные подвески, бусы, прясла) и гранитными камнями, урны имеют обкладки из фрагментов разбитых сосудов-мисок. (Соснова: 291, 447, 597, 624; Компанийцы: 17, 45, 31, 50, 117). Всего 5% всех погребений выборки. Подобные комплексы присутствуют на пшеворских могильниках, где идентифицируются с германским этническим компонентом (Русанова, 1990, С.119-135, Седов, 1994, С.182-193). Наиболее близкие аналогии и параллели эти трупосожжения имеют в вельбарских могильниках (Кухаренко, 1980, С.6-16).

Вторая группа: включает урновые захоронения с очищенными костями, иногда сложенными в анатомическом порядке, и ямные погребения с разнообразными вещами: фибулы, трехручные вазы в обломках, гранитные камни, иглы, шило, гвоздь, ведерковидные подвески, предметы вооружения, ножи, детали пояса, острия, вбитые в землю, сосуды-приношения, ведро, птичьи кости, кусочки охры. (Соснова: 2, 388, 524, 583, 468, 345, 603; Компанийцы: 15, 22, 42, 3, 96, 52, 78, 86, 32, 54, 106, 109, 111, 80, 74а, 36, 81, 40, 19; Родной Край: 1, 2, 6, 7, 8, 10, 12; Лохвица: 1, 2, 5, 6, 10, 15, 18, 19; Павлюковка: 1-9; Сумы: 3; Жовнинский Остров: 1-6; Новоселовка: 1; всего 30 погребений выборки). На могильнике Родной Край была зафиксирована вымостка из пережженных камней с обилием продуктов горения, фрагментами керамики, в том числе трехручной вазы с геометрическим орнаментом (рис.8:19), подобные вазы были распространены в германских культурах Северной Европы. Е.Н.Петренко предполагает, что сооружение представляет собой подкурганное трупосожжение с каменным ядром и насыпью (Петренко, 1991, С.19). Подобные курганы характерны для вельбарской культуры (Могильников, 1974,

С.163-164). Погребения этой группы оставлены вельбаро-пшеворским компонентом.

Третья группа: преимущественно ямные и одно урновое захоронение, с лепными горшками (рис.8:5) фибулой, бусами, пряслами, деталями пояса, браслетом, вторично обожженными фрагментами лепной и гончарной керамики, костями животных. Отличительной особенностью некоторых погребений этой группы является сочетание мужских и женских вещей, свидетельствующее, о возможной парности захоронений. (Соснова: 1, 664; Компанийцы: 48-48а, 72, 8; Успенка 5; Переяслав-Хмельницкий 1-21, всего 28 комплексов, 15% погребений выборки). Эту группу, по-видимому, следует идентифицировать с пшеворским и киевским компонентами.

Четвертая группа (неопределимая) ямные и реже урновые погребения с гончарной керамикой, безынвентарные, без характерных признаков (Соснова: 24% всех сожжений, Компанийцы: 70% всех сожжений, Вовчик, Белоцерковцы, Савинский, Дубьяги, Кантемировка - 100% всех сожжений, Новоселовка - 30% всех сожжений, всего 50% всех погребений выборки).

Погребения с сожжениями I и III групп характерны для могильников с большим количеством погребений, в которых преобладают кремации, а среди ингумаций отмечены захоронения с различной ориентировкой и сарматскими чертами (ямы с подбоем, уступками). Некрополи: Компанийцы, Соснова, Успенка, Переяслав-Хмельницкий относятся ко 2-5 фазам черняховской культуры по Е.А. Гороховскому (последняя треть III в. - последняя четверть IVв.) (Гороховский, 1988, С.34-46) и, по-видимому, оставлены населением, в состав которого входили готы, сарматы, и возможно, немногочисленные славянские группировки, связанные по происхождению с киевской и пшеворской культурами. Погребения с трупосожжениями II группы отмечены на небольших некрополях (9-20 погребений) со стабильным погребальным обрядом, характеризующимся сочетанием трупосожжений с северной ориентировкой и урновых захоронений с очищенными костями (Родной Край, Лохвица) или только урновыми чистыми захоронениями (Жовнинский Остров, Павлюковка). В ритуальных могильниках отмечена взаимосвязь кремаций и ингумаций, некоторые трупосожжения располагались в верхней части ям с трупоположениями, что отражает родственные отношения умерших (Петренко, 1991, С.22). Рядом и под погребениями с ингумациями находятся культовые ямы с отдельными кальцинированными косточками и фрагментами керамики, которые имеют поминальный характер, и связаны с ритуальными действиями до и после похорон. Про-

ведение обряда ингумации требовало использование огня в ритуальных целях, остатки которого захоранивались в специальных ямах, что указывает на тесную взаимосвязь обоих ритуалов и не позволяет этнически разделять носителей черняховской культуры, использовавших ингумацию и кремацию. Сосуществование двух погребальных обрядов, по-видимому, отражает социальные и этнографические различия отдельных групп населения черняховской культуры. Могильники, где представлены трупоположения с северной ориентировкой и урновые чистые трупосожжения (Родной Край, Лохвица, Жовнинский Остров, Павлюковка), относятся к 5 фазе черняховской культуры по Е.А.Гороховскому (последняя четверть IV) (Гороховский, 1988, С.34-46) и оставлены этнически гомогенными группировками черняховской культуры, которые следует идентифицировать с восточногерманскими племенами готов и гепидов.

Таким образом, погребальные комплексы с лепной керамикой киевского типа (Успенка, п.5) и пшеворскими чертами (III группа) выделены только на обширных некрополях с численным преобладанием трупосожжений, которые относятся ко 2-5 фазам черняховской культуры (Гороховский, 1988, С.34-46), они отсутствуют на небольших биригальных могильниках, начавших функционировать в последней четверти IV в. и относящихся к 5 фазе черняховской культуры, на которых открыты исключительно трупосожжения с "германскими признаками" (II группа).

Полученные результаты не противоречат данным исследований поселенческого материала: постройки раннего этапа черняховской культуры (вторая половина III в.н.э.) представлены только четырехугольными полуземлянками и содержат 70-90% лепной посуды, на поселениях позднего этапа (конец III - начало V в.) появляются наземные каркасно-глинобитные дома и преобладает гончарная керамика (Некрасова, 1990, С.62-64).

Присутствие германских, иранских, славянских этнических группировок на рассматриваемой территории подтверждается и данными лингвистики, в том числе распространением архаичных гидронимов.

По сообщениям письменных источников в конце IV в., готы на территории Восточной Европы, входившие в военно-политический союз, археологическим выражением которого считается черняховская культура, терпят поражение от гуннов (375 г.) и постепенно концентрируются в Подунавье, проникая затем в пределы Римской империи (Буданова, 1990, С.136-138; Славяне Юго-Восточной Европы, 1990, С.322). Как сообщает Иордан, с вторжением гуннов между готами Винитария и антами Божа произошел военный конфликт,

вызванный тем, что готы проводили отступление через земли антов (Буданова, 1990, С.130-135). С этими историческими событиями связаны: финал черняховской культуры и прекращение функционирования ее некрополей, отход готского населения на запад и миграция позднекиевских племен лесной зоны в южном направлении. Время их появления в лесостепи Днепра и Дона определено А.М.Обломским - концом IV или рубежом IV - V вв.н.э. (Обломский, 1996, С.68).

На рубеже IV - V вв.н.э. на рассматриваемой территории начинают оформляться две археологические общности: в северной части лесостепи - колочинская культура, на юге лесостепи формируется пеньковская культура.

Могильники колочинской культуры расположены вдоль северной границы лесостепи, в верховьях Сулы, Псла и Сейма. Южную границу распространения колочинских памятников Е.А.Горюнов проводил по среднему течению Сулы, Псла, Ворсклы (Горюнов, 1973, С.48-49; Горюнов, 1981, С.60-63). Исследованные пеньковские погребения находятся в Среднем Поднепровье, на Северском Донце и Осколе и тяготеют к югу лесостепи (рис.1). Средняя часть Днепро-Донского лесостепного междуречья представляла собой контактную зону двух этнокультурных общностей. Р.В.Терпиловский обозначил область взаимовлияний двух культур от Среднего Посулья на юге до Среднего Подесенья на севере (Терпиловский, 1985, С.98).

Погребальный обряд общин, оставивших некрополи типа Лебязье-1 - Картамышево-2 преимущественно сложился в результате синтеза киевской и черняховской традиций, взятые по отдельности, они не дают комплекса колочинских признаков. Отсутствие прямой типологической преемственности между киевскими и колочинскими погребальными памятниками может быть объяснено некоторым хронологическим разрывом между известными в регионе памятниками киевской и колочинской культур и отсутствием связующих звеньев между ними. Следует также отметить, что трансформация киевского погребального обряда в колочинский не для всех вариантов колочинской культуры происходила одинаково: эволюционное развитие характерно только для Верхнего Поднепровья (Тайманово), в археологической структуре погребений третьей четверти I тыс.н.э. лесостепи отмечены значительные изменения по сравнению со второй четвертью, одной из причин которых было влияние черняховской общности на позднекиевское - протоколочинское население. Вероятно, часть носителей черняховской культуры не покинула лесостепь, а вошла в состав позднекиевских общин, особенно в районах тесного соприкосновения двух культур в Среднем Поднепровье, на Сумщине и

Белгородчине. Такой подход имеет место в работах Э.А.Сымоновича, М.Б.Щукина, Е.А.Горюнова, О.М.Приходнюка.

Черняховские кремации дифференцированы в основном на вельбарские и пшеворские, из которых только последние типологически близки колочинским как по морфологической структуре погребения, так и по комплексу вещественной атрибутики, имеющей социальную нагрузку. В то же время пшеворский компонент черняховской культуры является не единственным источником формирования погребальной традиции, которую демонстрируют колочинские могильники. Весьма примечательным является 2 погребальный комплекс Картамышевского могильника (п.16, 17, 18), где в погребальном деревянном сооружении совершены захоронения мужчины, женщины и коня. Инвентарь состоит из двух сосудов, пары височных бронзовых проволочных колец и уникальной серебряной фибулы с решетчатым орнаментом. По стилю и декору фибула соответствует небольшой группе украшений из Верхнего Поднепровья. Вещи этой группы найдены в Хотыще Могилевской обл., происхождение которых связывается с “домиком мертвых” (Третьяков, 1966, С.279), в Борковском могильнике в Рязанской обл., на городище Демидовка Смоленской обл., в Посудичах Брянской обл. (Амброз, 1970, С.70). А.К.Амброз соотносит все украшения с решетчатым орнаментом с памятниками типа Тушемля-Колочин и датирует их VI в. (Амброз, 1970, С.70-73). На основе изучения вещей круга “решетчатого орнамента”, А.К.Амброз выделил в Верхнем Поднепровье особый очаг ювелирного искусства (Амброз, 1970, С.70-74), однако доказательств местного производства украшений с “решетками” нет, что ставит под сомнение эту гипотезу.

Трехгранно-выемчатый декор, стилистические особенности украшений Верхнего Поднепровья характерны для позднеримских изделий дунайских и рейнских провинций и древнегерманских племен на Дунае, в Италии, в Средней и Северной Европы второй половины V и VI в. (Амброз, 1970, С.73). Картамышевская фибула не имеет точных аналогий в европейских древностях и лишь отдельными элементами декора и формы близка меровингским пальчатым и другим типам германских фибул VI - VII вв. (Werner, 1961, табл. 5-11) и, по видимому, имеет средневропейское происхождение. Фибулы и пряжки с решетчатыми вставками так же как и В-образные рифленые пряжки (V в.н.э.), в том числе и те, у которых язычки по форме напоминают картамышевскую фибулу являются вещами восточногерманского происхождения, что в отношении последних аргументировано было показано И.Вернером и В.В.Седовым (Седов, 1994, С.298).

Браслетообразные проволочные височные кольца из могильника Картамышево-2 имеют аналогии в материалах памятников из ареалов тушемлинско-банцеровской, позднедьяковской и колочинской культуры: Демидовка, Акатово в Верхнем Поднепровье; Дьяково и Борки в Верхнем Поволжье и Москворечье, Суджа и Княжий на р.Псел (Седов, 1995, С.220, рис.62). По мнению В.В.Седова, появление браслетообразных височных колец на поселениях и могильниках середины I тыс.н.э. следует рассматривать как свидетельство расселения славянского этноса. Прототипом этих украшений являются бронзовые проволочные кольца, обнаруженные в памятниках второй четверти I тыс.н.э. бассейна Вислы (Седов, 1995, С.229).

Керамика из 2 погребального комплекса представлена двумя сосудами. Первый сосуд - высокий, с коническим туловом горшок (Н1:Н=0,78; Д3:Д2=1,1, VIII тип, рис.4:2, рис.9), имеющий аналогии среди пражской керамики середины V - VI вв. (Parczewski, 1993, С.38, рис. 6:3,1; 8:5,2). По классификации И.П.Русановой он относится к типу I, вид А, 5 вариант, характерному для VI в.н.э. (Русанова, 1976, С.18-26, рис.6-7). Горшки этого типа встречены в нижней части культурного слоя и в жилых комплексах, датирующихся временем до VIII в., славянских памятников Подонья: Животинное, Титчиха (Винников, 1995, С.73-81, рис. 25:1; Москаленко, 1965, С.39). Второй сосуд - маленький биконический с лощением (рис.4:3).

Рассматриваемый комплекс содержал ритуальное захоронение пережженных костей коня. Трупосожжения с конем известны в культуре смоленских длинных курганов, а также встречены в кургане 7 в Борках и в бескурганном погребении 15 в Акатово (Енуков, 1990, С.43-44).

Деревянное погребальное сооружение, от которого сохранилась прямоугольная площадка 3,2 x 2 м, ориентированная по линии 3-В, ограниченная узкой канавкой, шириной 0,25 м и глубиной 0,13 - 0,16 м, (рис.4:1) имеет параллели в захоронениях с трепосожжением культуры смоленских длинных курганов: Акатово, Торонец-2, Озерцо (Енуков, 1990, С.161). Остатки деревянных конструкций были исследованы Л.В.Артишевской в двух курганах VII-VIII вв. Цветунского могильника на р.Десне. Узкие канавки в кургане 21 образовывали прямоугольник размером 2,4 x 4 м., ширина канавок 0,2 м, глубина - 0,4 м. Внутри них обнаружены три ямы с трепосожжениями (Артишевская, 1963, С.91). Деревянные погребальные сооружения характерны также для курганов с трепосожжениями конца VII - X вв. Гомельско-Могилевского Поднепровья: Боровичи, Солик, Палужье, Воронино, Арав (Енуков, 1990, С.161) и курганов VIII - X в. лесо-

степного Подонья (Винников, 1984). Наибольшее типологическое сходство погребальные конструкции Среднего и Верхнего Поднепрорья обнаруживают с под курганными сооружениями верховьев Вислы и Одера (Цоль-Адамикова, 1982, С.83, рис.1).

На могильниках пшеворской культуры известны четырехугольные "ровикообразные объекты" с трупосожжениями и жертвенными ямами, в которых видят остатки деревянных культово-погребальных построек, появляющихся в латене под влиянием кельтов, и доживающих до начала V в. в северо-западной Малопольше и Силезии (Gedl, 1985, С.186-190).

В.В.Седов для культовых построек раннесредневекового западного (венедского) славянства проводит те же параллели (Седов, 1989, С.3-9).

Таким образом, наблюдаемая сопряженность признаков: украшений с решетчатым орнаментом, височных колец, деревянных погребальных сооружений, ритуальных захоронений пережженных костей коней, имеющих в интересующее нас время определенную локализацию от верховьев Псла на юге до верховьев Днепра и Волги на севере и наиболее четко сфокусированных в рассматриваемом погребальном комплексе Картамышевского могильника, по-видимому, имеет истоки в Средней Европе, в ареале пшеворской культуры. Два наиболее главных этнических индикатора - височные кольца и керамика пражского типа позволяют атрибутировать этот комплекс как славянский и датировать его по фибуле VI в.н.э.

Первопричина возникновения обширных некрополей VI - конца VII в., возможно, кроется в этнокультурной ситуации, имевшей место в середине-третьей четверти I тыс.н.э., в северо-западных районах: в Полоцком Подвинье, Смоленском Поднепрорье, Посожье, части Волго-Окского междуречья, где начала расселяться славянская группировка из Повисленья, представленная браслетообразными сомкнутыми височными кольцами. К верховьям Псла, Сейма и Сулы продвинулась небольшая группировка из обширного массива северо-западного славянского населения, практиковавшая обряд кремации в деревянных погребальных сооружениях. По всей видимости, славянская группировка середины - третьей четверти I тыс.н.э., представленная браслетообразными височными кольцами, украшениями с решетчатым орнаментом, В-образными пряжками, деревянными погребальными конструкциями, стала одной из этнографических групп будущих племенных объединений вятичей, радимичей, кривичей, северян, чьими маркерами в последней четверти I тыс.н.э. являются под курганные деревянные погребальные сооружения, браслето-

образные и перстнеобразные височные кольца, и на общность происхождения которых, тождественность погребальных обрядов (кремация с последующем захоронением костей на столпах) указывает “Повесть временных лет”, конкретизируя при этом происхождение двух из них - радимичей и вятичей от ляхов на Висле (“то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами”) (ПВЛ, ч.1, М-Л, 1950, С.207-211).

Классические могильники колочинской культуры Лебязье-1, Картамышево-2 начинают функционировать не ранее VI в.н.э., хотя, как было установлено А.М.Обломским, протоколочинское население в Верхнем Посеймье появилось в конце IV в. или на рубеже IV - V в.н.э. (Обломский, 1996, С.68). Погребальные памятники позднекиевской и раннеколочинской традиций в регионе не известны, что, возможно, связано как со стадийным состоянием источниковедческой базы, и со временем “белые пятна” будут ликвидированы, так и с отражением определенных историко-культурных процессов. По мнению И.Вернера, хитаус в лесостепи и в лесной зоне Поднепровья-Подесенья в течение V в.н.э. связан с уходом племен “колочинско-тушемлинского и пеньковского типов” в Подунавье. Лесостепные районы, оставленные около 400 г.н.э. носителями черняховской культуры, рассматриваются исследователем как первичная территория экспансии славян, позже появившихся на нижнем Дунае под именем антов и склавенов (Вернер, 1972, С.112-113). Эта идея развита в работах Д.А.Мачинского, который отмечает, что огромные массы славян, проникающих с севера, в Подунавье преимущественно фиксируются с VI в.н.э. (или со второй половины Vв. - по середину VIIв.) (Мачинский, 1981, С.38, 43, 1982, С.7). В этом плане интересны наблюдения Р.В.Терпиловского на многослойном поселении Роище в Подесенье, где зафиксированы слои киевской (IV - первая половина V в.н.э.), колочинской (VI - VII вв.) и волынцевской (конец VII - начало VIII в.) культур и отмечена “лакуна”, которая приходится на V в.н.э., что позволило исследователю сделать весьма существенный вывод: “киевская и колочинская культуры хотя и сближаются между собой особенностями домостроительства и отдельными формами керамики, по материалам данного поселения отчетливо разделяются” (Терпиловский, 1990, С.65). Кроме того установлено, что пеньковская культура формируется в западной части Днепро-Донского междуречья и позднее распространяется на Правобережье Днепра (Любичев, 1994), следовательно, ее носители должны были устремиться на запад в V в.н.э. На пеньковских памятниках выделены к настоящему времени комплексы рубежа IV - V в. (или первой половины V в.н.э.) по чер-

няховской гончарной керамике и изделиям провинциально-римского круга, а также VI - VII в. (по пальчатым фибулам, геральдической поясной гарнитуре).

Археологические материалы позволяют предположить незначительную заселенность региона на протяжении второй половины V в. - первой половины VI в., подтверждая гипотезы, согласно которым центром притяжения всего славянства этого времени, в том числе и его юго-восточной группы - антов, с которыми идентифицируются всеми исследователями носители пеньковской культуры, было Подунавье.

В связи со средоточением многочисленных славянских группировок в Подунавье и некоторым запустением районов лесостепи Днепра и Дона в V - VI вв. сюда начинают проникать кочевнические группировки, о чем свидетельствует погребение 4 с деформированным черепом на черняховском могильнике Сумы-Сад (рис.1), относящееся к V - VI вв. (Некрасова, 1985, С.279-280, Гороховский, 1988).

В конце 540-х гг., по мнению Д.А.Мачинского часть антов из Подунавья уходит на свою основную территорию, в конце VI - начале VII в. области Подунавья из-за нарушенной системы военных походов с целью захвата богатств и пленных становятся менее привлекательными для славян (Мачинский, 1981, С.42-43). После 602 г. анты исчезают со страниц исторических сочинений византийских авторов. Анализ "антских кладов", проведенный О.А.Щегловой, показал, что они содержат вещи, датируемые в хронологических рамках конца VI - первой трети VII в, истоки которых связаны с участием каких-то групп населения рассматриваемого региона в походах на Византию (Щеглова, 1990, С.180). Неслучайно, в погребениях этого периода встречены оружие, детали престижных поясных наборов, фибулы.

Таким образом, второй причиной появления общинных некрополей VI - конца VII в.н.э. явился значительный приток населения в регион.

Анализ керамики и погребального обряда колочинских могильников позволяет предположить, что они оставлены различными этнографическими группами, участвующими в генезисе колочинской культуры - пришлыми славянами и местным антским или родственным ему населением. В пользу предложенной атрибуции свидетельствуют: находки "антских кладов" не только в ареале пеньковской культуры, которая традиционно и прочно связывается с антами (Седов, 1982, С.19-28; Приходнюк, 1989, С.58-70; 1985), но и в колочинском ареале, в том числе и на колочинских поселениях Мена, Б.Будки, Суджа, Трубчевск, Гапоново, ряд категорий вещей круга

“древностей антов” был обнаружен также в колочинских погребениях (детали ременных наборов, височные кольца, браслеты, трапециевидные подвески и пр.). Известно, что письменные источники локализуют антов от Днестра до Днепра (Иордан VI в.) и к северу от утигуров, живших до Танаиса (Прокопий Кесарийский, VI в., Свод древнейших письменных известий о славянах (I-VI вв.), 1994, С.109, 201), но не указывают северную границу земель антов, которая по данным распространения “антских кладов” конца VII в.н.э. практически совпадает с северной границей лесостепи в Днепро-Донском междуречье (рис.2). Лесостепные колочинские и пеньковские памятники имеют общую подоснову, в качестве которой выступают памятники киевской культуры и киевско-черняховской контактной зоны. Наиболее ранние захоронения пеньковской и колочинской культур в Великой Андрусовке-3 на р.Тясмин и в Авдеево на р.Сейм, датирующиеся VI в.н.э. идентичны по археологической структуре и инвентарю, что позволило В.Н.Даниленко атрибутировать захоронения в Великой Андрусовке-3 как колочинские, а Е.А.Горюнову проследить в них колочинские черты (Даниленко, 1976, С.88; Горюнов, 1981, С.60). В могильниках Великая Андрусовка-3 и Авдеево найдены пряжки В-образной формы с рифлением и с насечками, среднеевропейского происхождения (Бажан, Каргапольцев, 1988, С.28-35; Седов, 1994, С.298). Аналогичные пряжки распространены в районе Понеманья - Подвинья, в ареале культуры длинных курганов (Седов, 1994, С.299, рис.108). Элементы обряда кремации погребений в Великой Андрусовке-3 и в Авдеево также находят соответствия в погребальных памятниках северо-западных территорий (длинные курганы, грунтовые захоронения культуры длинных курганов в Акатово) (Седов, 1982, С.50, Шмидт, 1963, С.4-67). Это может свидетельствовать об общих культурных и генетических связях населения пеньковской и колочинской культур лесостепного Днепро-Донского междуречья с обширным северо-западным этнокультурным массивом. Эти связи выглядят отчетливее, если рассмотреть погребальные системы этих культур и степень их сходства с колочинской. В тушемлинско-банцеровскую выборку отобраны два могильника: Акатово и Узмень, в которых исследовано 71 погребение VI-VII вв (Минасян, 1979, С.169-189; Шмидт, 1963 С.4-67).

Для погребений отмечены грунтовые ямы усеченно-конической формы, диаметром 0,3-0,6 м и глубиной 0,2-0,6 м. Останки кремации находились на дне ямы (70%) или в урне (30%), иногда урны прикрывались перевернутым сосудом. Во всех захоронениях зафиксированы остатки погребального костра, инвентарь имеется в 6% погребений.

В четырех погребениях Узменьского могильника найдены бронзовые височные кольца, обломок браслета, проволока, а также биконическое пряслице. В 93% погребений какие-либо ритуальные действия не прослежены, только в пяти погребениях Узменьского могильника найдены фрагменты сосудов.

Сводка погребальных памятников корчакского типа наиболее полно представлена в работе И.П.Русановой, где имеются сведения о 18 могильниках, на которых исследовано свыше 20 погребений (Русанова, 1973, С.26-30). Одиночные погребения в Вилах, Шумске, Барашевке, Тетеревке, Папирии - урновые, с пережженными костями вместе с золой и углем, то есть с неочищенными остатками сожженных. В Хорске и Хотомели перевернутые вверх дном сосуды прикрывали скопления костей, пепла и угля. В Корчаке-IX в урне находились очищенные кости, а остатки погребального костра были сыпаны на дно ямы. В могильниках Шумск, Тетеревка, Хорск исследованы ямные погребения с костями, угольками и фрагментами керамики (Русанова, 1973, С.37).

Погребения пражско-корчакской культуры представлены не только "исключительно урновыми с костями, тщательно очищенными от остатков погребального костра", а колочинские - "безурновыми с углем и золой" (Русанова, 1976, С.83), археологическая структура тех и других погребений имеет много общих элементов. Деревянные погребальные сооружения колочинских могильников имеют аналогии в курганах третьей четверти - конца I тыс.н.э. Днепровского Правобережья (Межирички, Мирополь, Большие Горба, Миляковичи, Радость). Под насыпями курганов исследованы деревянные погребальные сооружения столбовой и срубной конструкции, размерами 1,6 x 0,8м, 2 x 2,4м, 2,6 x 1,8м, 3,2 x 3,6м, 4 x 4м, ориентированные по линии З-В или СЗ-ЮВ, в которых находились ямы с прежженными костями или кострища с остатками сожжений. По назначению сооружения делятся на две группы: первая - сооружения, в которых совершали кремацию, а в последующем преобразовывали в погребальные, иногда выкапывая дополнительную ямку для костей, вторая - только погребальные сооружения. В Миляковичах в основании насыпи кургана сохранилась прямоугольная канавка от деревянного погребального сооружения, шириной 10-30 см, глубиной 10-15 см, размером 2 x 2,8 м, ориентированная по линии З-В. В терминах, используемых авторами раскопок при обозначении погребальных подкурганных сооружений "камера", "гробовище", подчеркивается их отличие от прямоугольных оградок (Русанова, 1973, С.39-47). Тождественность в конструкции, размерах, ориентировки погребальных

сооружений колочинских могильников третьей четверти I тыс.н.э. и пражско-корчакских курганных могильников указывает на общность погребальных традиций населения лесостепного Днепро-Донского междуречья и славян Правобережья Днепра.

Небезынтересно будет также отметить некоторые черты сходства погребальных традиций колочинского населения и носителей культуры длинных курганов. В насыпях длинных курганов известны погребальные площадки, на которых располагались захоронения. При исследовании насыпей курганов в Линдора было установлено, что первоначально была сооружена погребальная площадка прямоугольной формы, окруженная ровиком, где затем были совершены три безынвентарных захоронения, а уже после возведена насыпь. В некоторых курганах в одном захоронении найдены останки кальцинированных костей двух одновременно сожженных умерших. Также как и в колочинских могильниках отмечена различная степень сжигания кальцинированных костей, большинство захоронений в материковых ямах содержит значительное количество слабообожженных костей плохой сохранности. В центре насыпей некоторых курганов известны деревянные погребальные сооружения (Рысна-Сааре-I, к.1, Лаоссина-II, к.11). На основании изучения погребального обряда населения культуры длинных курганов на территории юго-восточной Эстонии М.Э.Аун пришла к заключению, что в этом районе курганы пришли на смену грунтовым захоронениям на специальных погребальных площадках (Аун, 1981б С.17-22). Грунтовые захоронения культуры длинных курганов известны во многих местах: оз.Съезжее, Кобылья, Толова, Лезки, Заозерье, Шугайлово, Кислая. Кальцинированные кости помещались в глиняные лепные урны или небольшие ямки в материке. В большинстве погребений могильника Съезжее кальцинированные кости были очищены от углей, и только в одном кости находились вместе с угольками. Диаметры ямок - 0,2-0,3м, глубина до 0,3м. Инвентарь включает: бусы, железный нож, фрагменты бронзового браслета и оплавленные кусочки бронзы (Носов, 1981, С.65-66). Сходство погребальных систем колочинской культуры и КПДК (культура псковских длинных курганов) может быть еще более весомым, если учесть данные о принадлежности к Колочину курганных могильников типа Кветунь-Артюшково (Артишевская, 1963, С.92; Енуков, 1994, С.6-12). В первом, под насыпью кургана 21, исследована деревянная погребальная камера, а во втором - остатки кремации, кости и уголь, были рассеяны непосредственно по насыпи, что является характерной особенностью длинных курганов.

Таким образом, структуры погребений колочинской, пражско-корчакской, тушемлинско-банцеровской культур и КПДК близки между собой, что обусловлено, по-видимому, не только спецификой обряда кремации, заключающейся в конвергентности многих его элементов и проявлений, но и генетической близостью, если не всего населения этих культур, то по крайней мере, некоторых группировок, оставивших погребения по обряду трупосожжения. Общность погребальных традиций в рамках колочинской, тушемлинско-банцеровской и КПДК может быть объяснено родственным компонентом, участвующим в генезисе этих культур. Н.В.Лопатин и А.Г.Фурасев высказали предположение о формировании культуры Тушемли-Банцеровщины и КПДК на основе киевских древностей (Лопатин, Фурасев, 1994, С.136-142). В.В.Седов объясняет близость этих культур миграцией в их ареалы славянской группировки из Повисленья в середине I тыс.н.э. (Седов, 1995, С.211-229). Население колочинской культуры, родственное пеньковскому - антам - юго-восточной группе славянства конца IV - начала VII в.н.э., являлось составной органичной частью обширного этнокультурного массива Восточной Европы, непосредственно связанного с формированием восточнославянской общности во второй половине I тыс.н.э.

Помимо пеньковско-колочинского населения в регионе в ранне-средневековый период присутствовали и инородные этнические группировки, связанные с кочевнической средой степного юга, о чем можно судить по погребениям с труположениями VII в.н.э. в Березовке и Рябовке (Брайчевский, 1950, С.44, Обломский, Терпиловский, 1993, С.167-170), поселенческому материалу (юртообразные постройки на пеньковских селищах Осиповка, Чернечина), по гончарной керамике пастырского типа (Приходнюк, 1990, С.74-77; Горюнов, 1981, С.81-82).

Резкое изменение этнокультурной ситуации в регионе в конце VII в.н.э. диагностируют местонахождения, известные как "антские клады". По мнению О.А.Щегловой, клады были зарыты вследствие военной угрозы со стороны степей, где активизировались болгары, продвижение которых к северу, в пределы расселения славян, отражает и появление серии погребений кочевой знати середины VII в. в Среднем Поднепровье (Малое Перещепино, Макуховка, Зачешиловка рис.2) (Щеглова, 1990, С.181).

На рубеже VII-VIII в.н.э. - первой половине VIII в.н.э. на юго-востоке региона, преимущественно на Северском Донце, появляется значительный массив тюркоязычного населения, оставившего погребения с трупосожжениями, исследованные в Сухой Гомольше, Ново-

покровке, Пятницком, Маяках, Красной Горе, Бондарихе, Кочетке, Вербовке, Тополях, Мохначе (Михеев, 1986, С.158-173; Кухаренко, 1952, С.33-50, Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1978; С.303-304, Михеев, 1985, С.11-12, 121, Крыганов, 1986, С.356, Плетнева, 1967, С.101, Дегтярь, 1981, С.78-80). В это же время с запада, с Правобережья Днепра, начинают распространяться сахновские комплексы, маркирующие, с одной стороны, конец существования колочинских и пеньковских памятников, с другой, - начало формирования новой этнокультурной общности - сахновско-волынцевского типа.

О судьбе местного населения косвенно свидетельствуют материалы могильника Лебяжье-3, трупосожжения которого по археологической структуре идентичны колочинским, что допускает преемственность обряда кремации, возможную только при включении некоторых групп колочинского населения в процесс формирования этнокультурной общности сахновско-волынцевского типа. Это предположение подтверждается материалами поселений, где в волынцевских комплексах зафиксирована пеньковско-колочинская керамика (Роище, Волынцево) (Терпиловский, 1990, С.64; Юренко, 1982, С.337), а также материалами Дмитриевского могильника, запечатлившими анто-славяно-болгарский симбиоз периода ломки этнокультурных структур и смены археологических культур на рубеже VII - VIII в.н.э. - первой половине VIII в.н.э., когда пережиточные пеньковско-колочинские группировки вступили в контакт с двумя иноэтничными массивами - западным, представленным памятниками типа Сахновки, и восточным, носителями салтово-маяцкой культуры.

Итак, финал пеньковской и колочинской культур связан с появлением в лесостепном Днепро-Донском междуречье двух иноэтнических массивов, в восточную часть региона вследствие экспансии Хазарского каганата вторгается население салтово-маяцкой культуры, а западные и северо-западные районы занимает славянское население - носители памятников типа Сахновки, близких к ранней культуре Лука-Райковецкая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование погребальных памятников с кремациями с рубежа II-III вв.н.э. по VIII в.н.э. с целью реконструкции этнокультурной истории населения лесостепного Днепро-Донского междуречья позволяет сделать ряд выводов, касающихся характеристики данного археологического источника, методов его обработки и этно-социоинформативности.

Источниковой базой исследования явились материалы 34 могильников пяти археологических культур. Согласно задачам исследования и требованиям к формированию статистических выборок, в классификационную выборку было отобрано около 500 комплексов с кремациями. С целью обработки такого массива данных мы прибегли к методам формализации и статистической обработки, разработали список признаков для описания погребений с трупосожжениями. Результаты формализации представлены в виде кодировочных таблиц погребений.

Для сравнения погребальных комплексов пяти культур была выработана общая классификационная схема для погребений с остатками кремаций. В основе ее лежит структура обряда кремации, состоящая из 5 элементов: погребальное сооружение - останки погребенного - остатки погребального костра - инвентарь - другие ритуальные действия. Последовательность этих элементов определена в соответствии с этапами археологического изучения погребений с кремациями. Пять элементов археологической структуры обряда кремации положены в основу таксономических уровней классификации, нижним таксоном которой является тип погребения, представляющий собой целокупность определенных признаков, дающих устойчивую структуру погребения и соответствующих основным элементам обряда кремации как исторического явления. Для киевской, черняховской, пеньковской, колочинской, волынцевской культур получены типологические спектры, позволяющие проводить сравнительный анализ структуры погребений второй-третьей четверти I тыс.н.э.

1. Было установлено, что погребальный обряд носителей колочинской и пеньковской культур лесостепного Днепро-Донского междуречья сформировался в результате синтеза двух традиций - киевской и черняховской (пшеворский компонент).

2. Фиксируемая по материалам могильников Лебяжье-I и Лебяжье-III преемственность погребального обряда населения лесостепного Днепро-Донского междуречья в VII - VIII вв. свидетельствует о включении носителей колочинской культуры в процесс формирова-

ния новой этнокультурной общности - сахновско-волынцевского типа.

3. Анализ этноинформативных признаков археологических комплексов с кремациями показал, что наиболее существенны: особенности погребального устройства, характер инвентаря и лепная посуда.

4. Погребальные комплексы с кремациями со славянскими признаками выделены на черняховских некрополях Среднего Поднепровья, где они связаны с пшеворской традицией, носители которой, наряду с киевским населением приняли участие в формировании пеньковской и колочинской культур, соотносимых с антами конца IV - начала VII в.н.э. письменных источников. Эти комплексы отсутствуют на биритуальных могильниках, функционировавших в последней четверти IV в.н.э., на которых открыты исключительно трупосожжения с германскими признаками.

5. Погребальные комплексы с кремациями, которые можно соотносить со славянами письменных источников, в лесостепном Днепро-Донском междуречье появляются в VI в.н.э. Этническая атрибуция этих комплексов установлена по сопряженности главных индикаторов: лепной керамике (сосуды близкие к пражскому типу), женским украшениям (височные кольца), деталям костюма (однофибульная одежда, характерная для славян), (И.Вернер, 1972, С.104-111), по характеру и элементам погребального обряда (кремация, парность захоронений, деревянные погребальные конструкции). Этноопределяющий комплекс этих признаков остается устойчивым и в славянских культурах более позднего времени рассматриваемого региона (сахновско-волынцевская, роменско-боршевская).

6. Общие модели погребального обряда носителей колочинской, пеньковской и пражско-корчакской культур, вероятно, свидетельствуют об их генетической близости и об общих заимствованиях в черняховской культуре и во время Дунайских походов.

7. В основу социального анализа, ориентированного на выяснение тенденций социального развития населения второй-третьей четверти I тыс.н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья положены количественный и качественный состав инвентаря, эволюция моделей кремаций (трупосожжение на стороне, трупосожжение на стороне с разведением ритуального кострища на месте, трупосожжение на месте), погребальных устройств, обусловленных социальной средой, к которой принадлежал умерший. Установлен последовательный характер развития социальных структур в рамках киевской, колочинской и пеньковской, волынцевской общностей, косвенно свидетель-

ствующий о сохранении этнической преемственности населения рассматриваемого региона, представленного памятниками указанных культур.

8. Для изучения этнокультурных процессов в регионе большое значение имеет определение хронологии погребальных памятников. Начало и финал функционирования могильников диагностируют изменения в этноструктуре, появление новых этнических группировок.

9. Исследование погребальных памятников с кремациями второй-третьей четверти I тыс. н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья свидетельствует об определенной этнической преемственности населения этого региона с рубежа II - III вв. н.э. - по VIII в. н.э., непосредственно связанного с развитием восточнославянской общности; появление иноэтничных группировок на рассматриваемой территории характеризуется существенными трансформациями погребальной обрядности - распространением биритуальных могильников и погребений с ингумациями. Формировавшиеся в регионе на протяжении второй-третьей четверти I тыс. н.э. этнокультурные образования имели недолговечный характер, обусловленный спецификой эпохи великого переселения народов, когда передвижения и перетасовки этнических группировок, миграции и войны не способствовали плавному, эволюционному развитию населения. В указанный период времени неоднократно происходили ломки сложившихся этнокультурных структур. Первая связана с вторжением носителей черняховской культуры в основном германских племен готы-гепидов в середине III в. н.э. и фиксируется по прекращению функционирования киевских могильников и распространению черняховских некрополей. Вторая приходится на конец IV в., когда гуннское нашествие повлекло за собой отход готов в Подунавье, а освободившиеся земли стали первичной зоной экспансии киевских племен лесной зоны, явившихся определяющим компонентом раннесредневекового населения (антов письменных источников), оставившего памятники колочинского и пеньковского типов. В конце третьей четверти I тыс. вновь происходит серьезная трансформация этнокультурных структур, вызванная военной экспансией болгар, а позже Хазарского каганата и продвижением в регион славян с Правобережья Днепра.

10. Мощный переселенческий поток славян с запада, с Правобережья Днепра, приходится на время с рубежа VII - VIII в. - до конца VIII в., в течение которого они достигают лесостепного Подонья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Березовец Д.Т. Дневник раскопок в с.Волынцево Путивльского района Сумской обл. в 1948 году // п1948/16.-ф.п1834.-НА ИА НАНУ.

Гончаров В.К., Махно Е.В. Отчет о раскопках 1954г. на Переяслав-Хмельницком могильнике // 1954/7.-НА ИА НАНУ.

Горюнов Е.А. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР в 1978г. // №р-1/ 7183.-НА ИА РАН.

Горюнов Е.А. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР в 1979г. // №р-1/ 7561.-НА ИА РАН.

Горюнов Е.А., Горюнова В.М. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛО ИА АН СССР в 1980г. // №р-1/ 9264.-НА ИА РАН.

Енуков В.В. Отчет о раскопках на территории Курской обл. в 1994г. // НА ИА РАН.

Кропоткин В.В. Отчет об археологических раскопках Кременчурского отряда Приднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1968г. // №р-1/4284.-НА ИА РАН.

Липкинг Ю.А. Отчет о раскопках разрушающегося могильника I тыс.н.э. близ хутора Княжий под г.Суджей в 1964г. // №р-1, 2937.-НА ИА РАН.

Липкинг Ю.А. Отчет о раскопках разрушающегося могильника близ села Лебяжье под Курском в 1965 // №р-1, 3258.-НА ИА РАН.

Липкинг Ю.А. Отчет о разведках на памятниках Лебяжье-3 и Лебяжье-4 под г.Курском в 1968г. // №р-1, 3784.-НА ИА РАН.

Махно Е.В. Звіт за Кантемирівську археологічну експедицію 1948р.-Київ, 1949 // №1948/12.-НА ИА НАНУ.

Махно Е.В. Отчет о раскопках на Сумском могильнике черняховского типа // №1960/12.-НА ИА НАНУ.

Махно Е.В. Отчет о раскопках 1960г. на Компаниевском могильнике // №1960/3а.-НА ИА НАНУ.

Махно Е.В. Отчет о раскопках 1961г. на Компаниевском могильнике // №1961/46.-НА ИА НАНУ.

Медведев А.П., 1993, Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского университета о работах в 1993.- Воронеж, 1993 // Музей археологии ВГУ.

Сикорский М.И., Махно Е.В., Бузян Г.Н. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции за 1978 год // №1978/85.-НА ИА НАНУ.

Сикорский М.И., Махно Е.В., Бузян Г.Н. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции за 1980 год // №1980/109.-НА ИА НАНУ.

Сикорский М.И., Махно Е.В., Бузян Г.Н. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции за 1981 год // №1981/92.-НА ИА НАНУ.

Сикорский М.И., Махно Е.В., Бузян Г.Н. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции за 1982 год // №1982/117.-НА ИА НАНУ.

Сикорский М.И., Махно Е.В., Бузян Г.Н. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции за 1983 год // №1983/157.-НА ИА НАНУ.

Сикорский М.И., Махно Е.В., Бузян Г.Н. Отчет о работе археологической экспедиции Переяслав-Хмельницкого историко-культурного заповедника // №84/150.-НА ИА НАНУ.

Сикорский М.И., Махно Е.В., Бузян Г.Н. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции за 1985 год // №1985/125.-НА ИА НАНУ.

Тихомиров Н.А. Отчет об охранных исследованиях Курского областного краеведческого музея возле с.Гочево в Беловском р-не Курской области в 1986г. // Музей археологии г.Курска.

Тихомиров Н.А. Отчет об исследованиях Курского областного Краеведческого музея возле с.Лебяжье в 1989г. // Музей археологии г.Курска.

Рутковская Л.М. Отчет о раскопках у с.Благовещенка Запорожской обл. в 1968г. и у с.Жовнино Черкасской обл. в 1970 // №1968-70/13.-НА ИА НАНУ.

Рутковская Л.М. Отчет о раскопках Жовнинского отряда в с.Жовнино в 1971 // №1971-70/10.-НА ИА НАНУ.

Рутковская Л.М. Отчет о раскопках могильника в урочище. Пристань с.Жовнино в 1972-73гг. // №1972-73/113.-НА ИА НАНУ.

Рутковская Л.М. Отчет о работе археологической экспедиции в г.Градижске в 1975г. // №1975-140.-НА ИА НАНУ.

Литература

Абашина Н.С., Гороховський Е.А. Керамика пізньюзаруби-
нецького поселення Обухів III // Археологія.-1975.-№18.

Акимова Л.И. Об отношении геометрического стиля к обряду кремации // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд.-Л., 1990.-С.228-237.

Алексин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ.-Л., 1986.-191с.

Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // С.7.-1968.-№2. С.35-46.

Алексеева Т.И. Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями черняховской культуры // СА.-1975.-№1-С.264-270.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, вып.Г1-12.-М., 1975.-94с.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР.-М., 1966.

Амброз А.К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи.-МИА.-1970.-№176.-С.70-75.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА.-1971.-№2.-С.118-120.

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV - VII вв. // Средневековые древности Евразийских степей.-М., 1980.-С.3-56.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V - VII вв.-М., 1989.-130с.

Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории.- М., 1967.-С.29-69.

Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России.-Л.,-1971.-С.18-31.

Арциховский А.В. Курганы вятичей.-М., 1930.-221с.

Артишевская Л.М. Могильник раннеславянского времени на Десне // МИА.-1963.-№108.-С.85-96.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие.-М., 1989.-247с.

Аун М.Э. Развитие курганного обряда в юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс.н.э. // КСИА.-1981.-№166.-С.17-22.

Бажан И.И., Каргапольцев С.Ю. В-образные рифленные пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА.-1989.-№198.-С.28-35.

Баран В.Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу.-К., 1981.-263с.

Баран В.Д. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепной зоны Восточной Европы в первой половине I тыс.н.э. // Древние славяне и Киевская Русь.-К., 1989.-С.45-51.

Баран В.Д. Слов'яни та анти у світлі нових археологічних джерел // Збірник до 100-річчя 3 дня народження В.П.Петрова.-К., 1993.

Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області // АП.-К., 1952.-Т.ІІІ-С.248-249.

Березовець Д.Т. До питання про літописних сіверян // Археологія-1953.-Т.8-С.25-26.

Березовець Д.Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі у 1949-1950рр. // АП.-К., 1955.-Т.V.-С.54-56.

Березовець Д.Т. Северяне (перед образованием Киевской Руси): Автореф. дис.... канд. ист. наук.-М., 1969-27с.

Березовець Д.Т. Могильники уличів в долині р.Тясмин // Слов'яноруські старожитності.-К., 1969.-С.58-71.

Березовець Д.Т., Петров В.П. Лохвицкий могильник // МИА.-1960.-№82.-С.84-99.

Березовець Д.Т. Черняховская культура и культура славянских племен VI-VIII вв. // КСИА.-1970.-№121.-С.15-17.

Буданова В.П. Готы в эпоху великого переселения народов.-М., 1990.-С.232.

Бунятия Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.)-К., 1985.-227с.

Буйнов Ю.В., Дьяченко А.Т., Шрамко Б.А. Работы на новостройках Харьковской области // АО. 1977.-1978.-С.303-304.

Буров В.А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // СА.-1996.-№1.С.122-132.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса.-М., 1983-412с.

Брайчевський М.Ю. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI-VIII ст // Археологія.-Т.4.

Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов // СА.-1972.-№4.-С.102-115.

Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона-Воронеж, 1984.-192с.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII - начало XI века).-Воронеж, 1995.-166с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА.-1973.-№1.-С.114-136.

Генинг В.Ф., Борзунов В.П. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вестник

археологии Уральского университета.-Свердловск, 1975.-вып.13.-С.42-72.

Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии.-Ижевск, 1976.-С.3-36.

Генинг В.Ф. Археологическая культура - социально-исторический организм - центральные категории познания археологии (к разработке теории археологической культуры) // Исследования социально-исторических проблем в археологии.-К., 1987.-С.6-35.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры.-М., 1988.-240с.

Гончаров В.К., Махно Е.В. Могильник черняхівського типу біля Переяслав-Хмельницького // Археологія.-Т.ХІ.-Київ., 1957.-С.127-144.

Горюнов Е.А. Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V -начале VIII вв. // СА.-1973.-№4.-С.48-49.

Горюнов Е.А., Исследования в Курской обл. // АО.1979.-1980.-С.50-51.

Горюнов Е.А. Исследования в Курской обл. // АО.1980.-1981.-С.48.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья.-Л.,-1981.-134с.

Горюнов Е.А., Казанский М.М., Усова Т.А. О работе Днепровской Левобережной экспедиции // АО.1978.-М., 1979.-С.57-58.

Горюнов Е.А., Усова Т.А. Два новых памятника черняховской культуры в Левобережье Днепра // СА.-1974.-№4.-С.257-279.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья.-МИА.-1961.-№94.-264с.

Гороховский Е.А. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины.-К., 1982.-С.127-131.

Гороховский Е.А. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов.-К., 1988.-Т.4.-С.34-46.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли.-Л., 1990.-526с.

Данилевич В.Е. Раскопки курганов около с.Буг, Березовка Ахтырского уезда Харьковской губернии // Труды XII АС.-СПб, 1905.-Т.1.-С.428.

Даниленко В.Н., Дудкин В.П., Круц В.Д. Археолого-магнитная разведка в Киевской области // АИУ.-К.,-1967.-вып.1-С.210-214.

Даниленко В.М. Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія.-1976.-№19.-С.65-92.

Дегтярь А.К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье // Вестник Харьковского университета.-Харьков, 1981.-№214.-С.78-80.

Довженко В.И. Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточнославянских племен // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР.-М., 1969.-С.28-39.

Дубов И.В. "Домики мертвых" ярославских могильников // Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР.-Л., 1977.-С.120-123.

Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей.-М., 1990.-С.262.

Железняк И.П. Журко А.М. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье // СА.-1994.-№4.-С.207-218.

Иванов В.В. Проблема реконструкции общеиндоевропейского погребального обряда и ритуального текста // СА.-1987.-№3.-С.270.

Иванов В.В. Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд.-1990.-С.5-11.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // САИ.-вып.Е1-36.-2.-М.-Л., 1966.-146с.

Клейн А.С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интерграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // СЭ.-1988.-№4.-С.13-23.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн - Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.-Харьков, 1956.-347с.

Колесников А.Г. Некоторые вопросы половозрастной стратификации позднетрипольского населения Среднего Поднепровья (по материалам могильников софиевского типа) // Археология и методы исторических реконструкций.-К., 1985.-С.152-168.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями первой половины VI в.н.э. в Среднем Поднепровье // САИ.-вып.Е1-43.-1978.

Кравченко Н.М. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П.Петрова и Н.М.Кравченко в 1961-64гг.) // МИА №196, 1967.-С.77-136.

Кравченко Н.М. К вопросу о происхождении некоторых типов погребального обряда трупосожжения на черняховских могильниках // КСИА.-1970.-№121.-С.44-51.

Кравченко Н.М., Гороховский Е.А. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья I тыс.н.э. // СА.-1979.-№2-С.51-69.

Кравченко Н.М. Исследование славянских памятников на Стугне // Славяне и Русь.-К., 1979.-С.74-92.

Кравченко Н.М. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры // Исследования социально-исторических проблем в археологии.-К., 1987.-С.209-227.

Кравченко Н.М. К изучению восточнославянской общины (по материалам археологических исследований в Среднем Поднепровье) // Труды V международного конгресса археологов-славистов.-К.,-Т4.-1988.-С.126-134.

Круц В.А., Телегин Д.Я. Из работ Киевской экспедиции 1965-66 гг. // АИУ.-1967.-вып.1.-С.9.

Крыганов А.В. Красногорский биритуальный могильник салтовомаяцкой культуры // АО.1985.-1986.-С.356.

Кухаренко Ю.В. Новопокровський могильник і поселення // Археологія.-Т.VI.-Київ., 1952.-С.33-50.

Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин.-М., 1980.-128с.

Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА.-1977.-№48.-С.24-30.

Лебедев Г.С. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры // КСИА.-1981.-№166.-С.22-28.

Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А. Погребение как объект формального анализа // КСИА.-1977.-№148.-С.16-23.

Лесман Ю.М. К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности // ПАВ-1993.-№6.-С.98.

Липкинг Ю.А. Могильники третьей четверти I тыс.н.э. в Курском Посеймье // РВД.-Л.,-1974.-С.136-152.

Липкинг Ю.А. Замощанская Дюна под Суджей // Могильники черняховской культуры.-М., 1979.-С.5-8.

Лопатин Н.В. Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // КСИА.-1989.-№195.-С.9-15.

Луцкевич І. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської обл. // Археологія.-Т.2., 1948.-С.165.

Ляпушкин И.И. Памятники культуры "полей погребений" первой половины Левобережья Днепра // КСИИМК Т.33.-М., 1950.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА.-1961.-№104.-383с.

Ляпушкин И.И. Славянские памятники Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА.-1968.-№152.-325с.

Ляпушкин И.И. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р.Ворсклы // КСИИМК.-1947.-Т.XVII.-С.128-129.

Любичев М.В. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя. Автореф дис... канд. истор.наук.-Харьків, 1994.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III-V вв.н.э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли - Банцеровщины // ПАВ.-1994.-№9.-С.136-142.

Магомедов Б.В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине.-К., 1977.-С.111-123.

Максимов Е.В., Орлов Р.С.Поселение и могильник второй четверти I тыс.н.э. у с.Казаровичи близ Киева // РВД.-Л., 1974.-С.11-21.

Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906г. // ИАК.-1907.-вып.22.-С.38-90.

Мартынов В.В. Трizza и страва // Конференция: Балтославянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов.-М., -1985.-С.56-57.

Март Н.Я. Этно- и глотогония Восточной Европы // Избранные работы.-М.-Л., 1935.-Т.5.

Мачинский Д.А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей.-М., 1981.-С.31-52.

Мачинский Д.А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья.-Л., 1982.-С.7-24.

Махно Е.В. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань // АП.-Т.ІІІ.-1952.-С.231-241.

Махно Е.В. Памятники черняховской культуры на территории СССР // МИА.-1960.-№82.-С.10-83.

Махно Е.В., Рутковская Л.М.Разведка 1966г. в Полтавской обл. // АИУ в 1965-66гг.-вып.І.-К., 1967.-С.217-222.

Махно Е.В. Могильник черняховского типа в городе Суме // МИА.-1967.-№139.-С.28-34.

Махно Е.В. Типи поховань та планування Компаніївського могильника // Середні віки на Україні.-вып.І.-Київ, 1971.-С.87-95.

Махно Е.В. Раскопки на могильнике черняховской культуры у с.Успенка // АО 1976.-1977.-С.334-335.

Махно Е.В. Раскопки Успенского могильника // АИУ в 1968.- вып. III.-К., 1976.-С.214-218.

Махно Е.В., Сикорский М.И., Бузян Г.Н. Могильник черняховской культуры у с.Соснова // АИУ в 1978-79 гг.-Днепропетровск, 1980.-С.135-136.

Махно Е.В. Раскопки на Компаниевском могильнике // Археологические исследования на Украине в 1978-79 гг.-Днепропетровск, 1980.-С.135.

Махно Е.В., Сикорский М.И. Анты и черняховская культура // VI международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов, подготовленных советскими исследователями.-М., 1990.-С.51-54.

Медведев А.П. О времени появления славян на Дону // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции).-Воронеж, 1993.-С.24-26.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата.-Харьков,-1985.-148с.

Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // СА.-1986.-№3.-С.158-173.

Минасян Р.С. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды Эрмитажа. Т.ХХ.-1979.-С.169-183.

Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э. - III в.н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. - I тыс.н.э.-М., 1974 - С.133-225.

Монгайт А.А. Археология Западной Европы. Т.2. Бронзовый и железный век.-М., 1974.-407с.

Москаленко А.Н. Городище Титчиха,-Воронеж, 1965.-310с.

Моця А.П. Трупосожжение и труположение у славян Среднего Поднепровья. Причины смены погребального обряда // Славяне и Русь.-К., 1979.-С.144-154.

Некрасова А.Н. Могильник черняховской культуры под г.Сумы // АО.1984.-1985.-С.279-280.

Некрасова А.Н. Могильник черняховской культуры у с.Боромля на Сумщине.-Сумы,-1990.-С.64-69.

Некрасова А.Н. О хронологических различиях черняховских древностей в Днепровском лесостепном левобережье // V Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации.-М., 1990.-С.62-64.

Никитина Г.Ф. Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА.-1966.-№4.-С.70-85.

Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полевой погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. - первой половине I тыс.н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. - I тыс.н.э.-М., 1974.-С.5-132

Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры.-М., 1985.-209с.

Носов Е.Н. К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры // КСИА.-1974.-№139.-С.8-13.

Носов Е.Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА.-1981.-№166.-С.64-69.

Обломский А.М. О критерии этнической однородности археологической общности // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология.-М., 1987.-С.100-104.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв.н.э.-Москва-Сумы, 1991.-287с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Новые погребения ранне-средневековых кочевников на Сумщине // Кочевники Урало-Казахстанских степей.-Екатеринбург,-1993.-С.167-170.

Обломский А.М. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА.-1996.-№4.-С.51-69.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА.-1995.-№2.-С.85-98.

Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития).-К., 1989.-288с.

Петров В.П. Масловский могильник на р.Товмач (по материалам раскопок П.И.Смоличева и С.С.Гамченко в 1926; 1928, 1929гг.) // МИА.-1964.-№116.-С.118-167.

Петров В.П. Етногенез слав'ян. Джерела, етапи розвитку та проблематика.-К., 1972.-214с.

Петренко Е.Н. Исследования черняховских памятников на Харьковщине // АО 1980.-М., 1981.-С.303.

Петренко Е.Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского Юго-Востока.-Воронеж, 1991.-С.10-26.

Петраускас О.В. Про культовий шар та поховання трупоспаленням на могильниках черняхівської культури // Археологія,-1993.-вып.2.

Петраускас О.В. Історія обряду кремації на території Середнього Подніпров'я у I тис.н.э.-Автореф. дис. ... канд.істор.наук.-К., 1993.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА.-1967.-№142.-198с.

Плетнева С.А. Работа Северодонецкого отряда // АО.1967.-М., 1968.-С.62.

Плетнева С.А. Работа Левобережного Днепровского отряда // АО.1970.-1971.-С.72-73.

Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии.-М.,1972.-С.108-115.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс.-М., 1989.-288с.

Повесть временных лет.-Т.1.-М.-Л., 1950 - 404с.

Поболь Л.Д. Индоевропейские черты в археологических культурах железного века Белоруссии (к проблеме этногенеза славян) // IV Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации.-М., 1990.-С.68-71.

Приходнюк О.М. Об этнокультурной ситуации в Днепровском лесостепном пограничье во второй половине I тыс.н.э. // Проблемы этногенеза славян.-К., 1978-С.108-124.

Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст.н.е.-К., 1980.-150с.

Приходнюк О.М. Славянское население Юго-Восточной Европы V-VII вв. (пеньковская культура).-Киев, 1985.-Автореф. ... докт.ист.наук.-07.00.06.-32с.

Приходнюк О.М. О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья // КСИА.-1988.-№194.-С.68-74.

Приходнюк О.М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь.-Киев, 1989.-С.58-70.

Приходнюк О.М. Славяно-кочевнические связи в период раннего средневековья // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации.-М., 1990.-С.74-77.

Приходнюк О.М. Некоторые аспекты изучения войн между антами и готами времен Божа // История и археология Слободской Украины.-Харьков, 1992.-С.174-175.

Проблемная ситуация в современной археологии.-К., 1988.-288с.

Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв.н.э.-Кишинев, 1986-218с.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилежающего Подунавья в первых веках нашей эры.-М., 1975-336с.

Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между Днестром и Западным Бугом.-САИ.-1973.-вып.Е1-25.-100с.

Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа.-М., 1976.-216с.

Русанова И.П. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Материалы и исследования по археологии.-М., 1990.-С.119-151.

Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI-XIII вв. // СА.-1992.-№4.-С.50-67.

Рутковская Л.М. Раннесредневековые памятники Левобережья Днестра // АО 1969.-1970.-С.275-276.

Рыбаков Б.А. Нестор о славянских обычаях // МИА.-1970.-№176.-С.40-44.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян.-М., 1981.-607с.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси.-М., 1989.-783с.

Рычков Н.А. Статистический анализ погребального обряда ямной культуры // Теория и методы археологических исследований.-К., 1982.-С.111-136.

Самоковасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с.Гочева Обоянского уезда Курской губернии.-М., 1915.

Свод древнейших письменных известий о славянах (I-VI вв.)-М., 1994.-470с.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА.-1970.-№163.-200с.

Седов В.В. Ранние курганы вятичей // КСИА.-1973.-№135.-С.10-17.

Седов В.В. Длинные курганы кривичей // САИ.-1974.-вып.Е1-8.-68с.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян.-М., 1979.-155с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XII вв.-М., 1982.-327с.

Седов В.В. Проблема этногенеза славян в археологической литературе 1979-1985 гг. // КСИА.-1989.-№195.-С.3-9.

Седов В.В. Этногенез славян по археологическим данным. Факты и гипотезы // V Международный конгресс славянской археологии.-М., 1990.-С.80-86.

Седов В.В. Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд).-М., 1990.-С.170-182.

Седов В.В. Славяне в древности.-М., 1994.-344с.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье.-М., 1995.-416с.

Сікорський М.І., Савчук А.П. Переяславщина напередодні Київської Русі // Середні віки на Україні.-вып.1.-Київ., 1971.-С.140-147.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственной период.-К., 1990.-488с.ил.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э.-первой половине I тысячелетия н.э.-М., 1993.-328с.

Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА.-1964.-№4.-С.3-10.

Смирнов А.П. Погребальный обряд дьяковской культуры // СА.-1990.-№2.-С.51-61.

Спицын А.А. Поля погребальных урн // СА.-1948.-№X.-С.54.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья.-К., 1975.-167с.

Сухобоков О.В. До питання про пам'ятки волинцівського типу // Археологія.-1977.-вип.21.-С.50-67.

Сымонович Э.А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья // СА.-1955.-т.ХХIV.-С.306-311.

Сымонович Э.А. Раскопки городища Колочин-І в Южной Белоруссии // КСИА.-1959.-№77.-С.70-77.

Сымонович Э.А. Городище Колочин-І на Гомельщине // МИА.-1963.-№108.-С.97-138.

Сымонович Э.А. Северная граница памятников черняховской культуры // МИА.-1964.-№116.-362с.

Сымонович Э.А. Новые открытия на селищах Авдеево и Воробьевка-ІІ возле г.Курска // РВД.-Л., 1974.-С.153-158.

Симонович Е.А. Черняхівські горщики Подніпров'я // Археологія.-Київ,-1981.-№36.

Симонович Е.А. Черняхівська кераміка Подніпров'я // Археологія.-Київ,-1983.-№43.

Сымонович Э.А. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов // СА.-1983.-№1-С.91-99.

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ.-1983.-вып.Д1-22.-150с.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья.-К., 1984.-123с.

Терпиловский Р.В. Колочинская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР.-К., 1985.-С.93-98.

Терпиловский Р.В. Поселение I тыс.н.э. у с.Роище на Черниговщине // Раннеславянский мир.-М., 1990.-С.45-75.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры.-К., 1992.-224с.

Терпиловский Р.В. Новые исследования памятников колочинской культуры на территории Украины // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции)-Воронеж, 1993.-С.38-40.

Терпиловский Р.В. Слов'яни Подніпров'я у перший половині I тис.н.е. Автореф. дисс... докт. истор. наук. К., 1994.

Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В.

Поселения Гочево 1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья.-Курск., 1990.-С.43-78.

Тихомиров Н.А., Щеглова О.А. Раскопки и разведки у с.Гочево // АО 1986.-М., 1987.-С.94-95.

Тихомиров Н.А. Княжинский и Лебяжинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сборник научных трудов.-вып.1-Курск, 1990.-С.134-161.

Тиханова М.А. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры // МИА.-1941.

Тиханова М.А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА.-1957.-№4.

Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI-IX вв.н.э.-М., 1990.-184с.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.-М., 1962.-266с.

Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд.-Л., 1990.-С.12-47.

Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд.-Л., 1990.-С.119-127.

Третьяков П.Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен // V Международный съезд славистов. Доклад и сообщения.-М., 1958.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.-М.-Л., 1966.-308с.

Третьяков П.Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА.-1969.-№4.-С.78-90.

Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности.-Л., 1970.-156с.

Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен.-Л.,-1982.-143с.

Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины.-М., 1968.-289с.

Федоров Г.Б. Малаештский могильник: (памятники черняховской культуры в бассейне р.Прут) // МИА.-1960.-№82.-С.253-303.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии.-М., 1987.-216с.

Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников).-К., 1990.-304с.

Хвойка В.В. Поля погребений в Среднем Поднепровье // ЗРЛО, новая серия.-СПб., 1901.-Т.ХII.-вып.1-2.

Цолль-Адамикова Е. Деревянные конструкции в курганах с трупопожжениями у восточных и западных славян // СА.-1982.-№4.-С.82-90.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца.-Харьков, 1962.-402с.

Шрамко Б.А. Могильник у с.Павлюковка // Могильники черняховской культуры. -М., 1979.-С.9-12.

Щеглова О.А. Проблема формирования славянской культуры VIII-X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII - первой половины VIII вв.).-Л., 1987.-Автореф. дис. ... канд.ист.наук.-19с.

Щеглова О.А. О двух группах кладов "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сборник научных трудов.-Курск, 1990.-С.162-205.

Щукин М.Б. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // МИА Днепровского Левобережья. Сборник научных трудов.-Курск, 1990.-С.111-133.

Щукин М.Б. На рубеже эр.-СПб, 1994.-323с.

Этнокультурная карта территории УССР в I тыс.н.э.- К., 1985-184с.

Юренко С.П. Работы Волынцевского отряда // АО.1981.-1982.-С.337.

Юренко С.П. Днепровское Лесостепное Левобережье в VII-VIII вв.н.э. (волынцевская культура): Автореф. дис. ... канд.ист.наук.-К., 1983.-24с.

Юренко С.П., Сухобоков О.В. О погребальной обрядности носителей волынцевской культуры (по материалам Битицкого городища) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции).-Воронеж, -1993.-С.40-43.

Werner J. Die Fibeln der Sammlung Diergard.-Berlin, 1961.

Gedl M. Obiekty rowkowe na cmentarzyskach z okresu latenskigo i wczesnego okresu wplywow rzymskich w poludniowej Polsce // Przegląd Archeologiczny.-1985.-№33.-С.186-190.

Kempisty A. Obrzadek pogrebowy w okresie rzymskim na Mazowszu // Swiatowit.-Warszawa.-T.26.

Parczewski M. Die Anfange der fruhslawischen Kultur in Polen.-Wien, 1993.

Zoll-Adamikowa H. Wczesnosredniowieczne cmentarzyska cialopalne slowian na terenie Polski.-Cz.2.Analiza. Wnioski.-Wroclaw.-1979.-315c.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО - Археологические открытия.

АП - Археологічні пам'ятки УРСР.

АС - Археологический съезд.

АИУ - Археологические исследования на Украине.

АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

РАО - Записки Русского археологического общества. М.

ИА - Институт археологии.

ИИМК - Институт истории материальной культуры.

КСИА - Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.

НА ИА НАНУ - Научный архив Института Археологии Национальной Академии наук Украины.

НА ИА РАН - Научный архив Института Археологии Российской академии наук.

ПАВ - Петербургский археологический вестник.

РА - Российская археология.

РВД - Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.1974.

САИ - Свод археологических источников.

СА - Советская археология. М.

СЭ - Советская этнография. М.

Классификационная схема для погребений с трупосожжениями
2-3 четверти I тыс. н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья

Таксономические единицы классификации	Элементы структуры обряда кремации	Признаки археологической структуры погребения	Коды признаков
Отделы (Разряд I, Совокупность 1.1. Разряд II, Совокупность 2.1)	I Погребальное сооружение II Останки погребенного	1. оставлены на кострище	2.1.1
		2. отобраны с кострища и размещены на дне ямы	2.1.2
		3. в заполнении ямы	2.1.3
		4. на дне ямы и покрыты обломками сосудов	2.1.4
		5. размещены на дне ямы и накрыты перевернутым сосудом типа "клош"	2.1.5
		6. размещены в яме и отобраны в урну	2.1.6
		7. отобраны в урну	2.1.7
		8. отобраны в урну, которая не сохранилась (из дерева, кожи, бересты)	2.1.8
		9. отобраны с кострища и размещены на площадке или на древней дневной поверхности	2.1.9
Типы (Разряд III, Совокупность 3.1.)	III Останки погребального костра	10. остатки костра отсутствуют	3.1.1
		11. в погребальной яме	3.1.2
			3.1.3
			3.1.6
		12. в урне	3.1.4
		13. в виде обсыпки урны	3.1.5
(Разряд IV, Совокупность 4.1.)	IV Погребальный инвентарь	14. на погребальной площадке	3.1.8
		15. в положении in situ	3.1.7
		16. отсутствует	4.1.0
		17. сосуды, вещи, предметы быта	4.1.1
			4.1.2
Варианты (Разряд V, Совокупность 5.1)	V Другие ритуальные действия	18. отсутствуют	5.1.0
		19. фрагменты сосудов	5.1.1
			5.1.2
		20. кости животных, рыб, птиц	5.1.3
			5.1.4
			5.1.5
	21. фрагменты сосудов, кости животных, рыб, птиц	5.1.1-5.1.5	

Таблица II

Типология погребений с трупосожжениями 2-3 четверти I тыс. н.э.

Совокупность 2.1: 2,4 3 5 6 7 8 9

Совокупность 3.1: 1 2,3,6 1 2,3,6 1 2,3,6 1 2,3,6 1 4 5 4 1

Таблица III

Суммарная характеристика погребального обряда черняховской (ч), киевской (кв), колочинской (к), волынцевской (в) культур

Разряд		I										
Совокупность		1			2			3			4	
№ признака		0	1	2	0	1	2	0	1	0	3	0
Ч	кол-во	20	14,3	26	190	0	0	85	83	21	1	59
	частость %	х	84	16	100	0	0	х	79	20	1	х
КВ	кол-во	0	79	1	75	4	1	4	61	15	0	3
	частость %	х	98,7	1,3	93,7	5	1,3	х	80	20	0	х
К	кол-во	0	157	13	160	10	0	18	134	16	2	8
	частость %	х	92,3	7,7	94,1	5,9	0	х	88,2	10,5	1,3	х
В	кол-во	0	27	7	33	1	0	7	21	6	0	6
	частость %	х	79,4	20,6	97	3	0	х	78	22	0	х
Х		х	88,6	11,4	96,2	3,5	0,3	х	77,2	17	0,6	х
Q		х	0	0	0,2	0,05	0,05	х	0,05	0,1	0,05	х

продолжение таблицы III

Разряд		I										
Совокупность		4			5			6				
№ признака		1	2	3	0	1	2	0	1	2	3	4
Ч	кол-во	102	28	1	11	163	16	6	7	3	1	4
	частость %	78	21,3	0,7	х	91	9	х	47	20	7	26
КВ	кол-во	38	36	3	1	34	45	2	1	2	1	5
	частость %	49,4	46,7	3,9	х	43	57	х	11	23	11	55
К	кол-во	133	28	1	10	115	45	3	0	1	4	0
	частость %	82	17,4	0,6	х	71,8	28,2	х	0	20	80	0
В	кол-во	21	6	1	1	28	5	3	3	0	1	0
	частость %	75	21	3,6	х	85	15	х	75	0	25	0
Х		71	25,7	2	х	72	27,2	х	33,2	15,7	30,7	20,2
Q		0,2	0,1	0,1	х	0,05	0,05	х	0,1	0,1	0,1	0,1

продолжение таблицы III

Разряд	I							II				
	7							1				
№ признака	0	1	2	3	4	5	6	0	1	2	3	
Ч	кол-во	186	1	2	1	0	0	0	0	0	90	2
	частость %	98	0,5	1	0,5	0	0	0	x	0	47,6	1
КВ	кол-во	69	4	0	1	0	3	6	0	0	42	18
	частость %	83	4,9	0	1,3	0	3,6	7,2	x	0	52,5	22,5
К	кол-во	166	2	2	0	0	0	0	0	0	90	9
	частость %	97,6	1,2	1,2	0	0	0	0	x	0	53	5,3
В	кол-во	34	0	0	0	0	0	0	0	0	6	2
	частость %	100	0	0	0	0	0	0	x	0	17,6	5,9
X		94,6	1,6	0,5	0,4	0	0,9	1,8	x	0	42,7	8,7
Q		0,1	0,1	0,1	0,1	0	0	0	x	0	0,05	0,05

продолжение таблицы III

Разряд	II											
	1					2			3			
№ признака	4	5	6	7	8	9	0	1	2	0	1	
Ч	кол-во	6	7	1	61	0	22	125	61	4	35	95
	частость %	3,2	3,7	0,5	32,3	0	11,7	x	94	6	x	61,3
КВ	кол-во	0	1	1	5	12	1	74	6	0	2	70
	частость %	0	1,3	1,3	61	15	1,3	x	100	0	x	89,7
К	кол-во	1	2	5	63	0	0	85	70	15	124	29
	частость %	0,6	1,2	2,9	37	0	0	x	82,3	17,7	x	63
В	кол-во	2	0	1	23	0	0	12	18	4	22	11
	частость %	5,9	0	3	67,6	0	0	x	82	18	x	92
X		2,4	1,5	1,9	49,5	3,7	3,2	x	89,6	10,4	x	76,5
Q		0,05	0,1	0,05	0,05	0,1	0,1	x	0,05	0,05	x	0

продолжение таблицы III

Разряд		II										
Совокупность		3			4							
№ признака		2	3	4	0	1	2	3	4	5	6	7
Ч	кол-во	44	4	12	11	34	4	1	1	5	1	2
	частость %	28,4	2,6	7,7	x	71	8,4	2	2	10,4	2	4,2
КВ	кол-во	6	1	1	1	4	0	1	0	1	0	0
	частость %	7,7	1,3	1,3	x	66	0	17	0	17	0	0
К	кол-во	8	0	9	2	51	12	0	0	2	1	0
	частость %	17,4	0	19,6	x	74	17,4	0	0	2,9	1,4	0
В	кол-во	0	1	0	0	16	6	0	0	0	1	0
	частость %	0	8	0	x	69,6	26	0	0	0	4,4	0
Х		13,4	3	7,1	x	70,1	13	4,7	0,5	7,5	2	1
Q		0,05	0,05	0,1	x	0,15	0,1	0,1	0	0,15	0,1	0,1

продолжение таблицы III

Разряд		II										III	
Совокупность		4	5							1			
№ признака		8	0	1	2	3	4	5	6	0	1	2	
Ч	кол-во	0	28	20	8	3	1	0	1	0	149	28	
	частость %	0	46	32,7	13,1	5	1,6	0	1,6	x	78,8	14,9	
КВ	кол-во	0	2	3	0	0	0	0	0	0	9	22	
	частость %	0	40	60	0	0	0	0	0	x	11,2	27,5	
К	кол-во	3	50	7	7	0	0	1	0	0	108	20	
	частость %	4,3	77	10,7	10,7	0	0	1,6	0	x	63,5	11,8	
В	кол-во	0	18	2	1	0	0	1	0	0	14	4	
	частость %	0	82	9	4,5	0	0	4,5	0	x	41,2	11,8	
Х		1	61,2	28,1	7	1,3	0,4	1,5	0,4	x	48,7	16,5	
Q		0,15	0,1	0	0,15	0,1	0	0,05	0	x	0,05	0	

продолжение таблицы III

Разряд	III											
	1						2					
Совокупность	3	4	5	6	7	8	0	1	2	3	4	
№ признака	3	4	5	6	7	8	0	1	2	3	4	
Ч	кол-во	0	5	0	7	0	0	5	0	0	11	29
	частость %	0	2,6	0	3,7	0	0	x	0	0	27,5	72,5
КВ	кол-во	32	12	1	4	0	0	5	36	7	21	1
	частость %	40	15	1,3	5	0	0	x	55,4	10,8	32,3	1,5
К	кол-во	1	3	14	24	0	0	7	17	0	31	3
	частость %	0,6	1,8	8,2	14,1	0	0	x	33,3	0	60,8	5,9
В	кол-во	1	10	3	2	0	0	0	4	0	14	3
	частость %	3	29,4	8,8	5,8	0	0	x	19	0	66,7	14,3
X		11	12,2	4,6	7,1	0	0	x	27	2,7	46,8	23,5
Q		0,2	0	0,05	0,15	0	0	x	0,15	0	0,05	0,1

продолжение таблицы III

Разряд	IV											
	1			2						3		
Совокупность	0	1	2	1	2	3	4	5	6	1	2	
№ признака	0	1	2	1	2	3	4	5	6	1	2	
Ч	кол-во	123	17	59	27	0	0	1	0	2	17	1
	частость %	62	8,5	29,5	90	0	0	3,3	0	6,7	68	4
КВ	кол-во	59	2	20	1	0	0	0	0	0	4	2
	частость %	73	2	25	100	0	0	0	0	0	67	33
К	кол-во	101	10	62	6	2	0	17	1	0	1	1
	частость %	58,3	5,8	35,9	23	7,8	0	65,4	3,8	0	6,7	6,7
В	кол-во	24	5	8	1	1	0	0	1	0	0	0
	частость %	64,8	13,5	21,7	33,3	33,3	0	0	33,3	0	0	0
X		64,5	7,4	28	61,6	10,3	0	17,1	9,3	1,7	35,4	11
Q		0,05	0,1	0,05	0,05	0,05	0	0,15	0,05	0,05	0,05	0,15

продолжение таблицы III

Разряд				IV								
	3			4								
№ признака	3	4	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Ч	кол-во	6	1	5	1	1	10	1	2	7	0	0
	частость %	24	4	13,3	2,7	2,7	2,7	2,7	5,4	18,9	0	0
КВ	кол-во	0	0	3	1	0	3	1	0	0	0	0
	частость %	0	0	33,3	11,1	0	33,3	11,1	0	0	0	0
К	кол-во	13	0	5	1	0	16	0	0	0	0	1
	частость %	86,6	0	20	4	0	64	0	0	0	0	4
В	кол-во	1	0	2	0	0	1	0	0	0	0	0
	частость %	100	0	67	0	0	33	0	0	0	0	0
X		52,6	1	33,4	4,4	0,7	39,3	3,4	1,4	4,7	0	1
Q		0,1	0	0,1	0,1	0,05	0,05	0,1	0,1	0,05	0	0

продолжение таблицы III

Разряд	IV											
	4				5					6		
№ признака	10	11	12	13	1	2	3	4	5	0	1	
Ч	кол-во	5	1	2	2	1	1	1	0	1	0	0
	частость %	13,5	2,7	5,4	5,4	25	25	25	0	25	x	0
КВ	кол-во	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	частость %	0	11,1	0	0	0	0	0	0	0	x	0
К	кол-во	0	2	0	0	1	0	0	2	0	0	0
	частость %	0	8	0	0	33	0	0	67	0	x	0
В	кол-во	0	0	0	0	1	0	0	2	0	0	0
	частость %	0	0	0	0	33	0	0	67	0	x	0
X		3,4	5,4	1,4	1,4	22,7	6,3	6,3	33,5	6,3	x	0
Q		0,05	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0	0,1	x	0

продолжение таблицы III

Разряд	IV											
	6											7
Совокупность												0
№ признака	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	0
Ч	кол-во	12	17	16	13	4	13	1	6	0	1	22
	частость %	14,4	20,5	19,3	15,7	4,8	15,7	1,2	7,2	0	1,2	x
КВ	кол-во	0	2	4	1	0	3	0	1	1	0	4
	частость %	0	16,7	33,3	8,3	0	25	0	8,3	8,3	0	x
К	кол-во	1	25	16	6	0	13	2	2	2	0	10
	частость %	15	37,3	23,8	9	0	19,4	3	3	3	0	x
В	кол-во	0	5	3	1	0	2	0	1	0	0	1
	частость %	0	41,6	25	8,3	0	16,6	0	8,3	0	0	x
Х		4	29	25,3	10,3	1,2	19,2	1	6,7	2,8	0,3	x
Q		0,05	0,05	0,1	0,05	0	0,05	0,1	0	0,05	0	x

продолжение таблицы III

7			1									2				
1	2	3	0	1	2	3	4	5	6	7	8	0	1	2	3	
7	18	2	63	100	20	7	1	0	1	6	0	162	25	3	1	
26	67	7	31,9	50,8	10,2	3	0,5	0	0,5	3	0	84,8	13,1	1,6	0,5	
2	0	0	5	61	11	35	0	1	0	3	5	67	10	1	2	
100	0	0	4,1	50,4	9,1	29	0	0,8	0	2,5	4,1	84	12,3	1,2	2,5	
4	13	7	94	64	9	12	0	0	0	0	0	170	0	0	0	
16,7	54,1	29,2	52,5	35,8	5	6,7	0	0	0	0	0	100	0	0	0	
2	2	0	23	7	1	4	0	0	0	0	1	34	0	0	0	
50	50	0	64	19,4	2,8	11	0	0	0	0	2,8	100	0	0	0	
48,2	42,7	9	38,1	39,1	6,7	12,4	0,1	0,2	0,1	1,4	1,7	92,2	6,4	0,7	0,7	
0,05	0,15	0,1	0,05	0	0,15	0,05	0,05	0	0,05	0,05	0,2	0	0,1	0	0,1	

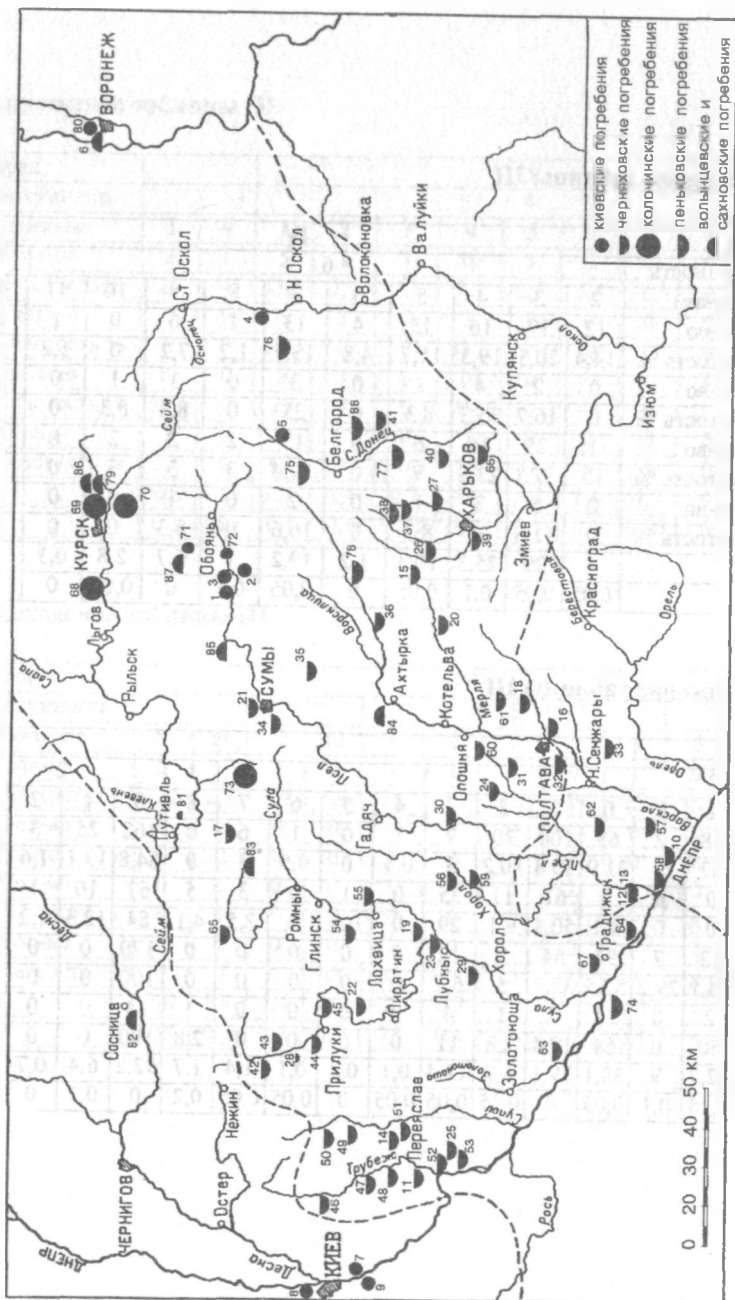

Рис. 1. Карта погребальных памятников 2-3-й четверти I тыс.н.э. в лесостепном Днепро-Донском междуречье

Приложение к рис. 1

Погребальные памятники киевской культуры: 1 – Шмырево, 2 – Гоцево 1, 3 – Кулига, 4 – Приоскольское 2, 5 – Шишино 5, 6 – Чертовское 3, 7 – Бортничи, 8 – Казаровичи, 9 – Новые Безрадичи.

Погребальные памятники черняховской культуры: 10 – Компанийцы, 11 – Переяслав-Хмельницкий, 12 – Жовнинский Остров, 13 – Жовнинская Пристань, 14 – Соснова, 15 – Родной Край 1, 16 – Новоселовка, 17 – Успенка, 18 – Кантемировка, 19 – Лохвица, 20 – Павлюковка, 21 – Сумы 1, 22 – Белоцерковцы, 23 – Вовчик, 24 – Дубьяги, 25 – Хоцки, 26 – Пересечное, 27 – Большая Даниловка, 28 – Гурбинцы, 29 – Савинский, 30 – Барановка, 31 – Свинковка, 32 – Полтава, 33 – Писаревка, 34 – Сумы 2, 35 – Боромля, 36 – Великая Писаревка, 37 – Соколово 1, 38 – Соколово 2, 39 – Буды, 40 – Прелестный, 41 – Головино 1, 42 – Иржево, 43 – Малая Девица, 44 – Клецы, 45 – Линовица, 46 – Гречаники, 47 – Барышевка, 48 – Цыбли, 49 – Чубуки, 50 – Виненцы, 51 – Малая Каратуль, 52 – Стовпяги, 53 – Денисы, 54 – Бербеницы, 55 – Снятин, 56 – Клепачи, 57 – Прокозовка, 58 – Шушваловка, 59 – Ковали, 60 – Ступы, 61 – Водяное, 62 – Марковка, 63 – Васютинцы, 64 – Жовнин 1, 65 – Великий Самбор, 66 – Мечебелово, 67 – Градижск.

Погребальные памятники колочинской культуры: 68 – Авдеево, 69 – Лебяжье 1, 70 – Клюква, 71 – Княжий, 72 – Картамышево, 73 – Артюховка.

Погребальные памятники пеньковской культуры: 74 – Вел. Андрусовка 3, 75 – Яблунцево, 76 – Приоскольское, 77 – Антоновка, 78 – Луговка.

Погребальные памятники сахновско-волынцевского типа: 79 – Лебяжье 3, 80 – Лысая Гора 1, 81 – Сосница, 83 – Б.Будки, 84 – Хухры, 85 – Билица, 86 – Лебяжье 1, 87 – Княжий, 88 – Дмитриевка.

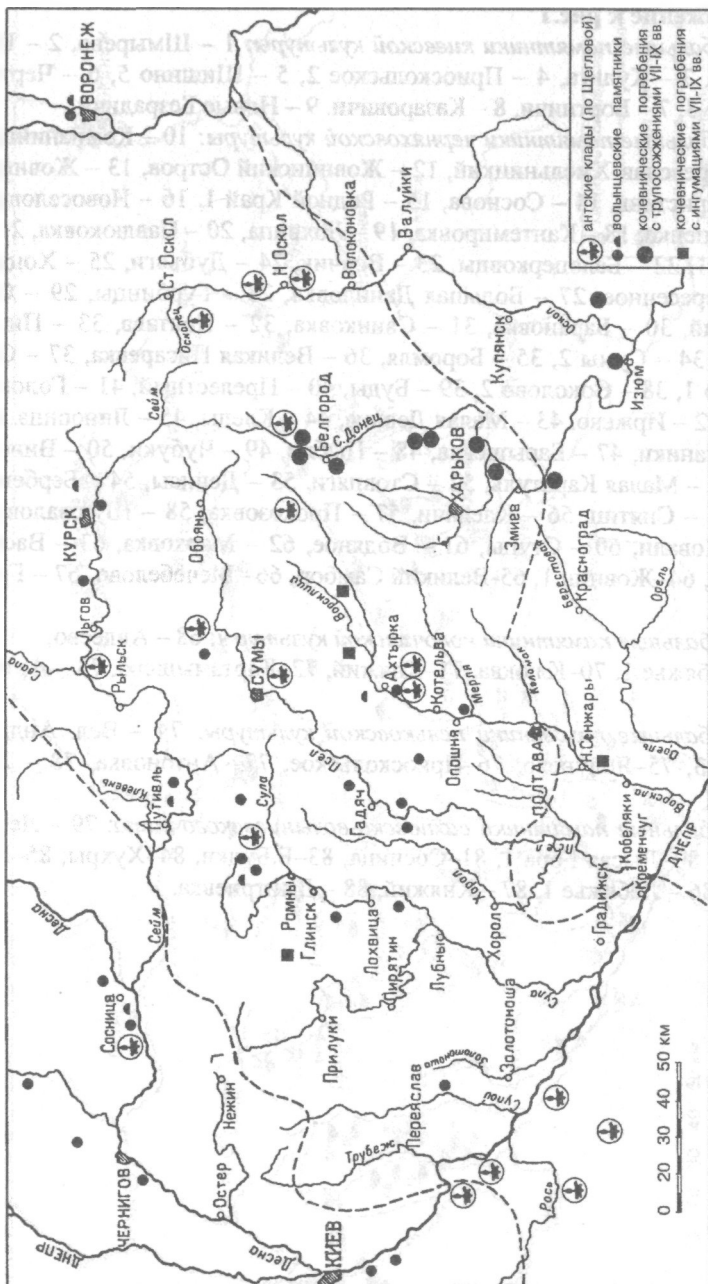

Рис.2. Лесостепное Днепро-Донское междуречье в конце VII – первой половине VIII вв.

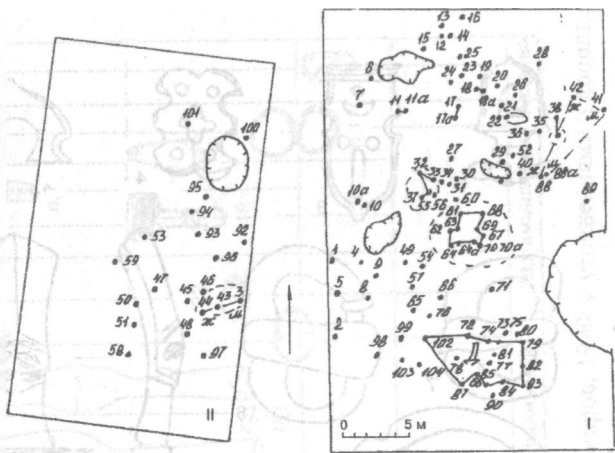

Рис.3. Лебяжинский могильник. Группы погребений с социально значимыми признаками

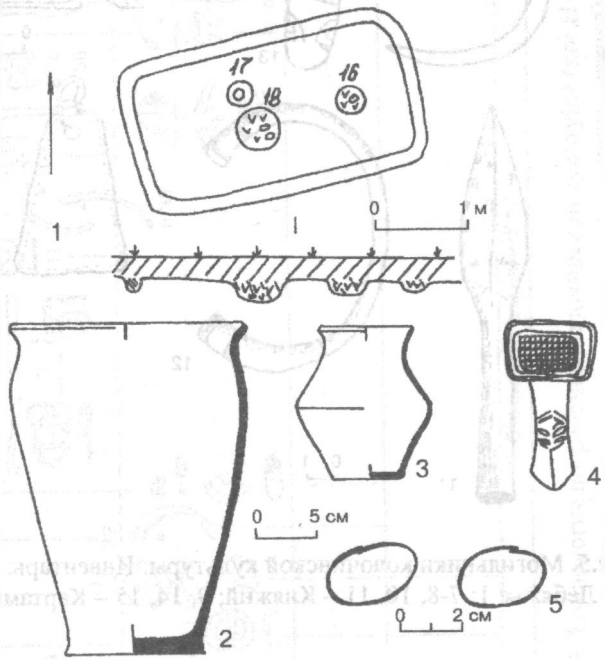

Рис.4. Картамышский могильник. 2 погребальный комплекс. Инвентарь

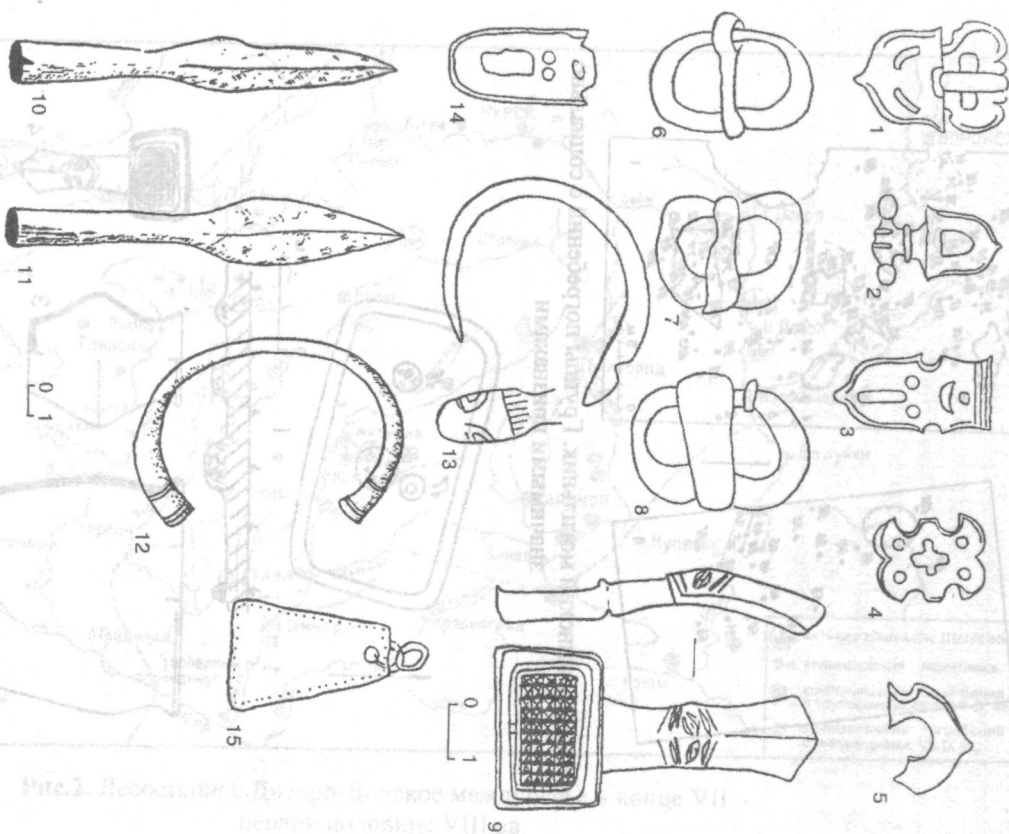

Рис.5. Могильники колочинской культуры. Инвентарь:
1-6, 12, 13 – Лебяжье I; 7-8, 10, 11 – Княжий; 9, 14, 15 – Картамышево 2

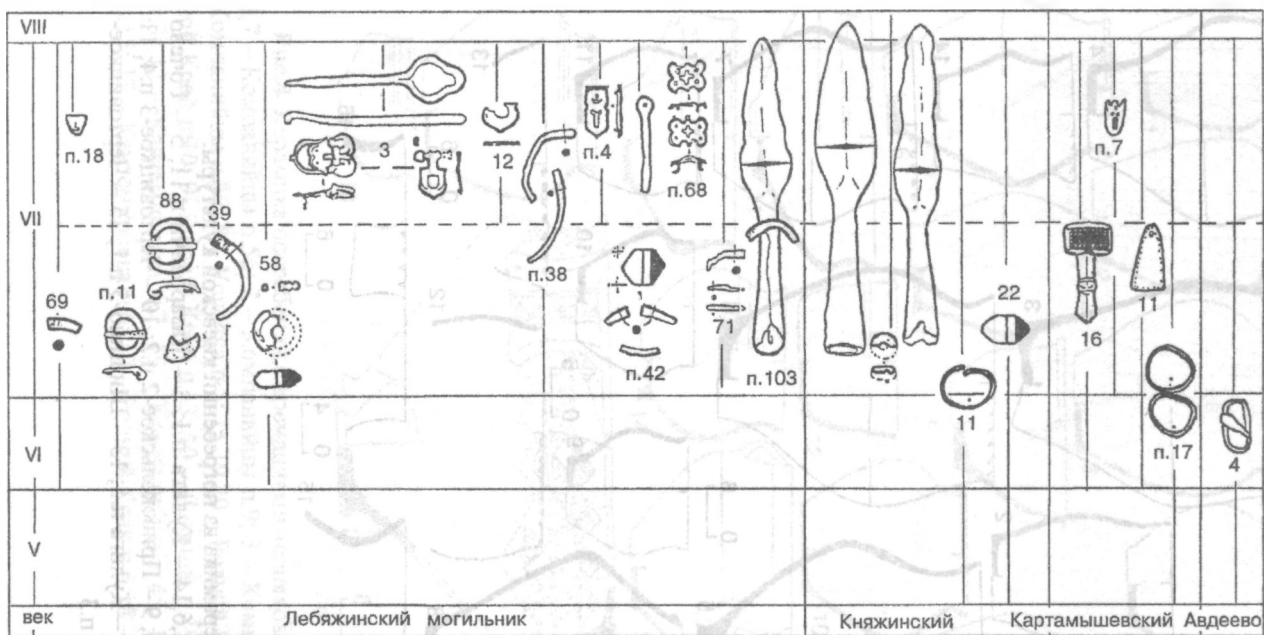

Рис.6. Хронология погребений колочинской культуры (по: Н.А. Тихомиров, 1990; с уточнениями и дополнениями автора)

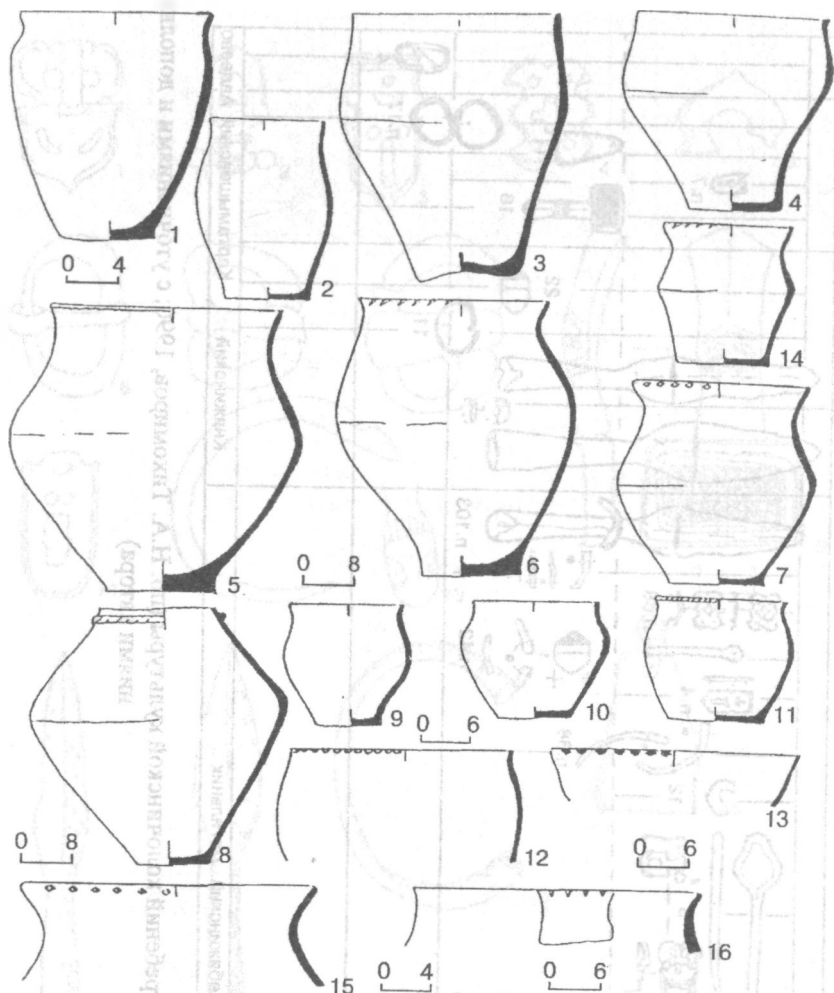

Рис.7. Керамика из погребений киевской культуры.

1,7 – Кулига п.6; 2,6,14 – Кулига п.1; 3 – Казаровичи п.11; 5 – Гочево п.1; 8 – Казаровичи; 9 – Приоскольское-2 п.2; 10 – Чертовикое-3 п.4; 11 – Шмырево п.1; 12 – Кулига п.5; 13 – Шишино-5 п.1; 15 – Чертовикое-3 п.11; 16 – Кулига п.3

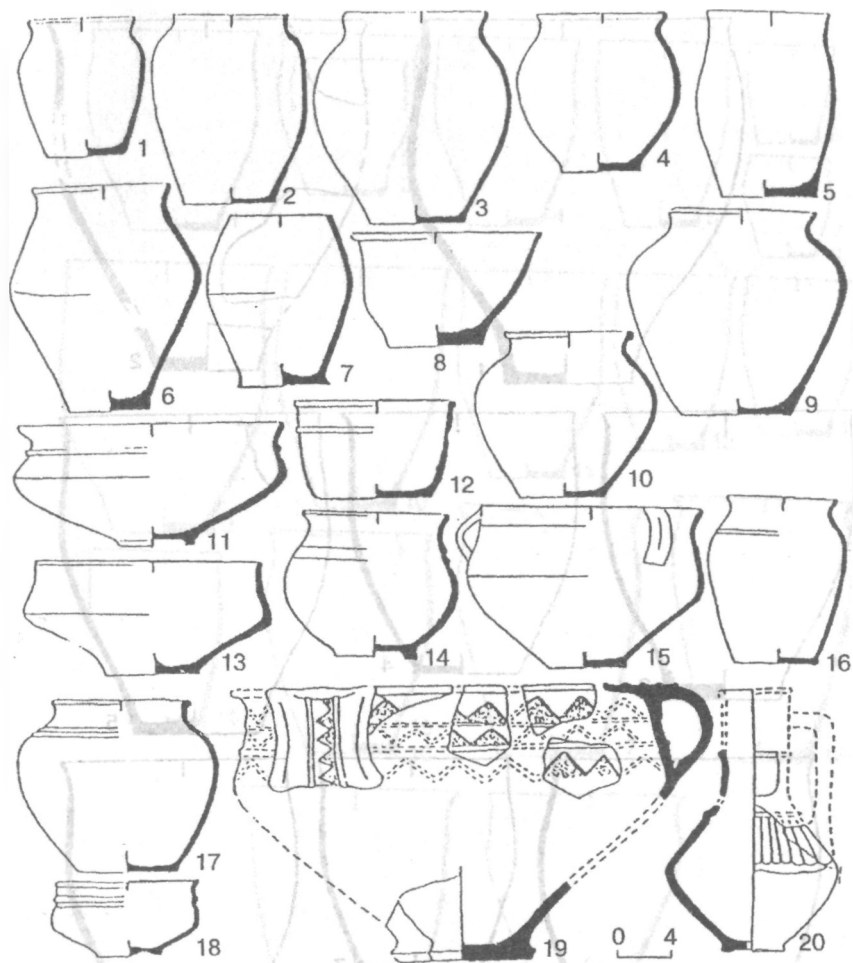

Рис.8. Керамика погребений с кремациями черняховской культуры. 1,7 – Компанийцы п.56; 2 – Компанийцы п.9; 3 – Компанийцы п.50; 4 – Компанийцы п.86; 5 – Успенка п.5; 11,19,20 – Родной Край п.1; 8 – Родной Край п.10; 9 – Родной Край п.13; 10 – Лохвица п.19; 11,14 – Сумы-1 п.3; 12 – Кантемировка п.7; 15 – Компанийцы п.45; 16 – Компанийцы п.15; 13 – Кантемировка п.6; 17 – Родной Край п.6; 18 – Родной Край п.7

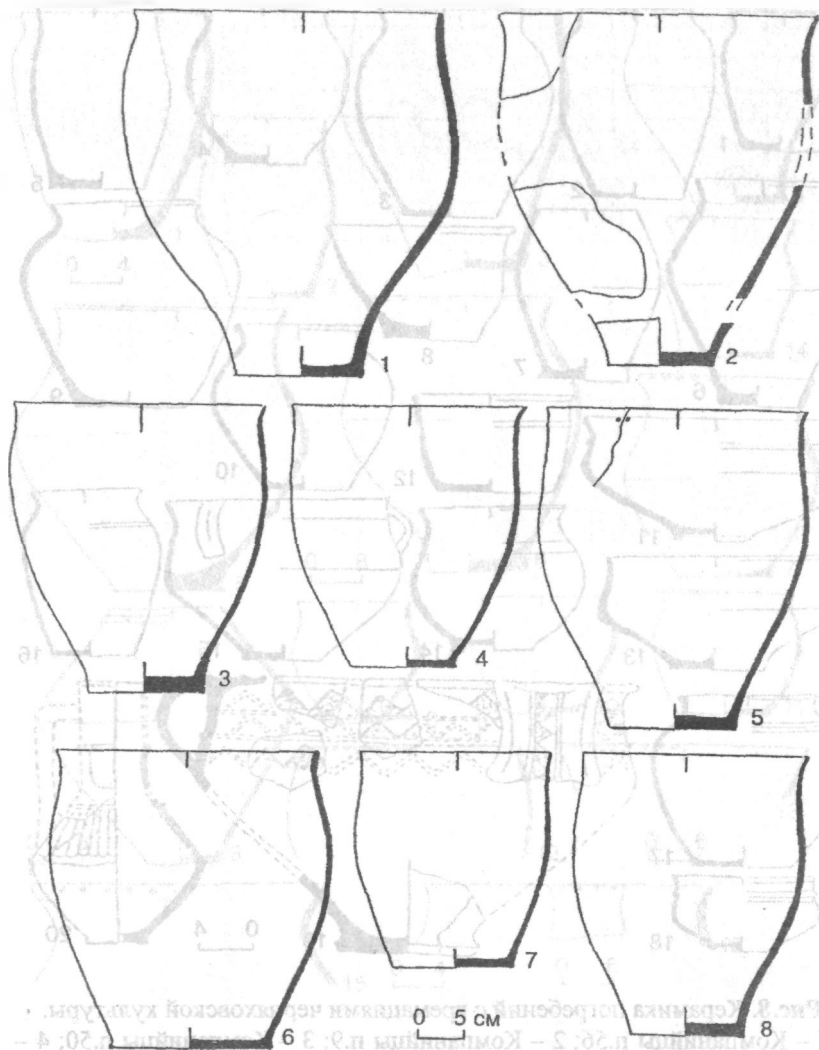

Рис.9. Керамика из погребений колочинской культуры.

1 – Авдеево п.4; 2 – Княжий п.9; 3 – Лебяжье-1 п.62; 4 – Лебяжье-1 п.20;
 5 – Лебяжье-1 п.54; 6 – Картамышево 2 п.43; 7 – Лебяжье-1 п.18; 8 –
 Лебяжье-1 п.68

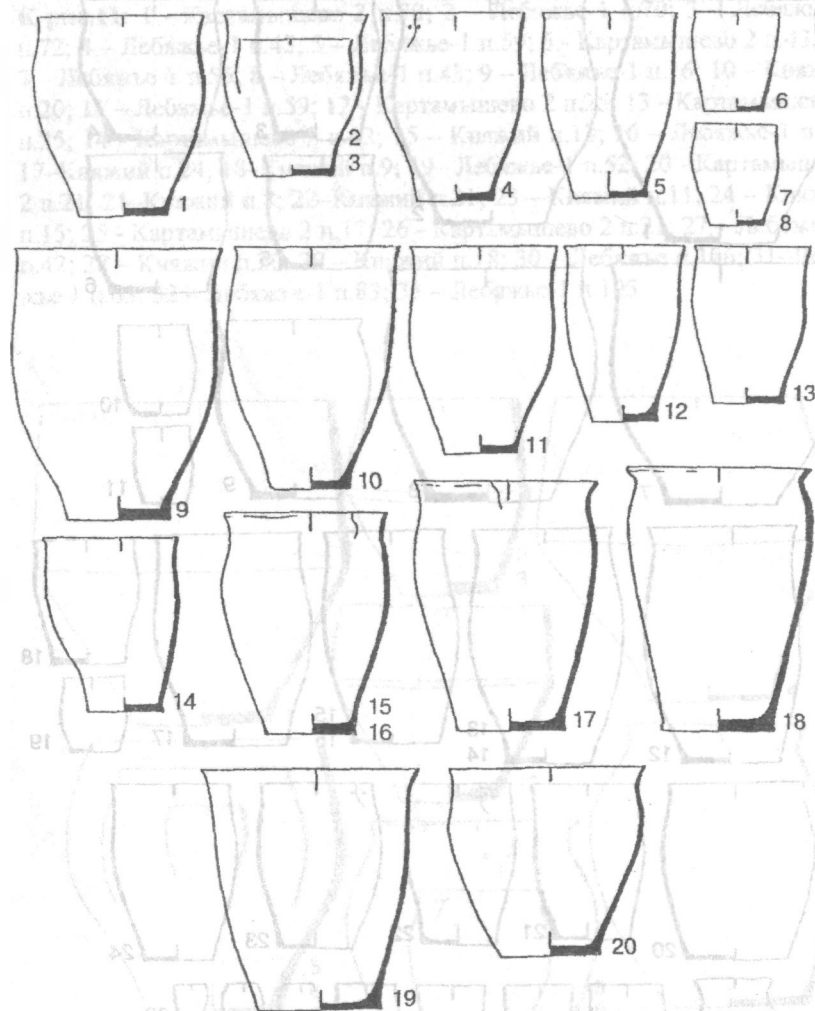

Рис. 10. Керамика из погребений колочинской культуры.

1 – Княжий п.19; 2 – Лебяжье-1 п.26; 3 – Лебяжье-1 п.52; 4 – Княжий п.18; 5 – Княжий п.7; 6 – Княжий п.19; 7 – Княжий п.8; 8 – Лебяжье-1 п.26; 9 – Княжий п.25; 10 – Княжий п.6; 11 – Лебяжье-1 п.1; 12 – Княжий п.6; 13 – Лебяжье-1 п.85; 14 – Картамышево 2 п.6; 15 – Картамышево 2 п.13; 16 – Картамышево 2 п.32; 17 – Картамышево 2 п.2; 18 – Картамышево 2 п.17; 19 – Княжий п.26; 20 – Лебяжье-1 п.84

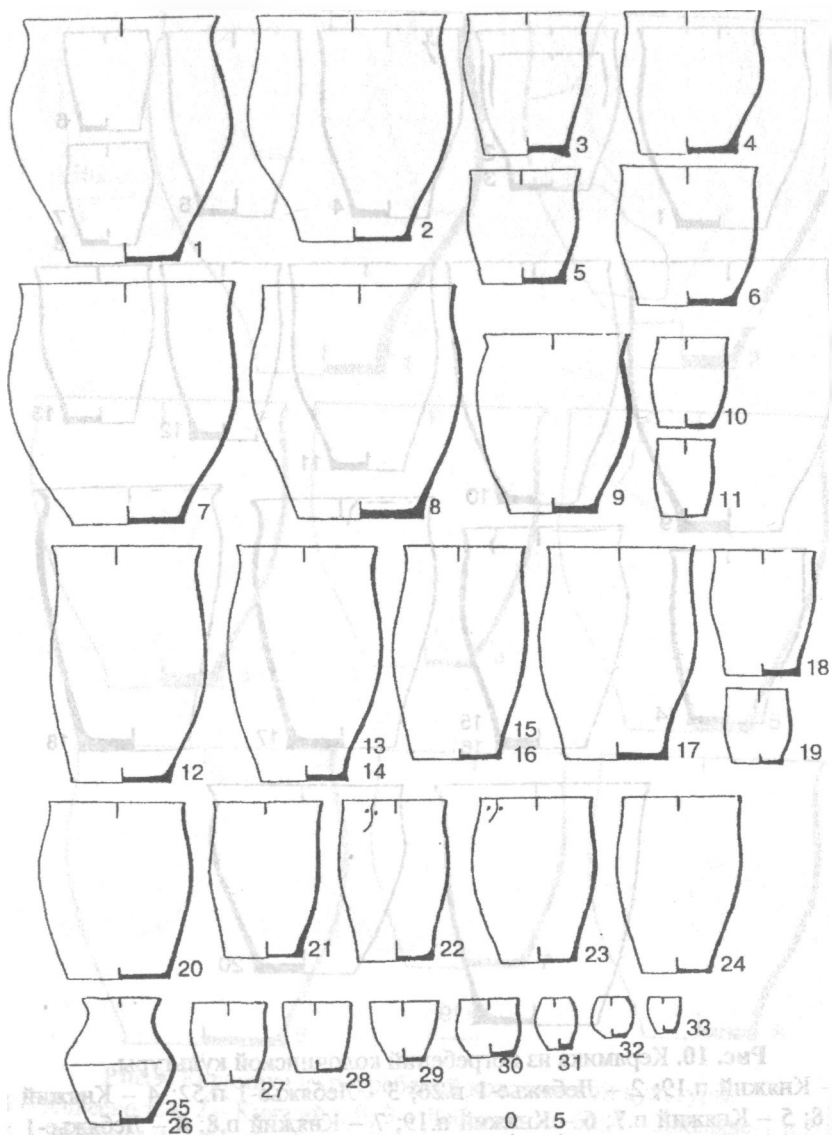

Рис.11. Керамика из погребений колочинской культуры.

К рис.11: 1 - Картамышево 2 п.30; 2 - Лебяжье-1 п.70; 3 - Лебяжье-1 п.72; 4 - Лебяжье-1 п.43; 5 - Лебяжье-1 п.59; 6 - Картамышево 2 п.43; 7 - Лебяжье-1 п.55; 8 - Лебяжье-1 п.43; 9 - Лебяжье-1 п.16; 10 - Княжий п.20; 11 - Лебяжье-1 п.59; 12 - Картамышево 2 п.25; 13 - Картамышево 2 п.25; 14 - Картамышево 2 п.42; 15 - Княжий п.13; 16 - Лебяжье-1 п.32; 17-Княжий п.24; 18-Княжий п.9; 19- Лебяжье-1 п.52; 20 - Картамышево 2 п.21; 21-Княжий п.8; 22-Княжий п.21; 23 - Княжий п.11; 24 - Княжий п.15; 25 - Картамышево 2 п.17; 26 - Картамышево 2 п.21; 27 - Лебяжье-1 п.42; 28 - Княжий п.20; 29 - Княжий п.18; 30 - Лебяжье п.106; 31-Лебяжье 1 п.63; 32 - Лебяжье-1 п.83; 33 - Лебяжье-1 п.105

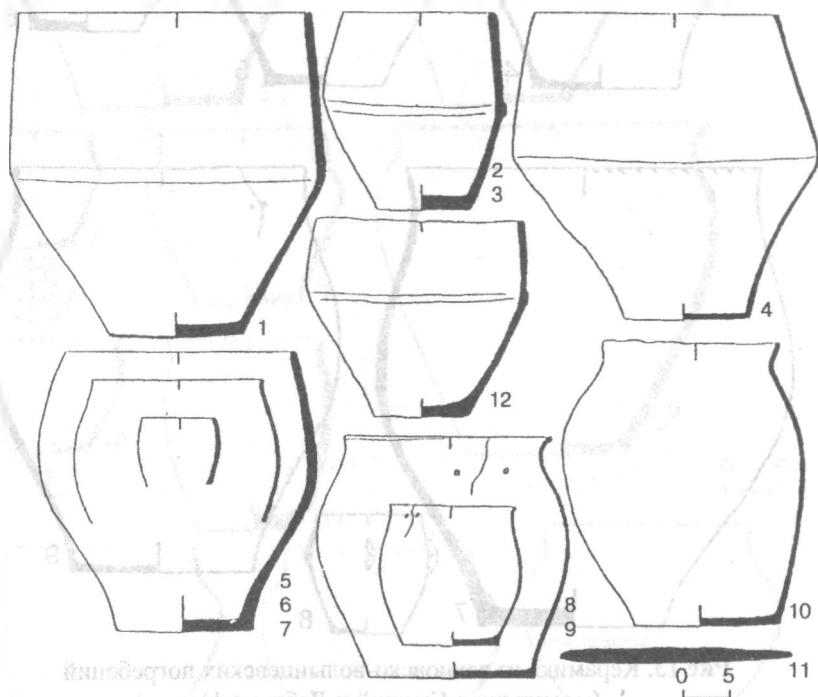

Рис.12. Керамика из погребений колочинской культуры.

1-Артюховка; 2-Лебяжье-1 п.20; 3-Картамышево 2 п.43; 4 - Картамышево 2 п.51; 5 - Лебяжье-1 п.15; 6 - Княжий п.10; 7 - Лебяжье-1 п.47; 8 - Лебяжье-1 п.77; 9 - Картамышево 2 п.41; 10 - Картамышево 2 п.37; 11 - Лебяжье-1 п.46

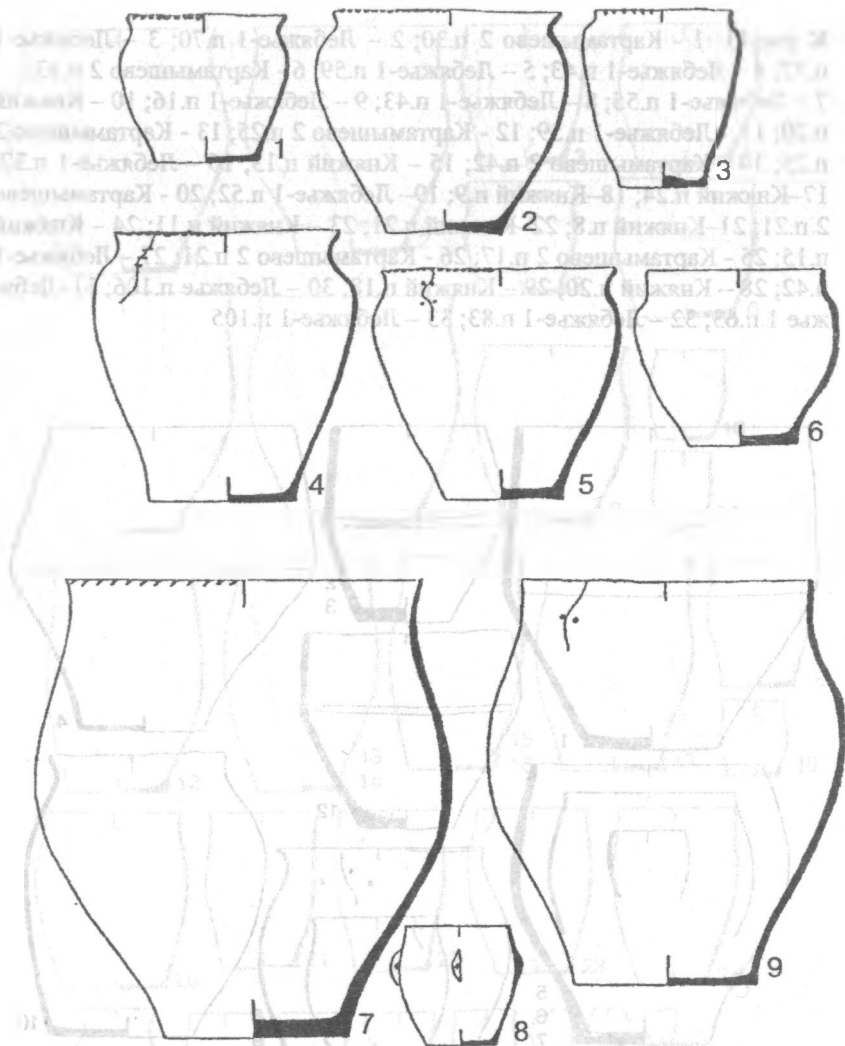

Рис.13. Керамика из сахновско-волынцевских погребений
(могильники Княжий и Лебяжье 1).

1 – Лебяжье-1 п.64; 2 - Лебяжье-1 п.104; 3 - Лебяжье-1 п.102; 4 - Лебяжье-1 п.104; 5 - Лебяжье-1 п.16; 6 - Лебяжье-1 п.15; 7 - Лебяжье-1 п.37; 8 - Лебяжье-1 п.92; 9 - Лебяжье-1 п.102

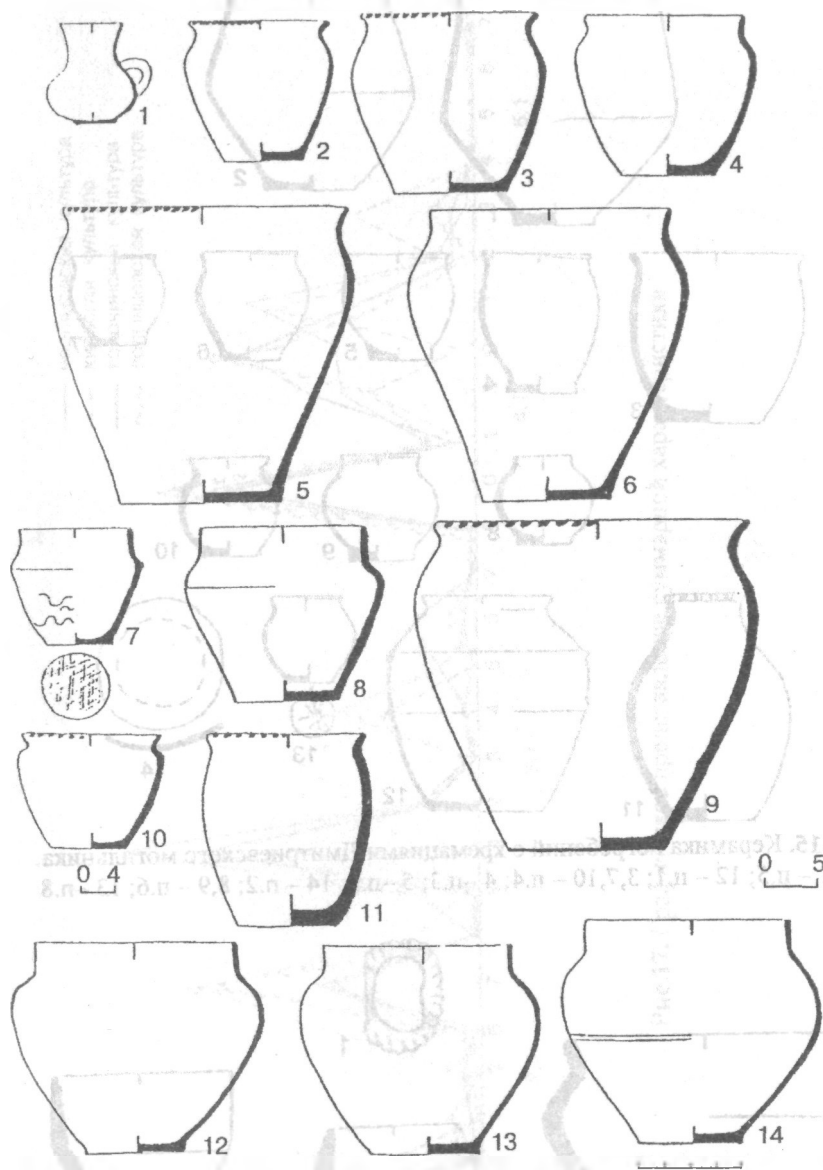

Рис. 14. Керамика из сахновско-волынцевских погребений.

1-6 - Лебяжье-3 п.6; 7 - Лебяжье-3 п.10; 8 - Лебяжье-3 п.10; 9 - Лебяжье-3 п.9; 11 - Лысая Гора п.1; 12-14 - Волынцево

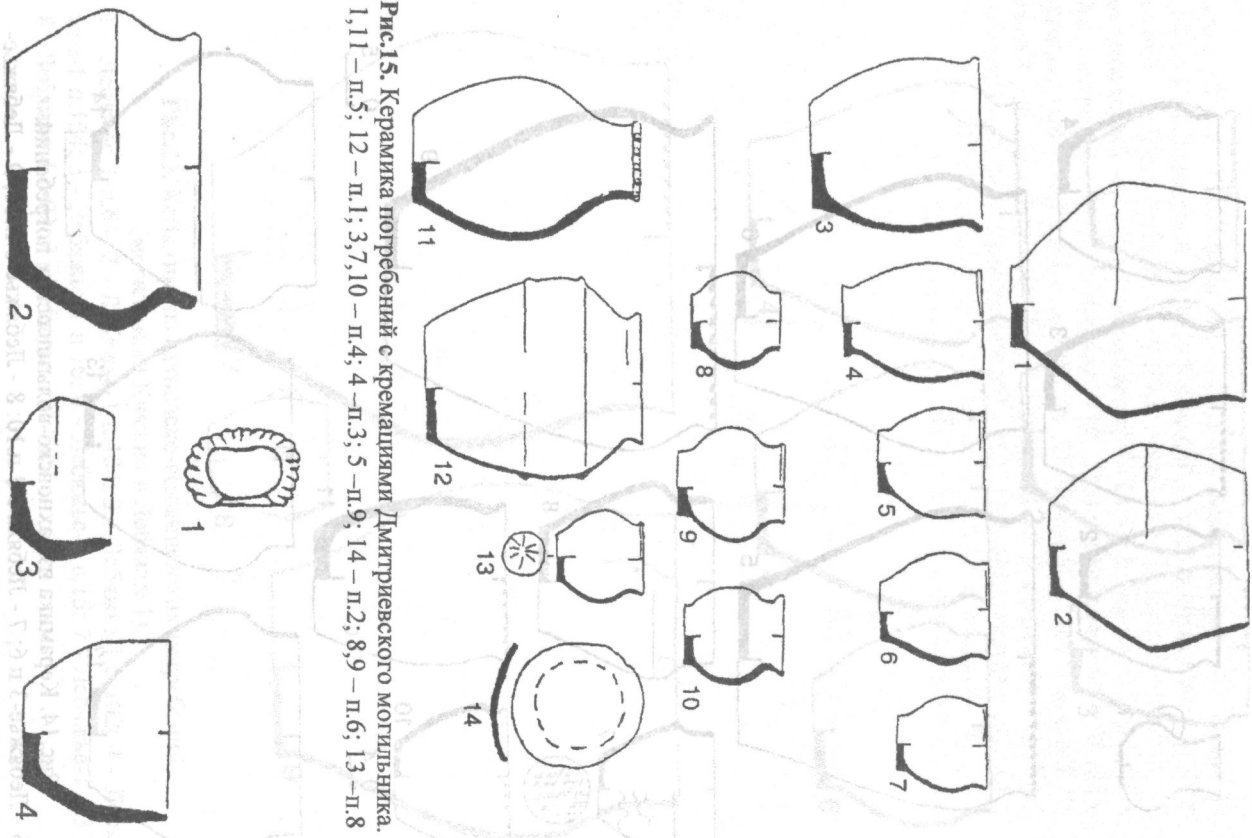

Рис.15. Керамика погребений с кремациями Дмитриевского могильника. 1,11 – п.5; 12 – п.1; 3,7,10 – п.4; 4 – п.3; 5 – п.9; 14 – п.2; 8,9 – п.6; 13 – п.8

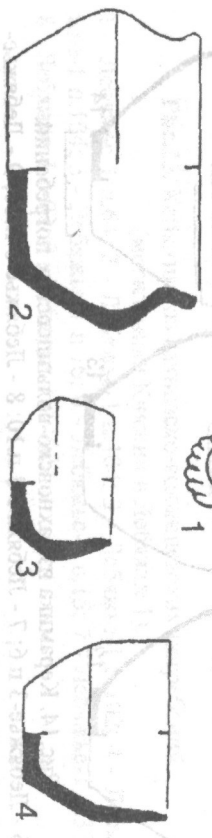

Рис.16. Инвентарь погребений пеньковской культуры. 1 – В.Андрусовка-3 п.4; 2,3 – В.Андрусовка п.3; 4 – В.Андрусовка п.2

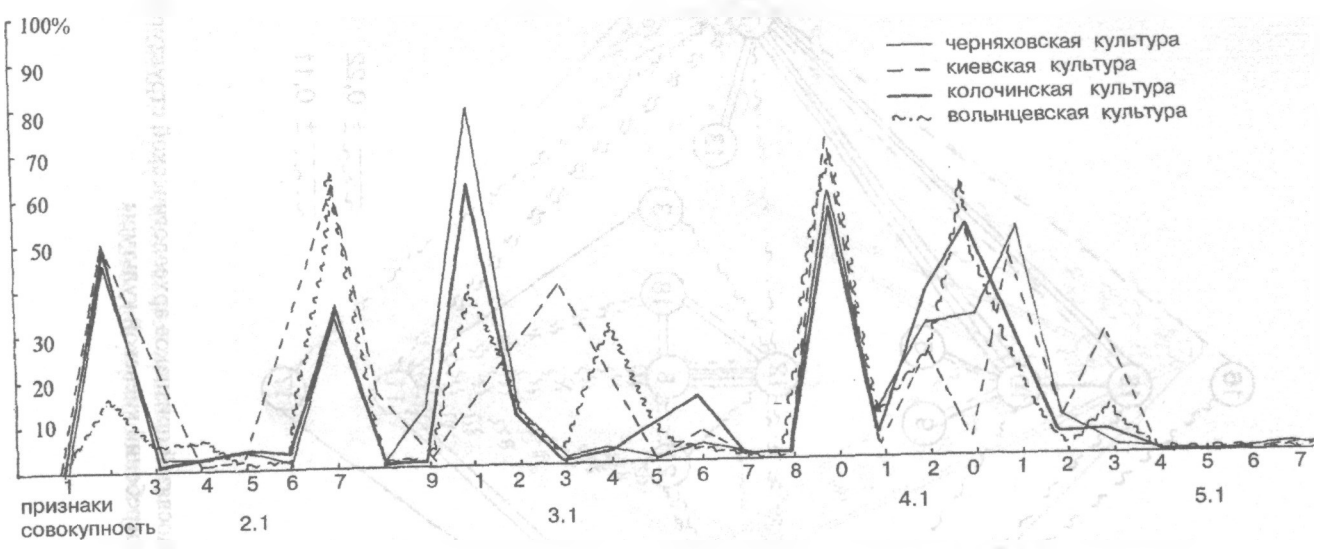

Рис.17. Графическое представление суммарной характеристики

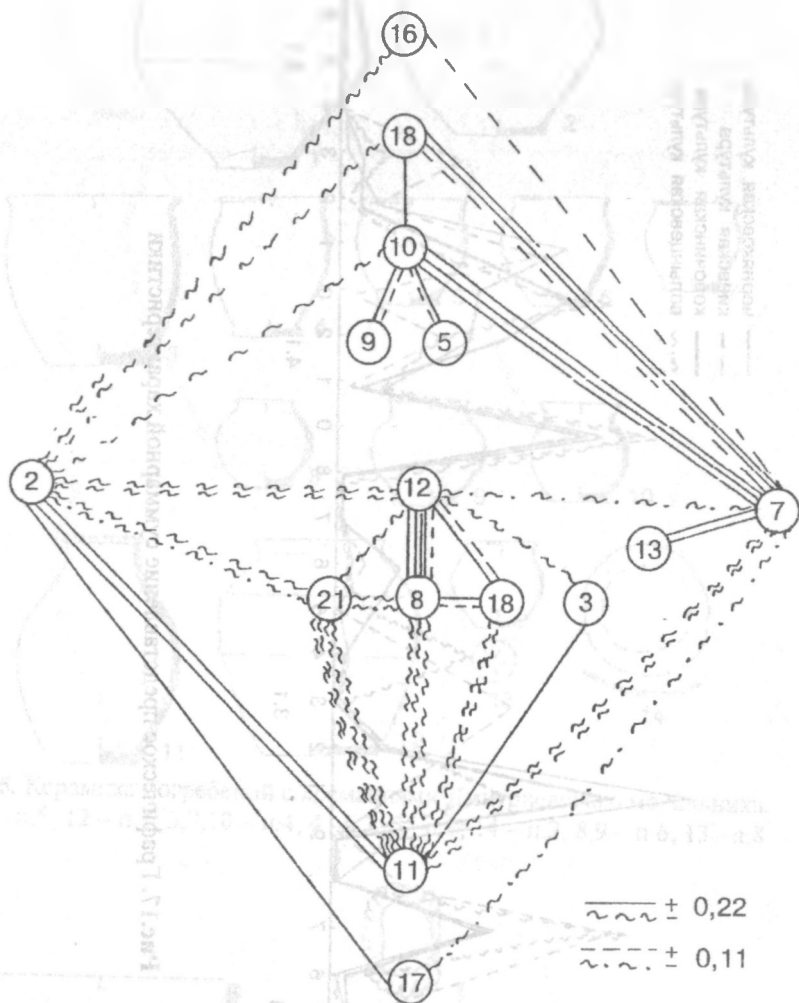

Рис. 18. Граф взаимосвязей признаков археологической структуры погребений киевской культуры

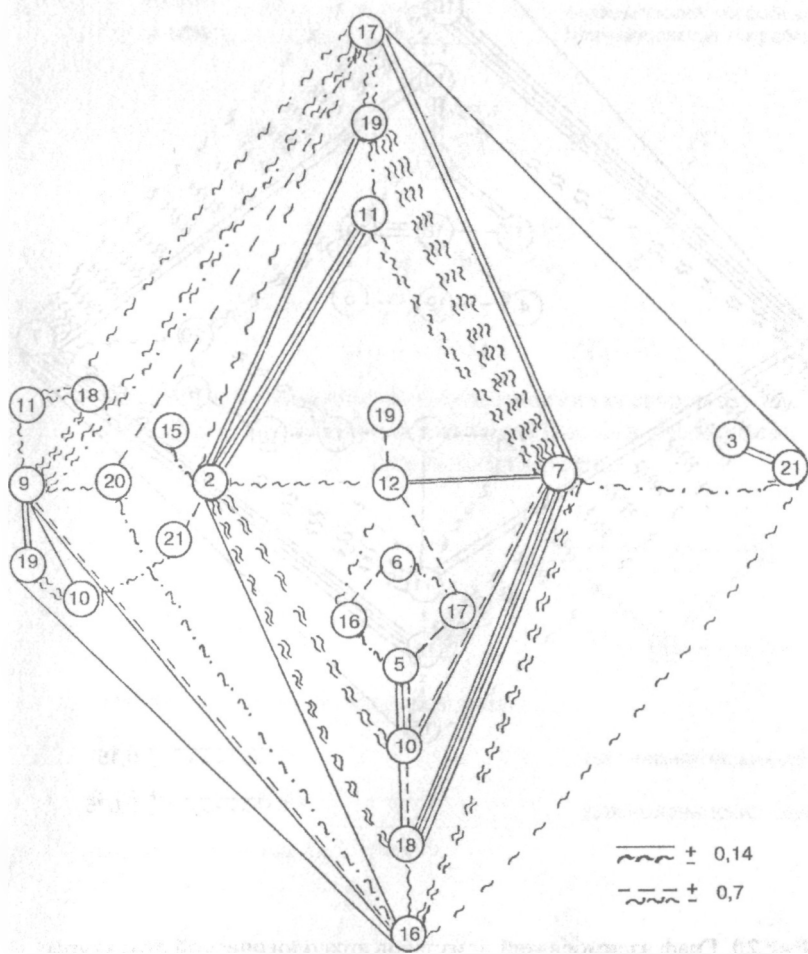

Рис.19. Граф взаимосвязей признаков археологической структуры погребений черняховской культуры

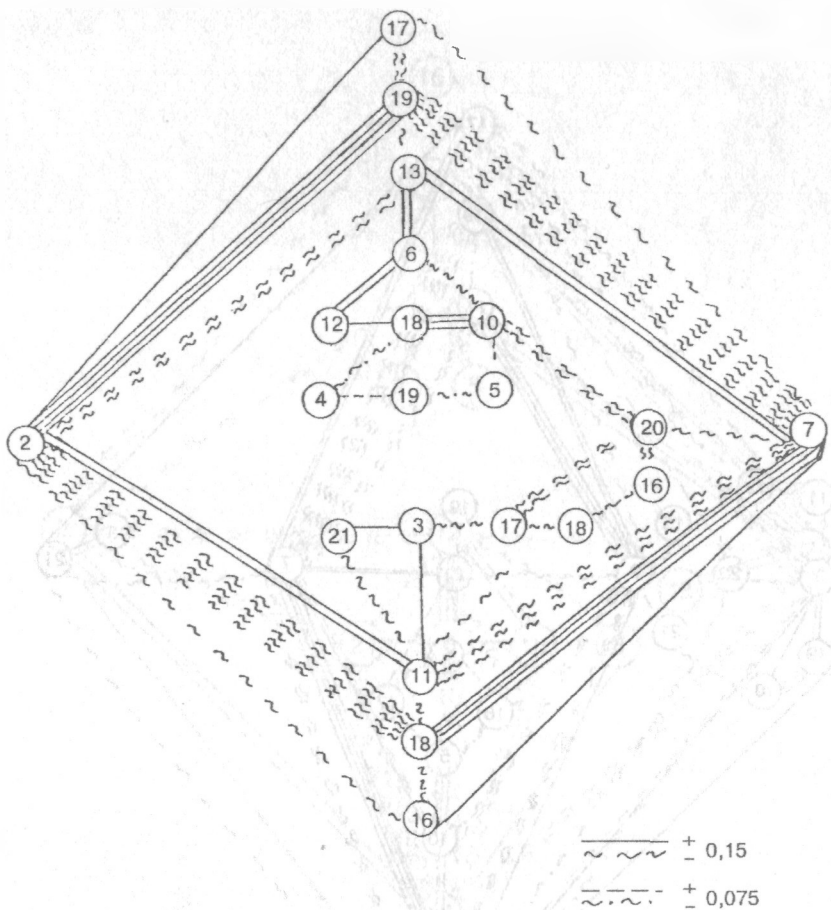

Рис.20. Граф взаимосвязей признаков археологической структуры погребений колочинской культуры

Интервальные группы степеней связи:

0-40% (дotted line)

40-80% - - - - (dashed line)

от 80% _____ (solid line)

1-киевские памятники

2-черняховские погребения

3-колочинские погребения

4-пеньковские погребения

5-вольнцевские погребения

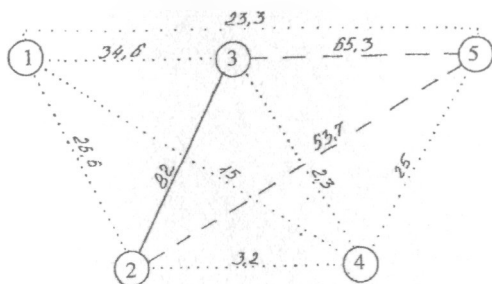
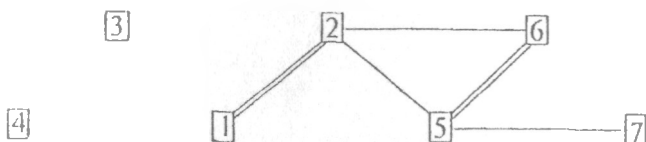

Рис.21. Граф взаимосвязей типологических спектров трупосожжения археологических культур 2-3 четверти I тыс.н.э. лесостепного Днепро-Донского междуречья

Интервальные группы степеней связи:

0,01-0,15 - слабая

для черняховских сожжений

0,15-0,30 - средняя

для колочинских сожжений

свыше 0,30 - сильная

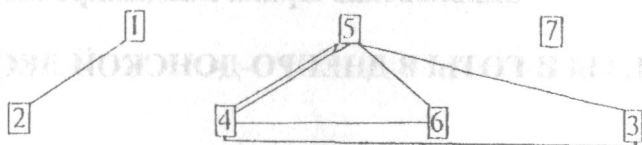

Рис.22. Графы взаимовстречаемости социально значимых признаков погребений черняховской и колочинской культур